

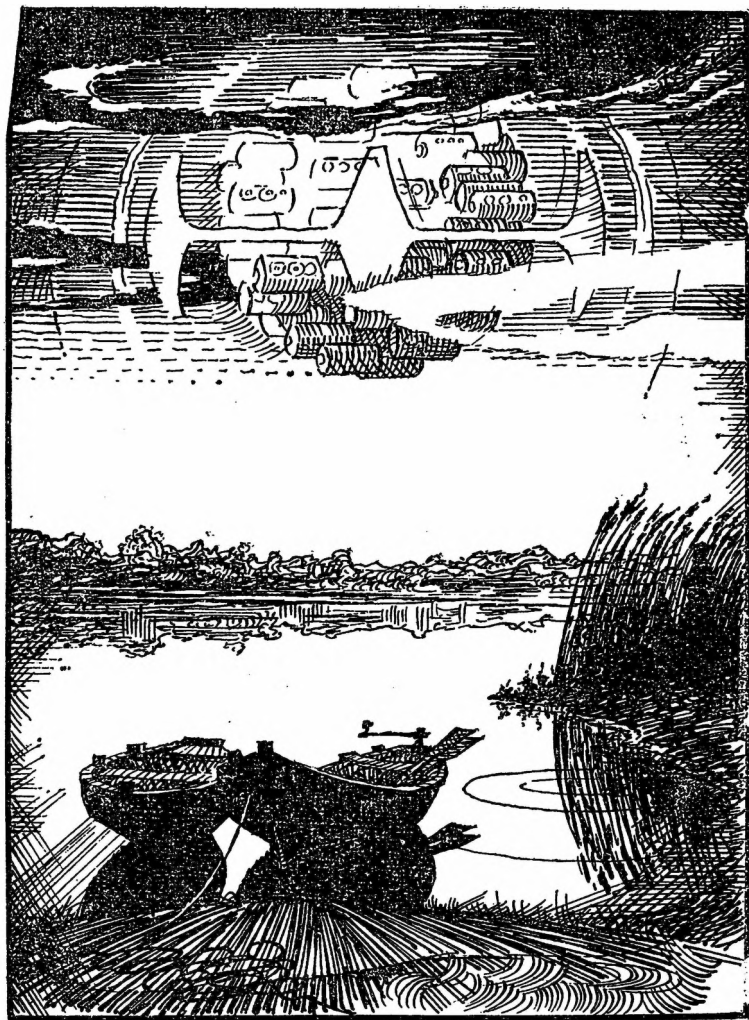
БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ВИКТОР КОЛУПАЕВ
СЕДЬМАЯ МОДЕЛЬ

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ВИКТОР КОЛУПАЕВ

СЕДЬМАЯ МОДЕЛЬ

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1985

84P7
К 61

Художники
Галина БОЙКО, Игорь ШАЛИТО

К $\frac{4702010200-107}{078(02)-85}$ 144-85

© Издательство «Молодая гвардия», 1985 г.

МОЛЧАНИЕ

Мне нужно было увидеть их обоих. Я ходил по городу и ждал, что вот они сейчас появятся передо мной на шумной и огромной площади или аллее космолетчиков. Но они не появлялись. И тогда я садился на свободную скамью в тени деревьев, доставал сигарету и снова ждал. Иногда мне вроде бы удавалось на мгновение увидеть их. Площадь замолкала, торжественно, чутко, радостно, как при долгожданной встрече, и чуть грустно, как при расставании.

Они стояли на возвышении, видные всем издалека. Два космолетчика, парень и девушка. В сверкающих легких и изящных доспехах-скафандрах. Они были молоды, сильны и счастливы. Они уходили в далекий космос на двух красавцах кораблях. Он должен был вести «Мысль», она — «Нежность». И вот они стояли передо мной и перед тысячами людей, намного возвышаясь над всеми, положив руки на плечи друг другу и широкими взмахами приветствуя всех, кто собрался вокруг. Они были героями. Это чувствовали и они сами, и все другие. Это чувствовал и я и страшно завидовал им. Они еще не взошли на борт своих кораблей, но слава уже несла их на своих стремительных крыльях.

Забрала их шлемов были подняты, и даже отсюда, где сидел я, можно было различить их счастливые улыбки. Такими они и запомнились всем. Наверное, это бы-

ла вершина их счастья. Всеобщая любовь и всеобщее уважение.

Видение исчезло. И люди снова шли по своим делам, и шумела площадь, и нещадно палило июльское солнце, а я вынужден был признавать, что что-то еще не додумал, не дочувствовал, и начинал искать ошибку, но не находил. Так проходили дни, а у меня все еще ничего не получалось, и ничьи советы мне не помогали, потому что я, наверное, закуклился в своих мыслях, и все внешнее отскакивало от меня, как от стенки горох.

— Ты хоть изучил их биографии? — спрашивал меня Островой, июльский руководитель нашей мастерской.

— Изучаю, — отвечал я. — Хотя их биографии знают все.

— Да, но лучше почувствуй хоть одно их мгновение.

— Я уже пытался. Сегодня, например.

— Ну и что?

— Они стояли на площади и приветственно махали всем руками.

— Приветственно, — пробормотал Островой. — Ты так решил? А что за чувства переполняли их?

— Счастье, — ответил я, — восторг, радость.

Островой грустно покачал своей лысой головой на тонкой шее. И ничего не сказал мне больше. Наверное, говорить со мной было бесполезно. Я не обиделся. Менее всего, как мне искренне казалось, были нужны мне всякие советы, наставления и подталкивания.

Я снова шел бродить по паркам, площадям и скверам и все думал, почему мне удалось удержать ту картину на площади лишь мгновение? Ведь все было красиво, празднично, радостно. Нет, ошибка еще путалась где-то во мне. И просто волевым усилием мне было не поднять ее из подсознания.

Я вышел на проспект, по которому они ехали на космодром, когда вокруг стояли тысячные толпы, и мил-

лионы роз падали на асфальт перед ними, и все вокруг кричали что-то приветственное, ласковое, радостное, героическое. Все были празднично разнаряжены, и настроение у всех было праздничное.

Остановившись на углу, я попробовал все это себе представить. И мне удалось. Удалось! Правда, всего лишь на одно мгновение, как и тогда, на площади.

Ну какой я к черту мыследел! Ведь у меня же ничего не получается!

На ближайшей стоянке я вызвал авиетку и полетел на космодром. В нагрудном кармане у меня был каплевидный ультразвуковой пропуск, и поэтому передо мной открывались все двери. Я мог проникать в святая святых этого огромного космодрома. Но сначала я просто побродил по залу ожидания с его парками, с его солнечным прямолинейным пространством и с его уже чуть не земным временем. Люди встречали и провожали друг друга. Стройные табунчики детей под водительством строгих взрослых смешно шествовали к посадочным площадкам, уже предвкушая себе приключения в песках Марса. Командированные и художники, туристы и неопытные отпускники двигались вокруг меня, точно зная, что им предстоит делать. Одежды модниц причудливо менялись на ходу, обдавая встречных сиянием переливающихся цветов радуги. Роботы-мороженщики, доверху наполненные сладостями, мороженым и бутылочками с тонизирующими напитками, бесшумно носились по залу, подчиняясь мысленным желаниям людей. Направленные узкие пучки звуковых колебаний сопровождали любителей музыки.

Я вышел на смотровую площадь, с которой люди уже казались смешными черточками. И здесь кое-где сидели провожающие. И тот, кто хотел, видел перед собой лицо или всю фигуру отъезжающего человека и мог с ним говорить, пока люки корабля не закрывались наглухо. А сами корабли стройными стрелами пронзали золотисто-голубой воздух космодрома и чуть покачива-

лись в струях разогретого воздуха. И время от времени какая-нибудь из этих стрел срывалась с места и стремительно, с легким свистом исчезала в зените, словно растворялась в солнечных лучах. И тогда кто-нибудь из провожающих медленно вставал и шел к выходу.

Я обратил внимание на лица этих людей. За секунду до чьего-то отлета они были радостны и бодры, а теперь грустны и замкнуты. И тогда я понял, что эта грусть и замкнутость присутствовала на их лицах и во время разговора, только она тщательно, хотя и ненадолго, скрывалась.

Меня это заинтересовало, как чуть отдернувшийся край завесы какой-то тайны. А впрочем, подумал я, что же тут особенного: люди провожают своих близких, и им грустно. Все правильно.

Забравшись повыше, где было пусто, я снова представил себе момент *их* отлета. Вот они стоят на подъемниках своих кораблей. А тысячи людей на этой смотровой площади и еще десятки и сотни тысяч на ближайших холмах, и еще миллионы у телевизоров приветственно машут им руками... Фу, черт! Далось мне это «приветственно». С этим «приветственно» я не мог удерживать картину и на мгновение. Впрочем, эта картина мне и не была нужна. Но в ней все-таки что-то было, что так неуловимо ускользало от меня, без чего я не смог бы сделать главного.

Люди тогда провожали своих близких. Я сосредоточился. Картина получилась, я удержал ее. Но это были не сотни тысяч провожающих. Сначала я увидел девушку, стройную, в переливающемся розовыми оттенками платье. Она была очень красива, и она плакала. Она сама не замечала этого. Но почему? Кого ей жалеть? Себя? Этих двух? Я думал снова и снова. И лицо девушки надвинулось на меня, остались лишь два больших черных, широко открытых глаза. И в уголках каждого — слезы. Я смотрел в эти глаза и начинал что-то чувствовать. Я, кажется, понимал ее. Она смотрела на этих

двоих, которые любили друг друга. И она любила. Сейчас она была той девушкой, которая улетала на «Нежности». И любовь, и нежность, и горе были в ее глазах, в ее взгляде, в ее слезах. Это провожали ее. Пусть на мгновение, но и навсегда, надолго. От этого мира, в котором прожиты первые двадцать лет, от этих людей, чувств, улыбок, ласковых взглядов, пустячных разговоров. А что будет там, впереди? Все время был порыв, страсть, стремление вперед, в поиск, в неизвестность, и вот теперь на мгновение боль и горе, что все прошлое остается здесь и через несколько минут с ужасающей скоростью останется позади.

Все-таки я приблизился к чему-то.

Я чуть сдвинул картину. Передо мной был парень. Он держал за руку ту девушку, в огромных глазах которой были слезы. Их руки застыли в каком-то неестественном напряжении, и я боялся, что он сломает хрупкие пальцы девушки... Только ни он, ни она этого не замечали. Я развернул лицо этого парня, так что он теперь смотрел на меня. Да... Конечно... Он провожал самого себя. И лицо у него было смелое, чуть жесткое внешне, решительное. В нем не было колебаний, только чуть заметное «прощайте!»... Я сдвинул картину еще, все так же крупным планом. Женщина... Она провожает своего ребенка. И гордость в ее лице, и неистребимое желание вернуть все назад, не прощаться, прижать его к груди и никуда, никуда не пускать больше, никогда.

Картина сдвигается вправо, влево, вверх, вниз... Мальчишки с разинутыми от загадочного и удивительного ртами. Это они сейчас уйдут в зенит на «Мысли». Восторг и страх! Старик, женщина, девчонка, мужчина, девушка и еще, еще. Лица, фигуры и души, души людей, раскрытые сейчас тем двоим, которые стоят на подъемниках «Мысли» и «Нежности».

Ну что же, я, кажется, понял, пусть чуть-чуть, тех, кто провожал их. И мысленно создал теперь общую кар-

тину. Это удалось с трудом, но все же удалось. Стыдно стало за «приветственные» взмахи руками. Ну да! Люди, конечно, махали *им* руками, но каждый по-своему, с радостью, с болью, с нежностью. Одни были со слезами на глазах, как та девушка с огромными черными глазами, другие что-то кричали, смеялись, улыбались, смотрели сурово и сдержанно, кто-то подпрыгивал, кто-то спокойно доедал мороженое или непослушными пальцами теребил воротничок рубашки.

И невозможно было мыслью удержать эту картину, силы моей и воли было слишком мало. Я бы разорвался на тысячи частей, если бы попробовал продолжать удерживать ее своим сознанием. Да это теперь уже и не нужно было мне.

Я понял, что каждый в этой толпе был самым собой и еще одним из *них*. Я расслабился, и картина ускользнула. Ну и хорошо! Они меня уже многому научили. Я приблизился к решению своей задачи и устал. Я сидел, откинув голову на спинку кресла, и ни о чем не думал... Стрелы кораблей устремлялись в зенит, кто-то из людей улетал, оставляя частицу своей души на Земле в тех, кто оставался. И кто-то оставался, отдавая себя космосу, который он, быть может, и никогда не увидит.

Прошел час. Ну что ж. Надо продолжать работу. Я вызвал картину их кораблей, потом приблизил ее к себе и сделал так, что лица двух космолетчиков сблизились. Они улыбались. Потом она украдкой взглянула на него. На моей картине это получилось неудачно. Ведь тогда они стояли на расстоянии ста метров друг от друга. Ее взгляд и был направлен туда, к «Мысли», и поэтому прошел сквозь него. Секунду длилось это, и картина смазалась, растаяла.

Нет, я еще не понял их. Я ужаснулся. А вдруг никогда и не пойму! Я встал и пошел вниз, потом долго бродил по всяким службам космодрома. Двери комнат и залов открывались передо мной, но двери душ тех двоих оставались закрытыми.

Много ли я знал о них? Посещение библиотек, встречи с людьми, которые их знали, просмотр кинолент. Всему этому я отдал много времени. Я знал почти каждый час их жизни. Они всегда были на виду. Во всяком случае, начиная со школы космолетчиков и кончая отлетом с Земли.

Я не помню момента, когда они улетали. Мне тогда было всего несколько месяцев. Но, может быть, именно поэтому я и взялся за эту скульптуру, потому что был уверен, что смогу все увидеть своими глазами, без предубеждения. И все-таки я сбился. Эти «приветственные» взмахи рук, эта гордость, радость, счастье и даже зависть. Все это оказалось лишь верхним слоем, позолоченным и поэтому неглубоким и неглавным.

Они учились в одном классе. Потом они поступили в одну школу космолетчиков. И там, на третьем году обучения, им предложили полет в Дальний Космос. Первый полет человека в Дальний Космос. Они были абсолютно психологически совместимы. Это поразило ученых и вселило в них уверенность, что полет закончится благополучно.

Потом их начали готовить. Месяцы и годы, расписанные по минутам. Даже редкие часы отдыха были тщательно продуманы учеными. Каждый шаг их был записан в протоколах и актах. Конечно, это делалось незаметно, ненавязчиво, необходимо. Вряд ли они сами знали это. Разве что чувствовали.

Я уже давно понял, что они любили друг друга. Но разве можно было из этого вывести, что они должны были лететь с радостью? Ведь они должны были лететь на разных кораблях и никогда не встречаться вплоть до посадки на планете Сиреновой звезды. Правда, у них была постоянная видео- и звуко связь... Или они хотели когда-нибудь побыть одни, после стольких месяцев разлуки, находясь почти рядом.

Стоп... Вот что пришло мне в голову. Они никогда не были одни. Что-то в этом заключалось... Да. В запи-

сях распорядка их действий и поступков был один пробел. Всего на несколько часов, когда им удалось запутать, отвлечь опекунов. Это было... было... Да, я знал, где это примерно было.

И снова я вызвал авиетку и полетел на заросший ивняком берег таежной речушки. А там я долго стоял над водой, крепко держась за гибкий ствол куста...

Они не вернулись на Землю. В этом был какой-то абсурд. Это было невозможным, нечестным, дурацким. Я даже не мог придумать этому слов. Их корабли нашли в тысяче световых лет от Земли. Они не дошли до своей цели. «Нежность» была изуродована неведомой ужасной силой. И *она* была мертва. «Мысль» была изуродована меньше. А *его* на корабле не нашли. *Он* вышел спасать *ее* и не вернулся.

Они были первыми, и им необходимо было поставить памятник, созданием которого я и занимался.

Я стоял над рекой и думал. Почему я все время хотел запечатлеть вершину их славы, их почитания? Не потому ли я не могу удержать мыслью эти картины даже на мгновение? Значит, не это было главным в них. Не подвиг, не слава. Это вообще поверхностное выражение поступков и стремлений человека.

С площадями и аллеями космолетчиков я покончил навсегда. Там они не согласятся стоять.

Вот здесь, где-то рядом, они были вместе. Сказал ли он ей, что любит ее? Или это сказала ему она? Было тихо, очень тихо, и чуть слышный плеск волн и шелест листьев на ивах только усиливали эту тишину, это молчание.

Я стоял и видел, как они шли по траве, с удивлением вслушиваясь в этот прекрасный и молчаливый мир. Это было впервые, далеко от всех людей. И он бережно обнял ее за плечо, а она прижалась к его груди. Они молчали.

Я мог как хотел приближать эту картину к себе. Мог видеть их фигуры, лица и глаза. И если они даже

не смотрели друг на друга, они все равно взглядом тянулись друг к другу.

Молчание.

Они ничего не говорили. Это было молчание, которое красноречивее слов. Они все, все, все сейчас говорили друг другу этим молчанием. В эти минуты для них ничего в мире не существовало, кроме них самих. И его руки ласково, но неумело, еще по-мальчишески, обнимающие ее за плечи. Они впервые были одни и знали, что это ненадолго, возможно, единственный, последний раз. Только там, на планете Сиреновой звезды, они снова смогут взять друг друга за руки. Память о шумной, на людях, жизни, мысли о предстоящем одиночестве прижимали их друг к другу все теснее.

Картина удерживалась легко, без всякого напряжения. Значит, в ней не было лжи, значит, такими и были эти их минуты, пусть не в деталях, но в главном. Здесь начиналась моя работа. Я мог остановить эту неосызаемую еще картину в любой миг, потом добавить детали, увеличить размеры. Я мог сделать скульптуру величиной с Эйфелеву башню, если ее захотят поставить на огромной площади. А потом бы я сделал постамент и написал на его необычных формах: «Мысль» и «Нежность». И так бы они и остались на века, осязаемые, в камне или металле, знакомые миллионам людей, чуточку непонятные, потому что ведь для всех они были героями, а я хотел сделать их людьми обыкновенными, простыми, как все другие, как ты да я.

Меня могли и не понять. Но это была правда. Эти минуты, это удивительное молчание составляли все существо их жизни. Я сделаю модель, покажу ее специалистам, пусть спорят, доказывают, у меня перед ними преимущество. Я понял их души, и никто, кроме меня, не сможет удержать картину своею мыслью, если только она не совпадет с моей. Никому не удастся сделать их только героями, потому что главным в них была любовь. Любовь друг к другу, а через нее ко всем людям,

ко всей Земле. И пусть они уходили одни, своею любовью они уносили с собой всю Землю.

Молчание...

Они спустились к реке.

Он сел на корявое, выброшенное на берег волной замшелое бревно. А она опустилась рядом с ним, положила голову на его колени и протянула вверх руки к его лицу. А он нагнулся над ней.

Это был тот миг! Я понял. Я уже ничего больше не хотел изменять. Пусть все будет так!

Так, так, все так! Сейчас в этом молчании, в этих поднятых кверху ее руках, в его склонившемся над ней лице начинала рождаться их слава.

Я остановил картину...

Я учился. Я создавал скульптуры и раньше. Теперь я мог превратить эту картину в нечто осязаемое, в скульптуру. Я так и сделал.

Они замерли.

Я устал. Все-таки у мыследелов ужасно тяжелая работа. Я больше не глядел на них. Да. Я сделал свой шедевр. Я понимал это. Ни раньше, ни позже я не делал и уже не сделаю такого. Словно тяжесть какая-то свалилась у меня с души. Стало легко, но не совсем, не полностью.

Тут дело было уже не в ошибке. Тут было что-то другое. Я ласково потрогал скульптуру. Счастье и мука были в ее глазах. Счастье, горечь и растерянность в его.

Нет, я правильно схватил миг. На них будут смотреть и плакать. Люди увидят гораздо более важное, чем геройство и подвиг. Они увидят боль, в которой еще только рождается их будущее, их слава и смерть... И молчание. Это тоже правильно. Ведь, по сути, они говорили с собой только в эти минуты молчания.

Они молчали тогда, молчат и сейчас. Они будут молчать всегда. Тысячи поколений людей будут рождаться, проходить возле них и умирать, а они все будут молчать, как тогда. Молчать...

Я сел на бревно возле них. Я мог сейчас разрушить эту скульптуру, а дома в своей мастерской воспроизвести вновь. Так я делал всегда. А сейчас не мог почему-то. Я знал, что все сделано правильно, но не мог показать ее людям. Слишком живыми сейчас были они для меня. И потом, эти тысячи лет молчания. Их молчание тогда было прекрасным, потому что оно было неожиданным, потому что длилось недолго, потому что впереди все-таки что-то было. А теперь? Тысячи лет молчания!

Нет. Скульптуру нужно было разрушить. Но я не мог.

Ее нужно было показать людям. Но и этого я не мог сделать.

А третьего пути не дано. Вернее, был, но он запрещался. После этого я уже не был бы мыследелом. Я не имел права этого делать. Нужно было посоветоваться хотя бы с Островым. Но это все равно означало отказ.

Я сидел возле них, которые улетели когда-то на «Мысли» и «Нежности» и не вернулись, и курил, пока не кончились сигареты. И солнце уже начало цепляться за верхушки деревьев. А я все еще ничего не мог решить. И вдруг солнце под каким-то странным углом осветило ее, и в глазах девушки я увидел слезы. С этими слезами скульптура была еще прекраснее, еще невозможнее. Я онемел, внутренне сжался, надеясь, что солнце сейчас уберет свой световой эффект. А слеза вдруг покатилась вниз... Я коснулся лица девушки рукой, слеза была настоящая, солнце здесь было ни при чем.

И тогда я встал, оглядел их еще раз и сказал: «Ну что ж, живите...» — и пошел к своей авиетке, но не сел в нее, а лишь вызвал по каналу связи Острового.

— Ну что у тебя? — спросил он. — Что-нибудь случилось?

— Получилось, — сказал я. — Вот что... Я больше не скульптор, я больше не мыследел. Я разрешил им... жить.

— Ты с ума сошел! Ты нарушил клятву! Что теперь будет?

— Со мной будет то же, что и с другими скульпторами-мыследелами, которые преступили закон.

Я закрыл колпак авиетки. Она была мне больше не нужна. Я пошел напрямик, внушая себе, что оглядываться нельзя. Но не вытерпел и оглянулся. Они стояли у самой кромки воды обнявшись. Отсюда я уже не мог слышать, говорят ли они или молчат, да это мне и не нужно было знать.

Сумерки упали на лес, а я все шел, и идти было легко и хотелось идти.

И молчание было вокруг меня.

ЛЮБОВЬ К ЗЕМЛЕ

1

Стена объемного телевизора на мгновение вспыхнула ослепительным голубым светом, заколыхалась и, медленно расширяясь, заполнила комнату. Эспас поудобнее устроился в глубоком кожаном кресле и вытянул ноги. Ему всегда доставляло удовольствие смотреть последние известия. Голографическое изображение перенесло его из одного уголка Земли в другой, кидало в глубины океана и в бездну космоса. Он ощущал себя участником событий, в которых никогда бы не смог участвовать на самом деле. И это было приятно.

Эспас уже несколько месяцев жил в этой затерянной среди гор на берегу моря гостинице. Он никогда не уходил от нее дальше, чем на километр, стараясь не смотреть на площадки с глайдерами, сторонился людей, хотя вообще-то был веселым человеком, часто даже остроумным.

Ему хотелось знать о Земле все, и он часами проси-

живал у телевизионной стены, радуясь, что может все это видеть. Эта ненасытная любовь к Земле, к ее океанам, лесам, деревьям, животным, городам была вроде болезни, о которой он даже не задумывался. А если бы и задумался, то не захотел бы избавиться от нее все равно. И только когда глаза и мозг уставали от обилия информации, он спускался вниз к морю, некоторое время лежал на горячем белом песке, потом взбирался на невысокую скалу, нависшую над водой, и нырял в пенистые гребни волн. Он плыл вдаль, иногда отдыхая, лежа на спине, и возвращался лишь тогда, когда изрядно уставал. Тогда он снова ложился на песок, смотрел в небо с белесыми перистыми облаками и, когда тело начинало ощущать теплоту лучей солнца, вставал и шел в гостиницу.

Лишь дважды он заставил себя сесть в кресло глайдера, подняться в воздух и лететь в Лимику к Эльсе. Он помнил, где она жила, находил ее дом, но оба раза оставался возле ее двери. Что-то не пускало его дальше. Он возвращался в свою гостиницу «Горное гнездо» и садился перед телевизором.

А вечером он спускался на первый этаж в бар, занимал место перед огромным старинным камином, в котором горели поленья смолистых дров, и слушал, о чем говорят люди. В «Горном гнезде» жили те, кто по различным причинам на несколько дней или недель хотел уйти от забот повседневной жизни, отвлечься от всех дел. Здесь никто никому не мешал, никто не спрашивал, что привело другого сюда. Можно было целыми днями лазить по горам или купаться в море. Сюда можно было приехать внезапно и так же внезапно уехать, не предупредив об этом даже администратора.

За несколько месяцев, проведенных в этой гостинице, Эспас ни с кем не познакомился. Лишь иногда он вставлял несколько малозначащих фраз в разговор. Он наслаждался своим одиночеством, наслаждался чувством, которое сливалось у него со всей Землей.

В этот вечер он, как обычно, сидел в баре, пододвинув кресло к камину и любуясь язычками пламени, лизавшего поленья. Рядом сидело еще несколько человек, преимущественно мужчин. Бармен изредка разносил бокалы с шипучим напитком.

Рядом с Эспасом, ближе к открытому настежь окну, сидел высокий человек лет сорока. Его черные волосы кое-где пробивала седина. Он садился рядом с Эспасом уже второй вечер подряд. Само по себе это не заинтересовало бы Эспаса, если бы не одно обстоятельство: незнакомец часто, слишком часто, чтобы это было случайно, поглядывал на него.

Так они просидели с час, и Эспас уже было хотел уйти в свою комнату, чтобы снова включиться в события, которые ему предложит экран объемного телевизора, как вдруг незнакомец резко пододвинул свое кресло к нему и спросил:

— Тебя ведь зовут Эспас?

Эспас ответил не сразу. Что-то в лице человека показалось ему знакомым. Или это просто был определенный, очень распространенный на Земле тип лица. Глаза его смотрели чуть настороженно, словно он ждал отрицательного ответа, и чуть насмешливо, словно этот ответ нисколько бы не обманул его.

— Да, меня зовут Эспас, — наконец ответил Эспас и медленно встал, намереваясь прервать на этом еще и не начавшийся разговор.

— Я зайду к тебе. — Это был не вопрос. Фраза была сказана так, словно человек не сомневался в том, что он зайдет в комнату Эспаса. — Минут через десять.

Эспас невольно кивнул. А потом, когда до него дошел уже не тон, а смысл сказанного, ему сделалось немного неловко перед собой из-за того, что он сейчас делает не то, что хочет. Он не намерен был заводить здесь друзей. Это отвлекло бы его от объемного телевизора.

Он чуть отодвинул кресло, чтобы пройти, и легким шагом вышел из бара. Он был высок, около двух мет-

ров ростом, хорошо сложен. Походка его была немного странной. Казалось, что идут только ноги, а туловище и голова не двигаются. И все-таки какое-то изящество чувствовалось в его походке.

В своей комнате он тотчас же включил телевизионную стену; пусть этот незнакомец сам завязывает разговор, если хочет. В хронике показывали лов рыбы на Литвундской банке, и к его ногам шлепались огромные рыбы, названия которых он даже не знал. Затем выступил человек, которого диктор представил как председателя комиссии по дальним космическим полетам. Объявлялся конкурс на замещение вакантных мест в экспедиции «Прометей-7». Эспас усмехнулся. В Дальний Космос он бы не пошел. Он не мог прожить без Земли и одного дня. А ведь эта экспедиция — на много-много лет.

Потом показывали старую кинохронику. Это были последние кадры, принятые с корабля «Прометей-6». Изображение было уже плохое. Лица членов экипажа разобрать не удалось.

В дверь постучали. Эспас отвлекся на несколько секунд и пропустил слова диктора, который в это время что-то говорил об экспедиции. Кажется, от нее больше не принимали никаких сигналов.

За дверью, конечно, стоял незнакомец. Эспас молча пропустил его в комнату, не предложив сесть. Но тот уселся сам. И Эспас был ему благодарен за то, что он не опустил в его любимое кресло, хотя оно стояло ближе к двери. Эспас сел в него и вытянул ноги. Хроника кончилась. Теперь начали передавать что-то из серии «Путешествия по Сибири и Канаде».

Незнакомец, не вставая с кресла, нагнулся и выключил телестену.

— Меня зовут Ройд, — сказал он.

Эспас кивнул, что означало: он принял это сообщение к сведению.

— Сколько месяцев ты уже находишься в этой горной дыре? — спросил Ройд.

— «Горном гнезде», — поправил его Эспас. — Около шести месяцев.

— Эспас, я бы никогда не поверил, что ты можешь провести в этой горной дыре шесть месяцев.

— «Горном гнезде», — снова поправил его Эспас.

— Все равно дыра, — отмахнулся Ройд. Лицо его с правильными упрямыми чертами было обращено к Эспасу вполоборота. Оно все-таки было чем-то неуловимо знакомым. Эспас уже совсем было собрался спросить об этом, но Ройд опередил его:

— Ты пытаешься вспомнить, где видел меня?

— Да, — ответил Эспас. — Очень часто встречающийся тип лица.

— Возможно. Хотя мы были вместе около двух лет. Но я допускаю, что ты забыл меня... А что ты помнишь вообще?

Эспас усмехнулся:

— Все, что мне надо.

— Только то, что тебе надо? А сверх того? Ты пытаешься забыть или забыл на самом деле?

Последние шесть месяцев Эспас не задумывался над этим. Просто, как ему казалось, он вырвался из тьмы и теперь наслаждался жизнью, даже не своей собственной, а жизнью Земли.

— Мне ничего не надо, — твердо ответил он.

— Хорошо, — улыбнулся Ройд. — Начнем по порядку. Ты хотел бы очутиться в экспедиции «Прометей»?

— Так вот оно что! Ты вроде вербовщика? В экспедицию никто не идет?

— В эту экспедицию конкурс — тысяча человек на одно место. И это уже после общей комиссии. Значит, не хочешь?

— Ни за что. Мне хорошо и на Земле.

— Пойдем дальше. Ты не забыл Эльсу?

— Нет. — Эспас невольно стиснул зубы. Ему не хо-

телось, чтобы кто-то говорил о ней. Здесь он и сам еще ничего не мог понять.

— Ты был у нее?

— Нет, не был. — Эспас отвечал, потому что вопросы были не праздными, он это чувствовал. И все-таки разговор начинал злить его.

— Я знаю, почему ты не был у нее. Она тебя выгонит. Она не захочет тебя видеть. Такой ты для нее не существуешь. Ты ведь даже пытался увидеть ее и струсил. Ты не Землю любишь, ты просто трусишь.

— Хватит! — Эспас вцепился в подлокотники кресла и весь подался вперед. — Слышишь? Хватит!

Ройд замолчал, усмехнулся чему-то, потом сказал:

— Все мы любим Землю...

Они молчали минут пять. Эспас все старался вспомнить, где он видел этого человека. Что ему от него нужно?

— Что тебе от меня нужно?

— Мне нужно, чтобы ты вспомнил все и вернулся. Ты очень нужен, но вернуться сможешь, только если захочешь.

— Куда? — Эспас не хотел никуда возвращаться. Ему было хорошо и здесь. — Куда я должен вернуться?

Ройд не ответил на вопрос, но задал свой:

— Что ты помнишь из того, что было до этих шести месяцев, до этой горной... до этого «Горного гнезда»?

— Эльса, — прошептал Эспас. — Давным-давно.

— Еще?

— Желание видеть Землю.

— Еще?

— Больше ничего. Я ничего не помню.

— Но ты хоть хочешь вспомнить?

— Хочу. — Эспас вдруг начал понимать, почему он бежал от людей. Ведь бежал же! Даже к Эльсе он не мог заставить себя зайти. — Я хочу. И я боюсь. Наверное, там было что-то ужасное...

— Ужаснее, чем есть, не придумаешь. — Ройд почувствовал, что сейчас Эспас признает за ним некоторое превосходство, и разговаривал с ним, как отец с сыном, чуть-чуть повелительно, но с уважением и даже какой-то лаской. — Собирайся. Мы летим.

— Куда? — устало спросил Эспас.

— К Кириллу.

— К Кириллу? Я не знаю такого. Это далеко?

— Часа три. Ты знал и Кирилла.

— Я знал и его? — тихо удивился Эспас.

— Знал. Ты знал многих. Мы их соберем всех.

— Зачем?

— Чтобы нам не было стыдно.

— Хорошо. Я готов. У меня нет вещей.

2

Они вышли из гостиницы «Горное гнездо» и направились к стоянке глайдеров. Уже окончательно стемнело. Небо было чистое, звездное. Ройд остановился, задрал голову и долго смотрел в черную пустоту.

— Ты знаешь, что гонит человека в Космос?

— Нет. Я не понимаю этих людей.

— Любовь к Земле... Пошли.

Двухместный глайдер они нашли почти сразу же. Ройд откинул колпак, включил освещение пульта управления, жестом пригласил Эспаса занять место, сел сам. Глайдер взмыл в воздух, несколько секунд висел неподвижно, пока Ройд выбирал маршрут на специальной карте, и рванулся вперед.

— Что мы будем делать у него?

— Разговаривать. Причем разговаривать будешь ты. Я бы поговорил с ним и сам, но он не захочет меня видеть. Струсит. Будешь говорить ты.

— Но о чем? Я его совершенно не знаю!

— О чем угодно. Если он спросит про меня, можешь рассказать. У меня нет секретов от всех вас.

— Может быть, ты мне расскажешь все, чтобы я лучше понял, что нужно делать?

— Возможно, это было бы и лучше. Я уже раз пытался это сделать. Но наш милый Крус решил, что я сумасшедший. И ты знаешь, ему бы поверили, а мне — нет....

Эспас откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза, но уснуть не мог. Что-то копошилось в его памяти, какие-то смутные воспоминания, события и лица. Он вдруг почувствовал, что когда-то помнил все, еще совсем недавно, несколько месяцев назад. Что это было? Что-то такое, что он постарался забыть. Но это значит, что он хотел забыть! Ведь не забыл же он Эльсу. Ведь помнит же он про нее все. И ее лицо, и ласковые руки, и губы, которые так часто и с такой радостью целовали его. Помнит, как они познакомились, как собирались жениться. И потом это расставание. Без слез, без обид. Тяжело было, словно они покидали друг друга навсегда... Она провожала его. Она провожала его! Это было не просто расставание. Она куда-то провожала его! Куда он мог от нее уйти? Да что же это с тобой, память? Вспомни. Куда она тебя провожала?

Этот вопрос возник в голове внезапно. За все шесть месяцев в «Горном гнезде» он ни разу не подумал об этом... Ройд знает про Эльсу. И его самого он знает. За шесть месяцев голова отучилась думать и теперь начала тупо болеть.

— Ройд, кто я?

— Пришелец из другой звездной системы, — усмехнулся Ройд.

— Я серьезно. Где мы с тобой были вместе?

— В одной удаленной галактике.

— Не хочешь отвечать?

— Ты все равно не поверишь. Дойди до всего сам. А я постараюсь помочь. Я в этом тоже очень заинтересован.

Вскоре начало светать. Они летели на высоте десяти тысяч метров. Внизу уже можно было различить кое-что сквозь пепельную дымку тающего тумана. Под ними расстилалась тайга. Эспас никогда не был в Сибири. Его всегда тянуло туда, где тепло. Он зябко поежился, хотя в кабине глайдера была вполне нормальная температура.

Они спустились где-то на берегу Оби, в небольшой, с километр длиной, деревне. Глайдер был оставлен на обочине проселочной дороги, уходящей в сосновый бор. Было часов восемь утра. Из травы доносился стрекот кузнечиков. Какая-то птица настойчиво спрашивала: «Медведя видел? Медведя видел?» Мимо бесшумно пролетел грузовой глайдер с четырехгранными цистернами из-под молока. Вела его молодая девушка, почти девочка, в белом платочке и цветастом платье. Она что-то чиркнула, но Эспас и Ройд не расслышали ее.

Деревня была чистая и опрятная. Двухэтажные коттеджи шли по обеим сторонам единственной дороги. Одна половина домов выходила окнами к Оби, вторая — в сосновый бор. Людей было мало, в основном ребяташки, которые уже ташились с удочками. Иногда на какую-нибудь площадку возле домов опускался глайдер местного обслуживания, маленький, тихоходный, покрашенный в клеточку, из него выходил человек и спешил куда-то.

Эспас и Ройд дошли до небольшой гостиницы и остановились.

— К Кириллу ты пойдешь один, — сказал Ройд. — Он живет в конце улицы, в предпоследнем коттедже с левой стороны. Я подожду тебя здесь.

— Что же все-таки я должен сказать? Или спросить?

— Все что хочешь. Я уже говорил... Просто побеседуйте, и все.

— Ты сказал, что я его когда-то знал, значит, я должен назваться своим настоящим именем?

— Как хочешь.

— Но я могу хотя бы сказать ему, что меня послал Ройд? Что ты здесь?

— Ты можешь говорить все, что захочешь.

— Почему бы тебе самому не поговорить с ним?

— Он, наверное, не захотел бы меня видеть.

— Наверное? Ну а по каналу связи ты с ним говорил?

— Покажи свою левую руку, — попросил Ройд, не отвечая на вопрос. — Где у тебя диск связи?

Эспас покраснел:

— Я еще не... Я, наверное, потерял его. Нет, я оставил его в «Горном гнезде». Но он совершенно не действует. Сломан.

— Я предполагаю, что у Кирилла тоже нет диска связи, — сухо и жестко сказал Ройд. — Иди, если у тебя больше нет вопросов.

Эспас пошел по дорожке вдоль домиков. Ройд скрылся в дверях гостиницы. У предпоследнего дома Эспас остановился, оглядел дом. Дом как дом. Небольшой заборчик, калитка с щеколдой. Он открыл калитку, прошел по тропинке к крыльцу. Дальше тропинка вела от крыльца к небольшому обрывчику. Дорожка проходила мимо грядок с огурцами и помидорами, мимо клумб гладиолусов и флоксов. Из дверей вышла женщина, вид у нее был усталый. Она вопросительно посмотрела на Эспаса. Эспас поздоровался.

— Я хотел бы узнать, здесь ли живет Кирилл?

— Здесь, — ответила женщина. — Проходите в комнату. Меня зовут Анна.

— Эспас, — неожиданно для самого себя сказал Эспас.

— Нет, нет, — испуганно прошептала женщина. —

Нет, вы его не возьмете. Он не хочет. А я не могу без него.

Эспас подумал, что зря он назвал свое имя. Что-то тут есть, если оно произвело такое впечатление на женщину.

— Я никуда его не собираюсь забирать, — сказал Эспас. — Просто я хотел поговорить с ним.

— Да, да. Прости. Это я так... Я работала сегодня в ночную смену. У нас на ферме произошла авария. Я кибернетик. Я так устала, от всего устала. Устала ждать...

— Так я могу увидеть его?

— Да, да. Конечно. Они с Андрейкой ушли ловить рыбу. Это недалеко. Вниз по дорожке. Там есть мостики... Я позову их?

— Нет, я сам. Как я узнаю его?

— Так ты его не знаешь? — ужаснулась женщина. — Ну конечно... Он в белом свитере.

Она подождала, пока Эспас спустился с обрывчика, и только тогда вошла в дом.

Песчаный берег спускался к реке небольшими пологими уступчиками, которые оставила убывающая вода. Метрах в пятидесяти Эспас увидел деревянные мостки и на них двух людей: мужчину лет сорока в белом свитере и мальчика лет семи. Оба сидели на досках, их босые ноги чуть не доставали до воды. Клев, судя по поплавкам, был плохой. Эспас подошел к воде и громко сказал:

— Кирилл!

Мужчина оглянулся, щелкнул языком, тихо сказал: «Да. Вот так». И громко вслух:

— Здравствуй!

— Кирилл, я хотел поговорить с тобой. — Эспас нерешительно переступил с ноги на ногу. Андрейка потянул отца за рукав:

— Папа, клюет.

— Подержи мою удочку, — сказал отец сыну, нехо-

тя встал, зашлепал босыми ступнями по мосткам, сошел на песок: — Так о чем ты хотел со мной поговорить?

— Да так, — пожал плечами Эспас. — Просто поговорить. Болтают, будто мы с тобой где-то работали вместе. Правда это?

— Может, и правда. Мир большой. А ты сам не помнишь?

— Нет, ничего не помню.

— И я не помню. Может, и встречались где. Давай хоть сядем на бревно. Чего нам стоять? — Они сели. — Ты извини, там в доме Анна только что пришла с работы. Устала. Поэтому не приглашаю.

— Почему у тебя нет диска связи на руке? — вдруг спросил Эспас.

— А, это... Забыл дома, наверное. Пустяки, меня никто не вызывает. Ловлю вот с сыном рыбу. Ходим в бор за грибами... Погода хорошая. — Кирилл зевнул. — Да. Вот так.

— Со мной произошло что-то странное, — сказал Эспас. — Полгода прожил в «Горном гнезде». Знаешь, туда бегут все, кому на время нужно остаться одному. А вчера вот подумал, что же со мной было до этого? И ничего не помню. Вчера еще и вспоминать не хотел, спал вроде. А сегодня вот очень хочу вспомнить. И не могу. Чувствую, что вот-вот память проснется. Какого-то толчка не хватает. Не сможешь?

— Кирилл помолчал, нагнулся, поискал в песке камень и хотел бросить его в воду, но передумал. Так и остался сидеть, держа камень в руке.

— Не знаю, чем тебе помочь. Память — штука коварная. Может, и лучше, что ты ничего не помнишь... Ну так что? Вроде бы мы и поговорили. Пойду я, пожалуй.

— Да, поговорили. — Эспас встал и, не попрощавшись, пошел по берегу туда, где виднелась гостиница.

— Эспас, стой! — вдруг крикнул Кирилл. — Кто тебя послал сюда?

Эспас остановился. Вот так штука! Ведь он не говорил Кириллу своего имени. Значит, он все-таки его знает?

— Меня попросил об этом Ройд.

Кирилл подошел ближе.

— Ройд? И он здесь? И он вернулся?

— Значит, ты его знаешь? Откуда ты его знаешь?

— Да так. Учились вместе.

— А меня? Ведь ты назвал меня по имени.

— Разве? Живет тут у нас один Эспас. Похож на него. Вырвалось случайно. А что... Ройд?

— Ройд намерен собрать нас всех вместе.

— Ну-ну. Пойду посижу еще с сыном. — Кирилл повернулся и пошел к мосткам.

Эспас посмотрел ему вслед: «Ясно, что Кирилл знает все, во всяком случае многое. Но он почему-то не хочет говорить. Похоже, боится. Сам Ройд молчит, потому что я ему не поверю. Хорошо. Разберусь сам. Есть еще Эльса...»

Ройд встретил его в холле гостиницы. Он ничего не спросил, только испытующе посмотрел на Эспаса. Тот заговорил сам:

— Он, несомненно, знает меня. Во всяком случае, он назвал меня по имени, хотя я ему не представился. Потом тут же спохватился и отказался. С тобой, по его словам, он когда-то учился. Он удивился, узнав, что и ты здесь... Ты не хочешь мне все рассказать, потому что я могу не поверить. А он — потому что боится сам. Это ясно. Я разберусь и без вас. Я сейчас же полечу к Эльсе. У нее я узнаю все.

— Она выгонит тебя. Поверь, что ты для нее не существуешь. Тебя нет. Не надо напрасно ее мучить. А без нас ты все равно ни в чем не разберешься.

— Андрейка, — сказал Кирилл сыну. — Ты порывайся здесь, а мне нужно слетать в одно место.

— Ты быстро? — спросил Андрейка.

— Не знаю еще, но постараюсь управиться побыстрее.

Кирилл поднялся на обрывчик, быстро пошел к дому. Анна сидела в комнате какая-то безвольная, испуганная и оглушенная.

— Что теперь будет, Кирилл? — спросила она. — Ты ему все рассказал?

— Я не рассказал ему ничего... От стыда сгореть можно. Я не могу так больше жить, Анна. Я догоню их.

— Я все время ждала этого. Я все время боялась.

— Но неужели ты хочешь быть женой труса? А Андрейка? Ведь когда-нибудь он спросит, почему я здесь? Он и так много знает. Каково ему будет себя чувствовать сыном труса?

— Но ведь ты любишь нас! Всех любишь! Всю Землю!

— Прости, Анна. — Он подошел к ней, обнял за плечи. — Прости, Анна.

Он вышел из дому и размашистым шагом направился в сторону гостиницы. А когда увидел, что из нее вышли два человека, то не выдержал, побежал и догнал их.

— Ройд! — крикнул он. — Я с вами!

Ройд и Эспас оглянулись и остановились. Кирилл налетел на Ройда, стукнул его кулаком по плечу. И какая-то удалая радость была в его глазах.

— Командир, я приветствую тебя! — крикнул он еще раз. — Я с вами, черт возьми!

Ройд встретил его немного суховато, но протянул руку.

— Я надеялся на тебя, Кирилл. Очень надеялся.

Эспас поглядывал на них удивленно. И немного

обидно было ему. Они понимали друг друга. И, наверное, знали друг про друга все. А как же он?

— Эспас, — повернулся к нему Кирилл. — Ну конечно же, я тебя знаю! Хотя понемногу уже начал все забывать. Не знаю, сколько бы мне потребовалось времени, чтобы забыть все.

— Если очень хочешь — забудешь, — сказал Ройд. — Летим к Круссу. Остальных надо еще искать.

— Крусс? — сморщился Кирилл. — Но этого я совершенно не помню. Разве с нами был Крусс?

— Был, — сказал Ройд. — Вычислитель. Он объявил меня сумасшедшим. Но теперь мы поговорим с ним все трое.

— Свинья, конечно, этот Крусс, — сказал Кирилл. — Тут ко мне однажды заходил Всеволод. Кажется, он собирался вернуться.

— И ты знаешь, как его найти? — спросил Ройд.

— Знаю. Он сказал мне. Институт Пространства и Времени около Гравиполиса. Он работает там руководителем какой-то проблемной лаборатории. Ведь он еще в экспедиции начал искать теоретическую базу. Тем более что он чистый физик-теоретик по образованию. Летим к нему?

— Летим, — согласился Ройд.

— Вы хоть завтракали?

— Нет, — ответил Эспас. — Впрочем, мы даже и не ужинали.

— О, такому количеству мускулов, как у тебя, нужна хорошая пища. Может, зайдем ко мне домой?

— Нет, — сказал Ройд. — Перекусим в баре гостиницы, чтобы не терять времени зря.

Они сели за столик. Эспас подошел к автомату, выбрал кушанья, и вскоре они уже ели. К ним присоединился даже Кирилл.

— Вот что, — сказал он. — У нас ни у кого не может быть обычных дисков связи. Ведь никто из нас, я думаю, даже и не пытался стать на учет. Но у нас есть

свои диски. Друг с другом-то мы можем разговаривать. Не все же время мы будем летать вместе. Сколько там осталось, Ройд?

— Одна...

— Одна?! Стыдно... Наверное, каждый думал, что на нем это кончится. А ушли все.

Эспас пока ничего не понимал из того, что они говорили. Конечно, они ему все расскажут, когда он будет подготовлен к тому, чтобы поверить. Но он должен постараться кое-что вспомнить и сам. Вот, например, Ройд. Теперь Эспас был уверен, что когда-то знал его. А эта манера говорить? Держаться? Немного суховато, спокойно, почти без всяких эмоций. Слегка повелительный голос. Кирилл назвал его командиром. Кого обычно так называют? Командиров батискафов, руководителей экспедиций, командиров космических кораблей. Был ли когда-нибудь сам Эспас в глубинах океана, в Космосе или в какой-нибудь другой экспедиции? Нет, он не помнил этого. Но ведь и Кирилл помнит не все! Забыл же он Крусса, который, по словам Ройда, тоже был с ними. Если Красс был с ними, может, и он ничего не помнит?

— Я говорил с администратором гостиницы «Горное гнездо», — прервал его размышления Ройд. — Они перешлют твой браслет связи в Гравиполис Всеволоду. И у меня, и у Кирилла такие уже на руке. Мы можем связаться друг с другом когда захотим.

— Почему бы нам не зарегистрировать обычные диски? — спросил Эспас.

— Потому что Ройд, Кирилл, Эспас, Красс, Всеволод, Санта уже получали их когда-то. Их номера заняты. Никто не выдаст нам новые.

Все трое встали и вышли из бара. Было уже часов девять утра.

— Нам нужен глайдер на троих, — сказал Ройд. — Как быстро можно его вызвать?

— Глайдер на дальние расстояния можно вызвать

за час, — ответил Кирилл. — У вас двухместный? В нем мы вполне уместимся и трое. Кто-нибудь пусть приляжет в багажнике. Там мягко. Вы ведь не спали? Кто?

— Пусть спит Эспас, — сказал Ройд.

Эспас был не прочь поспать и согласился. Они втиснулись в глайдер, который все еще стоял на обочине дороги. Ройд снова сел за пульт управления.

— Мы прилетим туда вечером, — сказал Кирилл. — Всеволода не будет на работе. Предлагаю, чтобы не искать его, дать телефонограмму диспетчеру главной стоянки в Гравиполисе, чтобы они там известили его о нашем приезде.

Ройд дал телефонограмму. В кабине глайдера специально для таких случаев был служебный передатчик.

Эспас задремал. И ему приснилась чернота со светящимися кое-где точками. Он явственно ощутил соленый привкус во рту. Над ним склонилось человеческое лицо, освещенное коротким лучом. Это была женщина. Какая-то преграда встала между их лицами. И тогда он снова начал проваливаться в пустоту.

«Эспас, очнись! Это я, Верона. Эспас, очнись!»

И он очнулся. Перед ним темнели спинки двух сидений, между которыми светились приборы панели управления. Над головой через прозрачный колпак просвечивали яркие звезды. И ему показалось, что нечто подобное уже было. Было!

— Верона, — прошептал он.

— Проснулся, — заметил Ройд. — Что? Что ты сказал?

— Верона, — повторил Эспас.

— Верона! — крикнул Ройд. Все его спокойствие куда-то улетучилось. — Ты помнишь Верону?

— Я видел ее сейчас.

— Верона осталась там одна! Понял? Верона была с нами. Она осталась там одна. Наконец-то ты хоть что-

то вспомнил! Она спасла тебя от смерти. Что ты еще вспомнил?

— Она смотрела на меня и говорила: «Очнись, Эспас. Я Верона. Очнись, Эспас!» А кругом чернота. И белые точки. Все.

— Во что она была одета?

— Не знаю. Ее лицо не могло прикоснуться к моему, что-то этому мешало. Больше я ничего не видел.

— Это был скафандр, Эспас. Скафандр высшей защиты. Мы тогда встретили какое-то космическое тело. И вы с Вероной полетели его осмотреть. Почему-то произошел взрыв. Тебя немного помяло. Ведь у тебя был перелом трех ребер. И череп немного попорчен. Так ведь?

— Да, так. Значит, я был в Космосе? Это могло быть где-то в поясе астероидов. А я думал, что никогда не был в Космосе.

— Это было немного дальше, — усмехнулся Ройд.

— А где же тогда осталась Верона? Ведь не на Юпитере же?

— Нет, нет... Хорошо, что ты начал вспоминать. Теперь ты нам скоро поверишь.

— Я поверю вам и сейчас!

— Подожди, пока мы не встретим Всеволода. Мы уже над Гравиполисом. Диспетчер сообщил, что Всеволод будет ждать нас на своей вилле. Это где-то на берегу Гудзона. Они взяли управление на себя. Через пять минут мы будем у него.

Глайдер начал снижаться и вскоре опустился на небольшую ярко освещенную площадку посреди сосен. Ройд откинул колпак. Все трое вылезли из кабины. Эспас разминал ноги. Все-таки лежать в багажнике было не очень-то удобно.

Из темноты вынырнул человек. Он был чуть ниже Эспаса, но гораздо шире в плечах. В его руках чувствовалась огромная сила. Он бежал немного боком, смешно размахивая руками.

— Здравствуйте все! — крикнул он. — Ого! Это

Ройд! Кирилл! А это, конечно, малышка Эспас! Други! Я заварил вам такой кофе! Пошли скорее. Я один. Был тут у меня знакомый, но я его отослал, чтобы не мешал нам. Да, Эспас. Вот твой браслет с диском связи. — Он протянул Эспасу блестящий предмет. — А я недоумевал, что это мне прислали? Как метку от пиратов. Ну, пошли, пошли. Я рад встретить старых друзей.

Они двинулись к вилле, и, когда проходили мимо светильника, Эспас взглянул на надпись, которая была выгравирована на внутренней стороне браслета. Там было написано: «Эспас. «Прометей-6».

4

Большой и грузный Всеволод умудрялся заполнять собой половину комнаты, одна стена которой была занята полками с кактусами самых различных видов. Кофе действительно был хороший. Здесь же стояла пачка с печеньем и коробка халвы.

— Садитесь, други, садитесь, — хлопотал Всеволод. — Четыре стула, четыре человека. И стол четырехугольный. Совпадение. Ха-ха-ха!

— Всеволод, — сказал Ройд. — Мы трое решили вернуться.

— Я еще ничего не обещал, — запротестовал было Эспас.

— Ничего. Ты хороший парень. Ты вернешься. Так вот, Всеволод, мы решили вернуться. Сейчас мы спрашиваем у тебя: ты пойдешь с нами?

— О, малышня! Да я хоть сейчас! Скорлупа вон там в углу валяется. Что за вопрос? Кофе попьем и тронемся. Пока темно, чтобы кошки не видели. Да вы пейте кофе. Узнаете, кто его сварил, с ума сойдете. Я такой варить не умею.

— Всеволод, мы серьезно, — сказал Кирилл. — А ты все шутишь. Это не так просто.

— Все. Решено. О чем тут говорить? Выпьем кофе и тронемся. Расскажите лучше, как вы? Ну, Эспас и Кирилл ушли при мне. Я знаю. А ты, Ройд?

— Две недели назад. Запрятались все, как крысы. Эспаса еле нашел. Его высокая фигура помогла. Заметный. А где живет Кирилл, знал еще раньше... Там, Всеволод, сейчас осталась одна Верона.

— Верона, Верона... Что-то забыл. Ну да вспомню. А я сначала ткнулся в Академию. Идея, говорю, есть. Если изложить популярно, то как в выходной день посетить удаленную галактику... Даже смеяться не стали, выгнали. Ну, я потыкался, потыкался немного и вот здесь осел. В НИИ Пространства и Времени. Идеи здесь любят... Только я сначала не помнил, откуда она мне в голову пришла. Пришла, и все. А когда сел за математику, обломал все зубы. И весь мир-то видел только в листе бумаги. Смеху, смеху! Заговариваться, утверждают, начал. А потом прихожу как-то домой, а она сидит и говорит: «Вот что, Севка. Я знаю, что ты меня любишь. За мной и в экспедицию пошел. А муж мой через недельку после того, как проводил меня, нашел себе одну... Так что я теперь твоя жена. И давай сматывать отсюда удочки».

— Да кто это — она? — не выдержал Кирилл и засмеялся. Уж очень потешно рассказывал Севка.

— Кто, кто? Да вы что, не знали, что ли? Женька!

— Ах ты врун! — раздалось в дверях. — Хлебом не корми, дай что-нибудь приврать. Так это, значит, я к тебе пришла?

— Евгения! — крикнул Ройд.

— Женька, я же отослал тебя к соседям. Хоть пять минут — мужской разговор, а потом бы я тебя позвал.

— Ну ладно, способность твою к болтовне все знают. Ройд, ты, конечно, пришел не просто в гости? Кирилл. А это... Эспас? Правильно я сказала?

— Правильно, — подтвердил Кирилл. — Только я тебя почти не помню. Смутно-смутно, как сквозь туман.

— Это известно, — сказал Всеволод. — Я сначала почти ничего не помнил. Как будто вылез из скорлупы. Потом заинтересовался, что же раньше было? А тут Женька пришла, кое в чем вразумила. Да и сам начал вспоминать. А когда решил вернуться, вспомнил почти все. Я так думаю: это какой-то побочный феномен. А может, и обязательный, главный. Что-то заставило нас вернуться сюда и забыть, откуда мы явились. Предположим, мы кому-то мешали, кто-то не хотел, чтобы мы явились к ним в гости. Сначала была попытка испугать нас. Помните катастрофу с Эпасом? Детская игрушка, впрочем. А потом они нашли метод. Безотказный метод.

— Верона осталась, — вставил Ройд.

— Из того, что я услышал и увидел за эти сутки... — начал Эпас.

— Сутки еще не прошли, — снова вставил Ройд.

— ...я понял одно. Все мы являемся членами экспедиции, которая стартовала два с половиной года назад на корабле «Прометей-6».

— Да, — сказал Ройд. — Ты веришь в это? Ты еще мало что вспомнил, но ты веришь в это?

— В голове как-то не укладывается. Но сам корабль... он тоже вернулся?

— Нет, Эпас, — сказал Ройд. — Корабль не вернулся. Корабль продолжает полет. На «Прометее-6» осталась одна Верона. Одна! Понимаете?

— Как же мы оказались здесь?

— Физика и техника этого явления еще неизвестны. Но кое-какие причины ясны. Первая — все тосковало по Земле. Всем хотелось снова очутиться на ней. Вторая — все боялись, что больше никогда не увидят Землю... Хватит и двух.

— Но Верона осталась!

— Остались Верона и я. Мы бросили жребий, кому вернуться сюда. Выпало мне. Я был уверен, что вы сами уже не вернетесь. Вас нужно было собрать и убедить вернуться.

— А! Ерунда! Мы с Женькой уже упаковали чемоданы. Правда ведь, Жень?

— Правда, — сказала она.

Когда Евгения пришла к мужу, он не поверил ей.

Ведь она не сможет ничем доказать, что она — Евгения, его жена, мать маленькой Лады. Она была в экспедиции на «Прометее-6». Она не могла быть на Земле. И он выгнал ее, он не разрешил ей встретиться с Ладой. Она зря вернулась на Землю. И улететь снова, навсегда, было мучительно больно. Бог с ним, с мужем. Она не увидела свою дочь! И тогда она нашла Всеволода. Помогая друг другу, они вспомнили все и решили вернуться. Такой здоровый, неуклюжий, немного не от мира сего, ко всему относящийся с юмором, слегка болтливый, он поддерживал ее. Они оба поддерживали друг друга. Ведь он-то любил ее.

— Итак, нас пятеро. Кресс шестой. Кто знает, где остальные? — спросил Ройд.

— Я знаю, где Санта, — сказала Евгения. — Но звать ее с нами, кажется, бесполезно. Она собиралась выйти замуж.

— Кто ее жених?

— Не знаю. Но она молодчина, она никогда не снимает с руки браслета с диском связи. — Евгения повернула диск на своем браслете. Диск не засветился. Она повторила вызов несколько раз. Ей никто не ответил.

— Можно попытаться вызвать Робина, — сказала она. — Мы его не видели ни разу. Но однажды он сам вызвал нас. Сказал, что уходит в подводники. Но если что-нибудь произойдет с нами, он готов помочь, он откликнется.

— Вызови его, Женя, — попросил Ройд.

Евгения снова дотронулась до матового диска. И через несколько секунд на нем появилось слегка испуганное лицо Робина.

— Что случилось, Евгения?

— Робин, мы тут собрались впятером. Я, Всеволод,

Ройд, Кирилл и Эспас. Ройд хочет поговорить с тобой. Как ты?

— Пусть говорит, — без всякого энтузиазма ответил Робин.

— Робин, мы впятером решили вернуться. На «Прометее» осталась одна Верона. Она там осталась одна. Мы это делаем добровольно. Невозможно жить, вечно мучаясь стыдом, зная, что ты струсил. Мы любим Землю. Но именно эта любовь двигает нас к чужим мирам. Предположим, что мне всех легче. У меня нет на Земле ни одного близкого человека. Но и я люблю Землю. Я здесь, я пришел за тобой. Полет должен продолжаться.

— Ройд, дело не только в нашей экспедиции. Экспедиция должна принести какие-то результаты, что-то новое, неизвестное. Мы столкнулись с таким явлением. Ни одно открытие, сделанное людьми раньше, не может сравниться с этим. Нужно передать его людям. Я трижды был в Совете по галактическим проблемам. И трижды никто не верил, что я Робин, что я член экспедиции «Прометей-6». Нужно, чтобы нам поверили на Земле. Может быть, они пошлют еще одну экспедицию. Готовится же ведь «Прометей-7». Но нужно им доказать, что все, что с нами случилось, действительно имело место. После этого я согласен вернуться на «Прометей».

— У меня тоже была мысль явиться в Совет, — сказал Кирилл. — Но я сразу решил, что мне не поверят...

— Други, но ведь не могут же не поверить нам всем? — громко сказал Всеволод. — Давайте упадем ниц перед столом Председателя Совета.

— Хорошо, мы вылетаем сегодня же. Робин, ты сейчас в каком-нибудь батискафе?

— Нет. Я не поступил в подводники. Я буду у подножия Килиманджаро через три часа. А вы?

— Я хотел еще раз встретиться с Круссом. Мы полетим к нему все. Браслет связи он снял. Он не считает себя членом нашей экспедиции. Встретимся в Совете в двенадцать по мировому времени.

— Хорошо. Я жду вас. — Робин выключил связь.

— Он, кажется, немного зол на нас, — сказал Кирилл.

— В этом нет ничего непонятного, — впервые высказал свою мысль Эспас. — Он хоть что-то пытался сделать, не боясь позора. Он может сердиться, на меня во всяком случае.

— Кофе выпит, — сказал Всеволод. — Можно двигаться в атаку на Совет.

— У нас двухместный глайдер, — сказал Ройд. — Нужен еще один. Трехместный.

— Крусса ты уже не считаешь? — спросил Эспас.

— Он живет не в пустыне. Он пристроился смотрителем музея «Освоение Дальнего Космоса». Заведует экспозицией, которая называется «Прометей-6». Он чистит наши вещи, сданные в музей, и рассказывает посетителям о том, какие великие, сильные и мужественные люди ушли в Дальний Космос на «Прометее-6». В том числе и о некоем Круссе, вычислителе «Прометей». Представляю, как он о нем говорит.

— Хочу поговорить с Круссом, — сказал Всеволод. — Сейчас вызову глайдер.

5

Музей «Освоение Дальнего Космоса» находился в предместье Парижа. Это было огромное стеклянное здание, стоявшее на естественном возвышении. К зданию вели широкие каменные ступени, на которых кое-где сидели влюбленные парочки, играли дети, экскурсанты группами и поодиночке поднимались вверх. Ройд, Кирилл, Всеволод, Евгения и Эспас вошли в холл музея и присоединились к группе, которая шла осматривать зал «Прометей-6».

Как и предполагал Ройд, экскурсией руководил Крусс. Было заметно, что он здорово поднаторел в про-

изнесении торжественных речей. Характеристики астролетчиков состояли из одних похвал, и сам Красс занимал среди героев не последнее место.

Экскурсанты с интересом рассматривали стенды, внутреннюю обстановку кают и отсеков корабля. Эспас вдруг увидел табличку, на которой было написано: «Эспас. Штурман». Он вошел в каюту и с удивлением оглядел ее убранство. Он даже решился потрогать некоторые вещи своими руками.

Сначала группа астролетчиков держалась позади экскурсантов. Потом Ройд и все остальные начали продвигаться в первые ряды, пока наконец не очутились почти нос к носу с Крассом.

Красс узнал их. Это было заметно по мгновенно побледневшему лицу и сразу же сбившейся речи. Он все же довел экскурсию до конца. И когда экскурсанты разошлись, остался один на один с экипажем «Прометей».

— Красс, — сказал Ройд. — Нет смысла делать вид, что ты не знаешь нас. Мы решили возвратиться на «Прометей».

— Меня зовут Антони, — ответил Красс. — Удивительно, как вы похожи на экипаж «Прометей». Хотите, я покажу вам стенд с их объемными фотографиями?

— Мы и есть экипаж «Прометей», — прервал его Ройд, но Красс снова заговорил:

— Говорят, что даже я похож на одного из них. Как ты сказал? На Красса? Удивительное совпадение. Что же мы тут стоим? Я проведу вас к директору музея. Удивительное совпадение. — Он сделал шаг в сторону.

— Красс, мы возвращаемся. Все. Ты идешь с нами? У каждого из нас были причины вернуться на Землю. Но никому это не принесло облегчения. Только стыд и чувство невыполненного долга. Чтобы снова стать людьми, мы должны вернуться.

— Я с интересом выслушал вас, — ответил Красс. — Кто поверит, что вы — экипаж «Прометей», когда он летит где-то в двадцати парсеках от Земли? Никто.

— Мы сейчас пойдем в Совет по внутригалактическим проблемам. У нас очень много фактов. Нам поверят.

— Вы признаетесь в своей трусости?

— Мы признаемся в трусости. Более того. Мы преодолеем свою трусость. Ведь это ты первым покинул корабль!

— Нет! Это был не я! Это был Эспас! Вспомните. И до него многие...

— Так, значит, ты — Антони? — спросил Всеволод. — Купаешься в лучах собственной славы? Всю жизнь будешь лелеять свою славу, превозносить себя, любоваться собой. Потому что никто не сможет узнать правды? Потому что «Прометей» должен вернуться после твоей смерти? Крусс, подумай. Еще есть время.

— Нет! Вы не полетите в Совет!

— Мы уходим, — сказал Ройд. — У нас мало времени.

И они ушли.

— Я вспомнил его, — сказал Эспас. — Я начинаю все вспоминать.

— Я тоже вспомнил его, — сказал Кирилл.

6

...На обед все собрались в два часа по земному времени. В зале, небольшом и уютном, стояло восемь столиков, по четыре места за каждым. Люди обычно разбивались на группы, иногда по нескольку раз за обед меняя компанию и пересаживаясь за другой столик. Около одной из стен стояло двенадцать кухонных автоматов. И каждый член экипажа мог выбрать что-нибудь на свой вкус.

Ройд питался только растительной пищей. Это, как говорил он, позволяло ему сохранять ясность ума. Всеволод же признавал только мясную, поглощая иногда за обед по пять бифштексов. Эспаса после катастрофы дер-

жали на диете, так распорядилась Евгения, хотя он уже чувствовал себя достаточно хорошо.

За обедом всегда было весело. Кроме того, здесь можно было обменяться мнениями в непринужденной обстановке, поспорить и запить горечь поражения в споре глотком компота или кофе.

Но в последнее время что-то изменилось в настроении людей. Меньше стало шуток и смеха. Вместо этого появилась какая-то грустная предупредительность друг к другу. И если раньше о Земле говорили нечасто, хотя все время о ней думали, то теперь только и слышалось: «Мой Андрейка...», «А мы с братом однажды...», «Жена и говорит мне...» И того, кто начинал говорить это, обступали со всех сторон, жадно слушали, словно и для них в этом рассказе была информация. Задавали вопросы, прозвучавшие бы нелепо в другой обстановке и в другое время. Евгения, врач экспедиции, определила это состояние одним словом — ностальгия.

Они были в полете два года. И тоска по Земле, по тем, кто остался там, давала о себе знать все больше и больше. Корабль шел со сверхсветовой скоростью. И они знали, что все те, о ком они говорят, уже повзрослели, состарились или умерли. Последняя связь с Землей оборвалась двадцать два месяца назад. До цели путешествия — Голубой звезды, на одной из планет которой предполагалась жизнь, возможно, даже разумная, было еще два года полета.

Командир корабля Ройд ввел изменения в распорядок дня. Усилились спортивные тренировки, члены экипажа чаще собирались вместе. Но только все было напрасно. Одно дело было знать, что их ждет, чисто теоретически. Другое — почувствовать это на себе. И тоска по Земле выливалась в странную форму. Люди все чаще просили у Ройда разрешения на выход из корабля, часами носились в пустоте в полном одиночестве, хотя все делали вид, что им лучше в обществе других.

Однажды за обедом Робин, не проронивший до этого

ни слова и задумчиво ковырявший вилкой в тарелке, тихо и одновременно чуть радостно и чуть грустно сказал, ни к кому конкретно не обращаясь. Просто сказал вслух:

— Если бы вы знали, какая у меня родилась внучка.

На него посмотрели удивленно, но он этого не замечал. Здесь знали друг о друге все. Ведь за два года можно переговорить обо всем, даже самом сокровенном. Все понимали, что если у Робина и родилась когда-нибудь внучка, то сейчас она была уже взрослым человеком. Да и не мог он знать, кто у него родился, внук или внучка.

— Что же вы меня не поздравите? — спросил он тихо и посмотрел на всех. И вид у него был такой, словно у него действительно родилась внучка, маленькая такая, розовенькая. А он, дед, теперь будет возить ее в колясочке.

Ройд подошел к нему и пожал руку.

— Поздравляю тебя, Робин. — Он сказал это так просто, словно в словах Робина не было чудовищного противоречия, чудовищной неправды. И все остальные поздравили Робина. А он сидел счастливый и совершенно серьезно принимал поздравления.

Ройд сразу же ушел к себе и через несколько минут вызвал Евгению. На другой день был назначен медицинский осмотр. Все понимали, что это из-за Робина. Только он один, наверное, не понимал. Евгения тщательно исследовала его психику всеми возможными средствами, имеющимися на корабле. Психически Робин был абсолютно здоров. Вот только внучка. Внучка у него родилась, продолжал утверждать он.

Вторым был Трэсси, кибернетик корабля. Он как-то сообщил, что на Земле готовился полет «Прометей-7», и назвал сроки его вылета. То, что «Прометей-7», а затем «8» и так далее полетят, знали все. Но когда они стартовали с Земли, о сроках отлета экспедиции «Про-

метей-7» ничего еще известно не было. Он сказал это мимоходом, словно у него вырвалось нечаянно.

На следующий день Евгения сказала Санте, что ей снова не удалось увидеть свою дочь.

Потом Кирилл сообщил Ройду, что его сын Андрейка сломал ногу. И попросил освободить его от очередной вахты в рубке управления.

На корабле творилось что-то непонятное. Ройд согласился заменить Кирилла на дежурстве. Кирилл надел скафандр и вышел из корабля. Он отсутствовал два дня. Запаса кислорода в баллонах скафандра хватало на сутки. Ройд, Конти и Верона вышли в Космос на планетарных кораблях, но Кирилла не нашли. Он вернулся к концу вторых суток, радостный, и сказал сразу же:

— Все в порядке. Врачи утверждают, что даже малейших следов перелома не останется.

В баллонах скафандра был израсходован только часовой запас кислорода.

Ройд вызвал его к себе. Затем последовал вызов Робина, Трэсси, Санты. Всеволод, третий пилот Конти и бортинженер Эмми пришли к нему сами. А затем он пригласил к себе и всех остальных.

Выяснилось неправдоподобное, неожиданное: семь человек из экипажа «Прометей-6» по несколько раз бывали на Земле.

Началось все действительно с Робина. Он вышел в Космос из корабля. Эти прогулки в полном одиночестве были ему просто необходимы. Никто не мешал думать, никто не отвлекал от этого занятия. А думал он, как, впрочем, и все в последнее время, о Земле. О своей семье, которую он никогда не увидит. И такое сильное, непреодолимое желание увидеть семью возникло в нем, что он как-то даже не удивился, осознав, что стоит посреди своего кабинета в собственном доме. Нелепость ситуации — он стоял посреди комнаты в скафандре высшей защиты — немного отрезвила его. Оставив выяснение причин такого явления до более подходя-

щего момента в будущем, он решил использовать свое неожиданное пребывание здесь. Необходимо было освободиться от скафандра. Он так и сделал. После этого осторожно приоткрыл дверь, ведущую на лестницу, и услышал плач. Плакал грудной ребенок. Слышались голоса двух женщин. Он узнал их. Это были голоса его жены и дочери. Из их разговора он узнал, что у него родилась внучка. Выйти к ним он не посмел. Потом вернулся в комнату, облачился в скафандр и... вновь оказался в пустоте. Корабль находился не более чем в километре. Робин полетел к нему, вошел в шлюзовую камеру и за обедом не выдержал, рассказал, что у него родилась внучка. С этого времени он начал регулярно посещать свой дом.

То же произошло и с Трэсси, и с Сантой, и Кириллом, и со всеми другими, кто выходил из корабля. Кирилл даже прожил дома два дня. Жена его, хоть и ничего не поняла из его путаных объяснений, уяснила только один факт, что ее Кирилл, улетевший навсегда, может бывать дома. Теперь она не хотела его отпускать.

Словно какая-то тяжесть свалилась с людей. Те, кто уже побывал на Земле, расспрашивали друг друга о подробностях посещения. А те, кто еще не был, сразу же засобирались. Только Ройд и Верона отказались посетить Землю. Ройд потому, что у него там никого не было, ни родных, ни друзей. Верона потому, что, как она сразу заявила, уже не сможет заставить себя вернуться на корабль.

Всеволод и Робин предприняли попытки исследовать это явление. Но у них не было никакого плана, никакой методики. Да и слишком невероятным было явление. Самое простое, что можно было предположить, это волновод, узкий волновод в трехмерном пространстве, через который люди проходят из Космоса на Землю и обратно. Анализаторы гравитационного поля регистрировали небольшой всплеск, когда человек исчезал, и такой же всплеск, но обратной полярности, когда он появлялся.

Никто не знал, когда возникло это явление и когда оно прекратится. Было решено посещать Землю по очереди и на очень короткий срок. Из корабля на Землю и с Земли на корабль ничего не брали.

Несколько дней все было нормально, только тяжело было ждать своей очереди. Потом не вернулся Красс. Прошел день, неделя, а его все не было. Трэсси ушел, даже никого не предупредив об этом. За ним последовали Эспас, Кирилл, Евгения, Конти, Эмми. Потом наступило какое-то равновесие. Никто не выходил в Космос, но никто и не возвращался из него.

А потом внезапно, в один день, исчезли Всеволод, Робин и Санта.

«Прометей-6» продолжал нестись в пространстве. Его экипаж теперь состоял из двух человек: Вероны и Ройда. Они продолжали работать, и Ройд терпеливо ждал, когда корабль покинет и Верона. Он не испытывал такой тяги к Земле, как все остальные. И все равно он их не оправдывал. Он еще надеялся, что они вернутся.

Месяца через три после того, как они остались вдвоем, они нагнали «Прометей-2». На позывные Ройда корабль не ответил. Восемнадцать часов они шли параллельными курсами. За это время Ройд успел осмотреть весь корабль. На нем не было никаких поломок, хотя он уже сошел с курса. На нем не было ни одного человека. Корабль был пуст.

Тогда Ройд понял, что его команда не вернется. Нужно было разыскать их и убедить вернуться. Они с Вероной бросили жребий. Увидеть Землю выпало ему.

Верона осталась на «Прометее» одна.

Ройд очень быстро нашел Красса, но тот отказался от своего имени. С Кириллом, по мнению Ройда, дело было тоже безнадежно. Следы других он не нашел. Идти в Совет не рискнул, испугался. Эспаса он встретил случайно. Уж слишком запоминающаяся фигура была у того. И тогда они полетели к Кириллу...

Председатель Совета по внутригалактическим проблемам, конечно, знал всех членов экспедиции «Прометей» лично. И не его вина, что Робину трижды не поверили. В зале за круглым столом, кроме него и астролетчиков, сидели физики, психологи и представители многих других наук.

— Ну что ж, — сказал Председатель, когда Ройд закончил свой рассказ. — Это удивительное явление будет нами исследовано. Странно... Все мы считали, что «парадокс» времени неоспорим. Значит, здесь что-то другое. Очень хорошо, что вы нашли в себе силы прийти сюда. Я понимаю ваши чувства. Понимаю, как вас тянуло к Земле. И здесь... Нужно было преодолеть громадный психологический барьер, чтобы все это рассказать нам. Тут и стыд, и боязнь, что вас не поймут. В некотором смысле вы оказались отчужденными от Земли. Хорошо, что вы снова с нами. Что вы намерены делать?

— Мы все шестеро возвращаемся на «Прометей». Верона не сможет там долго продержаться одна. Крусса мы исключили из своей экспедиции. Конечно, с нами могут не согласиться. Но наше желание таково. Еще четверо находятся где-то на Земле. Возможно, что они уже ищут контакта друг с другом и с Советом. Им нужно помочь найти друг друга и вернуться на корабль.

— Все ваши пожелания будут учтены. Санту, Трэсси, Конти и Эмми мы найдем.

— И еще. Может, пока не следует говорить людям о нашей трусости? Хотя бы временно.

— Об этом можете не беспокоиться.

— Тогда мы улетаем. Мы войдем в скафандры в восемь ноль-ночь, каждый со сдвигом на одну минуту.

— Хорошо. Соответствующая аппаратура будет готова к этому времени. Из вашего отлета мы надеемся извлечь хоть какую-нибудь информацию. Благодарю

Всеволода и Робина за работу, которую они проделали. Все, что вы нам оставили, материалы и другую информацию, мы используем для «Прометей-7». Программа этой экспедиции будет изменена. «Прометей-7» будет специально исследовать явление, с которым вы столкнулись. Ваша задача остается прежней. На обратном пути вы можете покинуть корабль и вернуться на Землю. Мы будем ждать вас с нетерпением.

Они вышли из здания Совета в три часа дня. Всеволод полетел на свою виллу возле Гравиполиса. Кирилл — на берег Оби, Эспас — к водам Адриатики. Евгении пообещали устроить свидание с дочерью. Робин вылетел на Британские острова, Ройд — на Апеннинский полуостров.

8

Ройд появился вблизи корабля первым и целую минуту беспокоился об Эспасе. Но тот вышел точно по графику. Они сразу же связались друг с другом по радио. А еще через пять минут все шестеро широким полукольцом приближались к «Прометею».

«Как там Верона? Как там Верона?» — вот о чем сейчас думал Ройд.

Они уже различали детали корабля, когда им навстречу вдруг вылетело пятеро в скафандрах. И тотчас же эфир наполнился возгласами:

- Ройд! Вы вернулись все?
- Кто говорит? Кто говорит?
- Санта!
- Трэсси!
- Конти!
- Эмми!
- Верона!

И вот все они уже в зале. Хлопают друг друга по плечам, пожимают руки. Верона чуть не плачет.

— Как вы здесь очутились? — спрашивает Ройд.

— Они все четверо появились в течение прошлой недели, — отвечает Верона.

Они все видели Землю! Они все видели Землю! И только она...

— Верона, — сказал Ройд. — Завтра мы отправим тебя на недельку. Увидишь Землю.

Но на следующий день было уже поздно. Верона не увидела Землю. Она крепилась и не плакала. А остальные не знали, что ей сказать. Тогда Ройд подошел к ней и поцеловал.

— Это поцелуй передала тебе твоя мать, — сказал он.

За ним он и летал на Апеннинский полуостров.

«Прометей» мчался к Голубой звезде.

ДВЕ ЛЕТАЮЩИХ СТРЕЛЫ

В почтовом ящике лежало письмо. На конверте были написаны моя фамилия, имя и отчество. Ни моего, ни обратного адреса. Странно, как могло попасть это письмо в почтовый ящик? Я хотел разорвать конверт, но он был из плотной и эластичной бумаги. Тогда я вернулся к себе в квартиру и надрезал конверт ножницами. На стол выпал сложенный вдвое лист бумаги. Я развернул его. В верхнем левом углу были оттиснуты две летящих навстречу друг другу стрелы. На листе четким почерком написано: «Здравствуй, Олег! Вот я и пишу тебе, как ты хотел. Я ждала целую неделю, надеясь, что ты зайдешь ко мне. Но ты, наверное, очень занятой человек. Выбери время. Зайди или хотя бы напиши. Мне без тебя скучно. Анжелика».

У меня не было знакомой по имени Анжелика. Я не просил никого писать мне письма. Это был какой-то розыгрыш, шутка.

Я так и решил. Письмо я не стал выбрасывать. Лю-

бопытная все-таки штука. Положив его в стол, я пошел на работу. Кто мог пошутить надо мной? Девушки в отделе всегда выглядели такими серьезными. Да и потом, я ведь был их начальником. Хотя и молодым и часто смущающимся, но все же шефом, как меня называли за глаза. Скорее всего это сделали мужчины — начинающие ученые, подающие надежды ученые. Мы все еще были в таком возрасте, когда можно было гордиться эпитетом «начинающий». Мне недавно исполнилось двадцать два.

В институте я несколько раз заводил разговор, будто бы невзначай вставляя имя «Анжелика», а сам украдкой наблюдал, какую реакцию это вызовет. Но я ничего не заметил. Или я был плохим психологом, или меня слишком искусно разыгрывали.

Я уже начал забывать об этой истории, когда вдруг через неделю получил второе письмо. Конверт был точно таким же, как и в первый раз. Письмо было небольшое, в несколько строк. И заканчивалось оно словами: «Мне без тебя плохо! Анжелика».

Второе письмо легло в ящик рядом с первым. Я решил подождать, что будет дальше. Но только теперь я уже не мог забыть о них.

Еще через неделю я получил третье письмо. «Я же люблю тебя, Олег, — писала Анжелика. — Что я должна тебе написать, чтобы ты поверил в это? Приходи! Ты же знаешь, где я живу. Я могла бы найти тебя, но не сделаю этого. Всего два часа нужно тебе, чтобы добраться до меня. А ты не появляешься уже три недели. Олег-Олег...»

Это был какой-то крик, а не письмо. Я не сразу пришел в себя. Мне долго казалось, что это так и есть, что она любит меня, ждет меня. И я уже было хотел пойти к ней, но потом сообразил, что идти некуда. Не было у меня знакомой по имени Анжелика.

И все-таки эти письма смутили мой покой. Я начал думать о ней, этой незнакомой девушке. Я уже считал,

что это никакой не розыгрыш, что она есть на самом деле.

Я получил еще пять писем. Она любила меня. Она больше не звала меня, она уже потеряла надежду, она просто рассказывала о себе — грустно, иногда очень грустно. И мне хотелось бросить все и бежать к ней. Хоть на край света! Я ходил вечерами и ночью по тихим улицам своего города, я все ждал, что встречу ее, узнаю в толпе веселых студенток или школьниц. Я звал ее по имени.

Анжелика!

Я никогда не видел ее, не знал ее лица, голоса. Я вообще не знал, существует ли она. Но я любил ее. Все это сделали письма. Теперь я носил их в нагрудном кармане куртки. Я никогда не расставался с ними, сотни раз перечитывая их, прижимая к губам, шепча слова любви и нежности. Я сходил с ума оттого, что не мог найти ее. И жизнь становилась невыносимой, когда я представлял, что никогда не смогу найти ее.

Я искал ее. Я уже знал в лицо всех почтальонов и сортировщиц писем, я знал всех Анжелик в нашем городе. Но это были другие Анжелики. Ту, одну, единственную, мою Анжелику никто не знал.

Я понимал, что не найду ее никогда.

И тогда я подал заявление в экспедицию, которая уходила в Дальний Космос. Меня отговаривали. Ведь я был молодым восходящим светилом в кибернетике. Сейчас, когда я собирался покинуть Землю, все мне говорили об этом. И еще говорили о том, что я найду там, у звезд? Сорок лет полета по земному времени туда и сорок — назад. В корабле пройдет семь лет. Семь лет для ученого не заниматься своей работой — это конец. А нужно еще учесть, как далеко шагнет кибернетика за эти восемьдесят лет. Чем я буду заниматься по возвращении на Землю? У меня не останется ни друзей, ни знакомых. Никого.

Космос для энтузиастов. Но я ведь никогда не бо-

лел Космосом. Это письма позвали меня туда. Я уже знал, что никогда не найду свою Анжелику. Я не мог оставаться на Земле. Я полечу к звездам. Там у меня будут новые друзья. А любовь? Она пройдет. А если нет? Мне уже некого будет искать, когда я возвращусь на Землю.

Экипаж тринадцатой звездной состоял из девяноста восьми человек. Меня приняли девяносто восьмым. Я не был ни капитаном, ни штурманом. Кибернетические уборщики были в моем подчинении.

Всего я получил от Анжелики семнадцать писем. В последнем она писала: «Я чувствую, что с тобой что-то происходит. Не делай глупостей. Я сама приду к тебе. Олечка мой смешной. Олег! Я приду к тебе, даже если ты этого не хочешь».

Она не пришла.

Я написал одно-единственное письмо, состоящее из фразы: «Анжелика, я улетаю к звездам». На конверте я написал лишь одно слово: «Анжелике». Больше я ничего не знал. Я бросил письмо в почтовый ящик, понимая, как это глупо. Что я мог еще сделать?

Прощай, Анжелика!

У меня был самый маленький багаж из всех членов нашего экипажа. Я взял с собой только письма Анжелики.

Две тысячи шестьсот дней провели мы в тринадцатой звездной. Мы облетели вокруг шести звезд, совершили посадку на четыре планеты. На одной из них потерпели аварию. Нас засыпало огромными плитами обвалившегося плато. Мои кибернетические уборщики двадцать дней раскалывали, распиливали и растаскивали эти глыбы. Мы освободились из плена, но почти все мои кибернетические уборщики остались там.

Мы видели странные солнца и сумасшедшие закаты на необитаемых безжизненных планетах. Мы боролись с бешеными ураганами и держали в руках первые проявления жизни — крохотные фиолетовые растеньица.

Мы все сдружились за семь лет и стали как бы частицей огромного, сложного организма, окруженного враждебной средой. Мы все стояли у постели второго штурмана, когда он умирал от какой-то странной болезни. Мы понимали, что живы только потому, что умирает он. Он спас нас. А как он хотел увидеть Землю!

И все эти семь лет со мною рядом была Анжелика. Все эти семь лет я чувствовал ее любовь. Я мало кому рассказывал о ней. Раза два или три. Но, может быть, именно поэтому к ней относились с уважением. Никто не говорил этого вслух. Никто не произносил ее имени. Это можно было понять по глазам, по той особой внимательности, с которой относились ко мне. А ведь все они оставили на Земле тех, кого больше никогда не увидят. Разница только в том, что я так и не видел ее никогда.

Как прорвались в нас радость и нетерпение, когда мы впервые после долгих лет установили связь с Землей. Даже не с Землей, а с красавцем кораблем, высланным нам навстречу.

А потом была Земля.

В последний час пребывания на корабле мы дали клятву не забывать друг друга.

Земля встретила нас по-матерински. Ее заботу мы чувствовали ежечасно. Два месяца мы провели в клинике. Медики тщательно исследовали наши организмы. Потом нам сказали, что на Земле разработана методика обучения прибывающих из Космоса членов звездных экспедиций и что через полтора года мы будем знать все, что знают люди Земли.

— Нельзя ли за год? — спросил каждый из нас на личной беседе с комиссией.

Мы могли поселиться в любом месте, каждый на свое усмотрение. Но мы решили жить рядом. И первые дни действительно не разлучались. Потом по одному звездные волки стали исчезать. Кто-то нашел работу по душе, кто-то встретил девушку, кто-то отправился путешествовать. Меня не интересовало ничто, кроме кибер-

нетики. Я хотел поскорее встать вровень с ушедшим вперед веком: Занятия, занятия. Тренировки, чтобы тело не потеряло силу и ловкость, и занятия. Свободное время я посвящал телевидению. Ведь мне хотелось побольше знать о Земле.

У нас были перерывы в занятиях. Это случалось в праздники. И вот в один из них — день Весны — я не выдержал, бросил все и улетел в ближайший город на праздники. Все здесь было для меня необычным. И лица, и песни, и настроение людей. Сначала я бродил, болезненно сознавая свою обособленность, неумение войти в веселый и жизнерадостный ритм веселящейся толпы. Меня толкали, вовлекали в прыгающие и орущие хороводы на площадях. Мне пели чуть ли не в ухо смешные песенки. Но я уходил отовсюду. Все это было не для меня.

Кто-то недалеко от меня крикнул: «Анжелика! Иди к нам!» Это имя резануло меня как ножом. Что за любовь владела моим сердцем? Любовь к девушке, которую я даже не знал. Которая если даже и была, то умерла давно-давно... Я оглянулся. Девушка, невысокая, черноволосая, коротко остриженная, в блестящем черном платье и белых туфельках, что-то кричала своим друзьям. Веселящаяся толпа подтолкнула меня к ней. Она посмотрела на меня машинально, так как я загородил ей дорогу, и лишь потом внимательно уставилась на меня. Я стоял и молчал. Нужно было уйти. Я даже сказал себе это. Но куда тут уйдешь, двух шагов нельзя сделать, чтобы не толкнуть кого-нибудь. Я уже повернулся к ней боком, как она вдруг прикоснулась к моей груди и погладила две сверкающих стрелы — знак космолетчиков.

— Ты из звездной? — спросила она.

— Да. — Я все еще хотел уйти.

— Расскажи...

— У тебя есть время? Ведь это очень долго рассказывать.

— Я буду тебя слушать.

— Тебя действительно зовут Анжеликой?

— Да. А тебя?

— Олег.

Она кивнула, схватила меня за руку, и мы начали выбираться из толпы.

— Сколько же тебе лет?

— Сто два.

— Смешно. А мне восемнадцать.

Она водила меня по городу, который никак не хотел успокаиваться до самого утра. С ней было легко разговаривать. И время летело незаметно. Я даже забыл про Анжелику, которая писала мне письма восемьдесят лет назад. А потом вдруг вспомнил и подумал: если бы я встретил эту девушку тогда или та Анжелика была похожа на эту, я не улетел бы к звездам. Я не смог бы жить без нее.

Я проводил ее домой.

— Ты снова улетишь к звездам? — спросила она.

— Не знаю. Нет. Я хотел бы заняться кибернетикой.

Она с сомнением покачала головой и сказала:

— Если можешь — останься.

Я вызвал авиетку и через два часа был в отеле космолетчиков.

Я достал из куртки письма Анжелики и перечитал их. Я уже знал, что эти письма снова погонят меня к звездам.

И все же на следующий день я пришел к Анжелике. Она не скрывала, что ждала меня.

— Звездный волк, ты хотел видеть меня?

— Хотел.

— Сейчас модно носить эти две стрелы, — показала она на мой знак. — Я сначала не поверила, что ты вернулся со звезд. Трудно было улететь с Земли? Ведь теперь у тебя никого нет. У тебя была девушка?

— Не было, Анжелика. Я не нашел ее. А вот с

друзьями... у меня девяносто шесть друзей... могло быть девяносто семь, но один умер.

— Что вас гонит к звездам?

— У каждого свое. Меня — любовь.

Два месяца мы почти не расставались. Она даже прилетала в наш отель и не уходила из моей комнаты, когда меня погружали в гипнотический сон, чтобы напичкать очередной порцией знаний.

Еще возвращаясь на Землю, мы, девятнадцать человек, договорились, что при первой возможности будем проситься в очередную экспедицию. И вот однажды один из нас вызвал меня по видеофону и сказал, что объявлен набор в семьдесят девятую звездную.

— Я остаюсь, — сказал я.

— Понимаю. — Он помолчал. — Я прилечу к тебе. И ты покажешь мне письма Анжелики.

Теперь я долго не отвечал ему. Письма, письма. Они вели меня в Космос. И тогда, и сейчас...

— Хорошо. Я полечу к звездам.

— Молодец. А четверо все-таки отказались. В экспедиции будет семьсот тридцать человек. Если у тебя есть девушка и у нее подходящая специальность, можешь записать и ее. Нас будут брать вне очереди.

Я решил улететь. Я, конечно, не верил, что Анжелика пойдет за мной к звездам. Романтика полетов часто обнаруживается только в разговорах и уже после полетов. А если бы она согласилась? Нет. Я просто не мог предложить ей этого.

Я еще раз встретился с Анжеликой и сказал, что буду очень занят, что у меня не останется времени для встреч. Не знаю, что она подумала, но расставание было холодным. Меня это даже обрадовало, тоскливо обрадовало. Я сказал:

— Если захочешь — пиши.

Я перемучился и немного успокоился. Я был свободен. Снова ничто не держало меня на пути к звездам.

Меня приняли в экспедицию вторым кибернетиком.

Началась подготовка. Пришлось переехать из отеля космолетчиков поближе к базе экспедиции, которая располагалась в центре Сахары.

Анжелика меня не искала. Я не получил от нее ни одного письма. Она ни разу не связалась со мной по видеофону, хотя сделать это было проще простого. Письма теперь были не в моде, более совершенные средства связывали людей. И я ей сказал «пиши», наверное, только потому, что вспомнил письма Анжелики.

Прошел год. До отлета семьдесят девятой звездной оставалось два месяца.

И все-таки она пришла. Не надо было анализировать свои чувства, чтобы понять, что я ее люблю. Что же оставалось теперь мне? Бежать от любви, как и в первый раз? Но тогда я не мог ее найти. А теперь она была рядом.

— Олежек, я не хотела тебя искать. Я написала тебе столько писем, а ты не ответил мне ни на одно, кроме последнего. Я могла найти тебя. Это так просто. Но мне нужно было знать, что ты хочешь этого. А вдруг ты полюбил другую? Я только сегодня получила от тебя письмо.

Я был так рад ее видеть, что не сразу понял, о чем она говорит.

— Письмо? Анжелика, я не писал тебе писем.

— Одно письмо. Ты думал, что я не пойду с тобой в звездную? Ты боялся, что улетишь со своей любовью один?

— Не только это, Анжелика.

— И все-таки написал.

— Нет, Анжелика. Я ничего тебе не писал.

— А это? Что же это?

Она протянула мне конверт. На нем стояло только одно слово: «Анжелике». Я развернул лист. «Анжелика, я улетаю к звездам».

— Анжелика, это мое письмо! Но только написал я его другой девушке, когда улетаю с Земли первый раз.

Ее тоже звали Анжелика. Я никогда не видел ее. Но я любил ее. Я и сейчас люблю ее.

— Почему же ты не рассказал об этом раньше? — едва слышно спросила она.

— Ведь это было невообразимо давно. Если бы не ее письма, я не улетел бы тогда с Земли.

— А я хотела лететь с тобой, Олег, — сказала она растерянно и с болью в голосе. — Прости, я ухожу.

— Подожди, Анжелика. Я люблю тебя, но и ее. Как разорвать сердце между тобою и ею, Землей и звездами?

— Не надо. Беги.

— Я не бегу. Она послала меня туда. Смотри. Я носил их с собою все эти годы. — Я протянул ей пачку писем.

Она взяла их. Это как бы говорило, что ей теперь все равно. Но рука ее вздрогнула, когда она прочитала надпись на конверте. Она медленно развернула первое письмо, второе, третье и заплакала.

— Но ведь это же мои письма! Я их писала тебе целый год. И ты не захотел даже ответить.

— Это твои письма? Анжелика, но ведь я ношу их с собой много лет. Я получил их восемьдесят с лишним лет назад.

— Это мои письма! Разве ты не видишь эти две летящих стрелы? Что означали они восемьдесят лет назад? Их тогда не было. Этот символ звездных появился сорок лет назад.

Меня не надо было убеждать. Я понял. Ведь даже бумаги тогда такой не было. И эти две летящих стрелы. И год ее молчания. И мое единственное письмо.

Значит, я любил ее задолго до того, как она появилась на свете. Я получил от нее семнадцать писем. Эти письма отправили меня к звездам и сделали возможной нашу встречу здесь. Но сначала мы встретились, и лишь после этого она написала письма. Она уже знала меня.

А я получил их за восемьдесят лет до этого и отправился в звездную, чтобы после возвращения встретить ее. Но...

— Ты что-нибудь понимаешь, Анжелика?

— Понимаю. Значит, ты меня и любил.

Я, конечно, имел в виду не совсем то, но согласился. В этом-то она была права. Я любил ее, еще не встретив.

— Но ведь семьдесят девятая звездная отлетает через два месяца, — сказал я с отчаянием.

— Если бы ты ответил мне раньше, я могла бы быть в ней. Но у нас все равно есть еще два месяца.

— Два месяца, и расстаться на всю жизнь?! Ждать тебя столько лет, найти и снова потерять навсегда?

— Но ведь ты все равно полетишь к звездам?

— Мы все равно полетим к звездам.

Я отстегнул свой значок и приколот ей на платье две сверкающих стрелы. Эти летящие друг другу навстречу стрелы означали: «Земля, я улетаю к звездам», «Земля, я возвращаюсь со звезд».

СЕДЬМАЯ МОДЕЛЬ

1

Полупустой автобус распахнул двери. Конечная остановка. За шоссе начинался парк, тянувшийся до самой реки. Из-за верхушек сосен виднелись два верхних этажа нашего института. Сосны быстро глушили городские звуки. Скрип песка на еще мокрых от росы дорожках, шорох ветвей и запах... Какой запах!

Из вестибюля широкая лестница вела на второй этаж в большой светлый зал со смотровой площадкой на Ману и ее левый берег. В зале стояли мягкие кресла, а на столиках — букеты цветов, полевых, лесных. Здесь уже толпились испытатели. Все еще были в обычной

одежде городских жителей. Я поздоровался. Мне ответили вразнобой. Некоторые, уже постояв на смотровой площадке, выходили в дверь, ведущую в «экипировочную».

Смотреть отсюда на зеленый, с голубыми прожилками озер, левый берег Маны стало уже ритуалом. Проектировщики нашего института кое-что понимали в человеческой психологии. Вид отсюда был красив всегда, в любое время года. Даль, открывающаяся километров на двадцать, действовала на людей умиротворяюще. Мана круто поворачивала под девяносто градусов на север, широко блестя на солнце своей ровной тихой гладью, а еще дальше, где-то за Синим утесом, сливалась с дымкой горизонта.

Я вздохнул и оглянулся. В двух шагах от меня стоял испытатель Строкин.

— Как дела с нашей «подопечной», Валерий? — спросил я.

— В вечернюю смену все было нормально, — ответил он.

— Пусто то есть?

Строкин пожал плечами:

— Что у нас может быть интересного? Это у самого Маркелова да еще, возможно, в третьей модели есть что-то интересное. А у нас... — Валерий махнул рукой и замолчал.

С минуту мы еще постояли рядом.

— Красота какая... — сказал Валерий.

Я кивнул и отошел в сторону.

Сознание, уже автоматически переключенное на что-то иное, подсказывало мне, что надо идти в «экипировочную». Машинально, даже не думая об этом, я отворил дверь, вошел в зал, уже не имевший окон, но с множеством кабинок, вошел в одну из них, свою.

Через десять минут я вышел, одетый в плотно облегающий тело комбинезон, удобный и нисколько не стесняющий движений, по эскалатору в конце зала поднял-

ся на следующий этаж. Здесь находились просмотровые, или «предбанники», как мы их называли. «Предбанников» было четырнадцать, по числу сменных испытателей. Я зашел в свой. Двухметровый экран объемного телевизора. Пульт управления и четыре кресла. В трех уже сидели инженеры обслуживающего персонала. Приятный приглушенный свет, шум аппаратуры, привычный и необходимый. Я поздоровался. Трое повернули головы и тоже поздоровались. Оди́й крутанулся в кресле, спросил:

— Просмотр?

— Да, — ответил я. — Сколько информационных минут? — Про часы испытатели уже и не спрашивали.

— Ноль, — ответил инженер.

— Хорошо. Сколько дает машина?

— Четверть часа.

Это означало, что электронный мозг института из восьми часов работы испытателя выбрал только пятнадцать минут, которые имели хоть какое-то еще значение для исследований. Да и то... Пятнадцать минут — это просто так, минимально возможное время. Хочешь не хочешь, а смотри. Все равно ничего полезного и интересного не будет.

— Вечерняя смена, — сказал инженер. — Седьмая модель.

Я и так знал, что будет просмотр вечерней смены. Ночная еще не вернулась. А когда вернется, то материалы ее исследований еще несколько часов будут обрабатываться. Этот разрыв в восемь часов представлял некоторое неудобство, потому что связи с испытателем во время смены не было никакой. На восемь часов испытатель был предоставлен лишь самому себе. Правда, их там двое, но это мало что могло дать. Вездеходы работали в разных квадратах. В институте уже проводились работы по обработке поступающей от испытателей информации в реальном масштабе времени. Но эту систему введут еще не скоро. Несколько минут можно было

поговорить с самим испытателем ночной смены Вольновым, когда он выйдет из вездехода. Но это и все...

Я сел в кресло перед экраном, сказал:

— Просмотр.

Экран ожил.

Накатились барханчики песка, ушли в стороны, желтые-желтые, безжизненные, привычные. Машина шла, по-видимому, со скоростью километров пятьдесят в час. Я это чувствовал.

— Три часа сорок пять минут, — сказал автомат.

Это означало, что кадры, возникшие на экране, соответствовали трем часам сорока пяти минутам после начала вечерней смены.

— Почему вычислительный центр выбрал именно этот момент? — спросил я.

— У испытателя участился пульс, — ответил инженер.

— Учащение пульса! — Я усмехнулся. Тоже мне, критерий! Может, Крестьянчиков пить захотел?

— Оператор Крестьянчиков выпил бутылку минеральной воды, — словно прочел мои мысли инженер.

— А Васильеву в это время не хотелось пить? — спросил я. Вопрос был пустой. Я сам знал это.

— Нет, — лаконично ответил инженер.

Два других в это время, манипулируя клавишами вычислительного центра, еще раз небольшими кусками просматривали на экране простого телевизора всю восьмичасовую видеозапись вчерашней смены.

— Четыре часа пятнадцать минут, — объявил автомат.

И снова барханчики накатились на вездеход. А! Да эти барханчики здесь все одинаковые! Но все же я понял, что Крестьянчиков возвращается. По времени нетрудно было догадаться.

— Почему? — спросил я.

— Замедление пульса, — ответил инженер.

- Жажда?
- Нет.
- Координаты?
- Те же, что и в три часа сорок пять минут.

Странно, подумал я, почему он возвращается по своему следу? Обычно вездеходы делали круг или эллипс, хотя это и не оговаривалось инструкцией. Поиск на «подопечных» был свободный, в пределах заданного квадрата, конечно.

— Почему он возвращается по своему следу?

— Конкретных объяснений нет. Крестьянчикову просто так захотелось.

— Ясно. Ощущения?

— Ничего необычного.

— Координаты этой точки в память машины!

— Записаны.

Экран погас.

— Просмотр окончен, — сказал инженер.

— Ясно.

Два других инженера тоже закончили просмотр видеозаписи вечерней смены.

— Ваше мнение? — спросил я.

— Информации мало или ее вообще нет, — ответил один. — Случайность.

— Нужно ли проверить эту точку?

— Вычислительный центр не настаивает на проверке.

— Вычислительный центр! — слегка вскипел я. — А вы-то сами? Ваш опыт, интуиция, предчувствия!

— Интуиция? Да при чем здесь интуиция, когда дело идет о седьмой модели? Вот у Маркелова...

— Ну и пусть! Наша модель ничуть не хуже модели Маркелова... — сказал я и внезапно успокоился. — Проверю, хотя вы, конечно, правы. Седьмая «подопечная» пуста.

— Это уж точно, — вздохнул один и с хрустом потянулся.

Ясно. Они нашу седьмую модель и всерьез даже не воспринимают.

— Через десять минут конец ночной смены, — напомнил инженер.

2

Мы никак не могли придумать название исследуемой планете. Самое лучшее, пожалуй, было — «Песчинка». Но дело в том, что почти все модели были покрыты песком. Все можно было назвать «Песчинками». А некоторые испытатели в своей фантазии доходили даже до «Зануды».

Огромный, чуть больше Земли шар из песка. И все. Ничего здесь не было, ни жизни, ни разума. Да и самой-то ее не было. Вернее, была, но не в обычном смысле этого слова, не в буквальном.

Уже давно были известны основные параметры многих звезд: их масса, спектр и энергия излучения, небольшие отклонения в движении, что указывало на наличие у них планет. Четвертое поколение вычислительных машин вполне справлялось с моделированием. И если человек пока еще не мог улететь к другим солнечным системам, то почему нельзя изучать эти планеты на Земле?

Вот и начали появляться институты, подобные нашему.

Мощь человеческого воображения и интеллекта плюс невероятные способности машин к хранению и обработке информации создали несколько десятков «подопечных» планет, одну из которых я со своими товарищами и исследовал.

Ангар, где стоял вездеход, представлял собой экран огромного объемного телевизора. Голографическое изображение создавало полную иллюзию «действительного» существования планеты. Солнце, белесое небо, мелкий желтый песок... При «движении» вездеход рас-

качивался, подпрыгивал на барханах, расплескивал песок. Температура и состав воздуха в ангаре соответствовали параметрам моделируемой планеты. Эффект присутствия был полным. Атмосфера нашей «подопечной» была непригодной для дыхания, более разреженной. При выходе из вездехода нужно было надевать кислородную маску, у которой имелось устройство для радиопереговоров с напарником по смене.

Некоторый риск, пусть и чисто теоретический, в нашей работе был. Я мог погибнуть, если бы вездеход внезапно разгерметизировался. Мог получить тепловой удар, если бы вздумал совершить длительную пешую прогулку. В институте, конечно, на всякий случай имелась специальная группа спасателей, только работы у них пока не было.

В создании моделей принимали участие и испытатели, но во время экспериментов специальные детекторы вычислительного центра не пропускали всплески нашего воображения, которые могли повредить самому испытателю или «подопечной». На время работы наше воображение как бы осреднялось. Оставалось лишь то, что необходимо было для планомерных исследований. И во время восьмичасовых смен мы обязаны были напрягать свое контролируемое воображение, чтобы отыскать на планете что-то интересное.

Все смоделированные на Земле «подопечные» были бесплодны. Только у самого Маркелова, да еще в третьей модели были, кажется, небольшие зацепки. Во всяком случае, в модели Маркелова была нормальная для дыхания атмосфера и вода, а третья модель иногда выкидывала какие-то фокусы, связанные с парадоксами пространства и времени. Отработает, например, испытатель восьмичасовую смену, а в институте пройдет или семь с половиной часов, или восемь часов пятнадцать минут. Впрочем, в третьей модели фокусы могла выкидывать просто сама вычислительная машина. Тут еще нужно было как следует разобраться.

А вот наша бедная, безымянная планетка почетом и уважением у инженеров и операторов не пользовалась.

3

Загорелось табло, извещавшее о том, что машинное время и наше земное совместились. Створки ангара разошлись, Вольнов с силой отбросил дверцу вездехода, спрыгнул на бетонный пол. Был он весь взъерошенный, взвинченный.

— Что интересного? — осторожно поинтересовался я.

— Надоело, — отозвался Вольнов. — Надоело! И хоть бы толк какой был... Я уже спираль начал с тоски крутить. До того закрутился, что в точке схода уснул. Даже сны цветные видел. Ерунду какую-то, а все больше про желтые пески. Хорошо, вездеход сам нашел место выхода в наше время.

Инженеры обслуживающего персонала четко и быстро осматривали машину. С ней все было в порядке.

— Спираль мы никогда не крутили, — сказал я. — Обычно круг или эллипс.

— Сам не знаю, что на меня нашло. Плохо, что я уже не верю в смысл нашей работы. Ничего мы здесь не найдем, кроме абсурда в снах.

— Что за абсурд тебе приснился?

— Так... Какая-то круглая булка хлеба, только металлическая и с пятиэтажный дом высотой... Ну... я пошел?

— Иди... А точка схода спирали?

— А! Там на карте увидишь. Ничем не отличается от всех других. Пусто все. Слаба наша фантазия, да и у машины тоже. Слаба...

Вольнов рассеянно хлопнул меня по плечу и вышел из ангара. Я его понимал. А ведь все бы изменилось, прилети мы на такую вот захудалую планетку, проводи мы предварительно пять-десять лет в стенах

какого-нибудь космического корабля. Да ведь мы от радости насмотреться не смогли бы на эти безжизненные пески. Уж мы бы ее облазили всю, выяснили, что на противоположной месту посадки стороне высота барханчиков на два миллиметра больше, в среднем, конечно. А тут пьешь утром кофе, даешь указание дочери, чтобы она на уроках сидела внимательно и все старательно слушала, договариваешься с женой, кому после работы зайти в универсам и овощной магазин, потом шесть остановок едешь на автобусе, садишься в вездеход и начинаешь исследовать модель неизвестной планеты, у которой, кстати, даже названия нет. Потом говоришь сменному испытателю, что бросаешь такую работу к черту, заходишь в магазин, стоишь в очереди, вечером почитываешь потихонечку литературу по вычислительной технике, потому что уж лучше перейти в операторы и создавать очередную модель «подопечной», чем потом ее исследовать.

Я влез в машину; захлопнул дверцы, наружную и внутреннюю, проверил герметичность кабины, запасы энергии, пищи, воды, воздуха, мельком глянул на карту, лежавшую на операторском столике. Вольнов действительно вычертил спираль. Только... Только он, кажется, исследовал совсем не тот квадрат, который ему полагался по программе. Странно... Ну это Вольнов сам объяснит в отделе обработки информации, поступающей с модели.

Я дал сигнал о том, что готов к работе. Дисплей осветил программу работ на смену и предполагаемый район поиска. Но я и так знал программу работ на целый месяц вперед.

Зажглось табло: «Выход разрешаю»... Я нажал кнопку пуска.

И ангар мгновенно превратился в «подопечную». Вездеход дернулся. Гусеницы его врезались в «песок». Машина «прошла» метров сто, и я остановил ее.

В кабине было прохладно. А вот там, за стеклом...

Десятидневные по земным меркам сутки «подопечной»! И вот ведь что интересно: когда создавали программу нашей седьмой модели, машина никак не хотела понизить температуру на поверхности «подопечной» ниже +53 градусов по Цельсию.

Солнце поднялось уже высоко и раскалило песок. Программа работ сегодня не предусматривала выхода наружу, хотя в комбинезоне и кислородной маске это можно было сделать.

Сейчас я должен был задать программу авторулевому. Но чаще испытатели сами вели машину. Все-таки какое-то действие, какая-то работа, а авторулевой только выдавал поправки, если машина чуть сбивалась с курса.

Еще в ангаре я почему-то почувствовал, что мой сегодняшний маршрут не совпадет с запрограммированным. Это правилами работ разрешалось. Испытатель волен был импровизировать. Но сегодня здесь было что-то другое.

Ведь Крестьянчиков в вечернюю смену вместо круга шел по прямой, возвращаясь тем же самым путем. Вольнов в ночную смену сделал сходящуюся спираль..

И вот ведь что странно... Вольнов сразу же вышел из своего сектора. Он месил гусеницами вездехода песок в исследованном уже квадрате. Стоп! А ведь точка схождения спирали совпала с тем местом, где у Крестьянчикова сначала участился, а на обратном пути замедлился пульс. Но ведь ни тот, ни другой не заметили ничего странного... Ну, участился пульс у Крестьянчикова... Да только что из этого следует? Пустяк... А вот зачем Вольнов покати́л туда? Ведь он даже не знал, что в этой точке с Крестьянчиковым что-то произошло.

Так... Но ведь я-то уже кое-что знаю. Машина, конечно, все обработает и выдаст результаты. Но только это все будет лишь через восемь часов.

Запланированный сектор может и подождать. А вот эта странная точка...

Посоветоваться я здесь мог только со Строкиным, испытателем второго вездехода, который находился где-то километрах в двухстах от меня. Я включил передатчик.

— Курилов Строкину. Намерен исследовать вчерашний квадрат Крестьянчикова.

— Строкин Курилову. Что там?

— Не знаю. Но Вольнова из ночной смены почему-то понесло туда, хотя он ничего особенного и не заметил. Как у тебя?

— Я в квадрате по программе. Связь постоянная.

— Хорошо. Только тебе придется что-нибудь рассказывать. «Подопечная» дает для разговоров слишком мало информации.

— Я буду петь. Мурлыкать то есть. Знаешь, Алексей, когда я здесь, мне все время приходят в голову джазовые мелодии. И я исполняю, мысленно, конечно, все партии: трубы, банджо, саксофона, барабана. Усложняю обработку, создаю вариации. Даже самому нравится. А вот там, у себя в городе, в институте, такое и в голову не приходит.

— Это потому, что у тебя здесь сенсорный голод. Ощущений не хватает. Песок. Все один и тот же песок с самого начала и до самого конца... Так я, Валерий, в квадрате Крестьянчикова.

Строкин в ответ что-то замурлыкал.

Я развернул машину и на предельной скорости повел ее в точку, где у Крестьянчикова что-то произошло с пульсом. Я-то делал это вполне сознательно, а вот что повлекло туда Вольнова?

Вездеход шел легко, без натуги, как всегда. Да и местность была совершенно ровная. Песок. Один песок! Через определенные программой промежутки времени исследовательский комплекс вездехода автоматически производил самые разнообразные замеры. Но все это, как я был уверен, впустую, все для того, чтобы лишь

что-то делать, чтобы выполнять программу, для очистки совести, словом.

Ведь седьмая модель пуста! Только вот такую простенькую планетку и смог сфантазировать электронный мозг нашего института. Фантазии, что ли, мало у машины? Или мощности не хватает? Конечно, когда-нибудь смогут моделировать сложные миры. Когда-нибудь смогут... А сейчас вот приходится месить гусеницами сыпучий песок. И так до тех пор, пока всем не станет ясно, что на «подопечной» делать нечего и ее просто-напросто прикроют, как уже было не раз. Потом смоделируют другую, тоже наверняка пустую. Вначале будет некоторый интерес, все будут ждать чего-то, надеяться.

И вот ведь на каком чувстве внезапно поймал я себя: мне стало жаль седьмую модель, у которой до сих пор не было даже названия. Жаль, что за ненадобностью она будет пылиться в виде программы на бобинах с магнитной лентой где-нибудь на складе неудачных научных проектов. Жаль... Ну хорошо! «Подопечная» никому скоро не будет нужна. Исследователям, то есть операторам, испытателям. Да разве нельзя ее приспособить для каких-нибудь других целей? Отдать ее ученым, физикам, химикам или биологам. Пусть строят здесь свои научные центры. А ведь действительно! Физикам-ядерщикам, например. Соорудят они здесь какой-нибудь сногшибательный синхрофазотрон и будут потихонечку сидеть и радоваться. А разные промышленные производства с вредными отходами? Ведь и их можно вынести вот на такие смоделированные планетки. Да и мало ли что еще...

А что это за пространственно-временные парадоксы в третьей модели? Да ведь это, наверное, не ошибка в моделировании, а именно очень сложная модель с заранее запрограммированными парадоксами! И там, наверное, будут изучать не саму «подопечную», а строить какой-нибудь Институт Пространства и Времени.

Четвертый месяц я работаю испытателем, а только

сейчас пришел к мысли о том, что возможности «подопечных» гораздо шире, чем мне это казалось ранее. Но кто-то, наверняка знал это с самого начала.

Я чуть было не запел, но сдержался. Пусть уж лучше мурлычет Строкин.

А ведь работа мгновенно стала интересной. Ай да красавица! Красавица! Конечно, красавица! А то — «подопечная». С тоски можно умереть! «Красавица»!

4

Ничто не изменилось в песках. Да и что тут могло измениться? Яркий свет с неба да желтое море без конца и края.

И вот я уже был примерно в том месте, где сошлась спираль Вольнова, где то убыстрялся, то замедлялся пульс Крестьянчикова. Координаты я мог определить с точностью в сто метров, не меньше. Ничего интересного я тут не заметил. Но ощущение чего-то таинственного, значительного и тревожного во мне нарастало. Я уже не сомневался, что встречу здесь *нечто*. Ведь недаром Крестьянчиков пересек эту точку дважды, Вольнова влекло сюда по сходящейся спирали, а я мчал напрямик, хотя мне сейчас нужно находиться совсем в другом квадрате.

Песок и солнце. Но я был уверен. Пусть я пока ничего не увидел, не услышал, но *это* где-то здесь. Вездеход начал утюжить квадрат. За двадцать минут я изъездил его вдоль и поперек.

И ничего...

Тогда я изменил тактику. Раз *оно* влечет меня, так пусть же само и укажет дорогу. Я закрыл глаза, полагаясь только на чутье. Штурвал в моих руках крутился то влево, то вправо. Вездеход шел медленно, как бы на ощупь, впопыхах.

И вдруг, сам того не сознавая, я резко нажал на

тормоза. Открыл глаза... Прямо передо мной, метрах в двадцати, возвышалась какая-то странная конструкция. А ведь еще минуту назад ее здесь не было. Сооружение было непонятным для меня, я не видел в нем ни смысла, ни цели. И в то же время это было явное творение разума, а не природы.

Внутренне я был подготовлен к чему-то неожиданному. И все же... И все же я был поражен. Но мозг работал спокойно, только пульс участился да кровь прилила к лицу. Я это чувствовал.

По инструкции нужно было заснять все достойное внимания на киноплёнку. Потом в институте сравнят кадры киноплёнки с моделью вычислительной машины. В ста случаях из ста изображения должны совпасть. Ну это их дело... Я включил кинокамеру, установленную на крыше вездехода. Теперь нужно было убедиться, что *оно* не опасно для человека. Я это чувствовал, но объяснить не мог. *Оно* не только не было опасным для меня, *оно* просило о помощи! Так мне показалось. Я пристегнул кислородную маску, скользнул в шлюз и через минуту оказался в песках.

Так что же это? Машина нашего института смоделировала какую-то конструкцию? Специально, чтобы удивить меня? Или они там придумали новые испытания? Или что-то в самой вычислительной машине сломалось, произошел какой-то сбой, и она теперь будет моделировать черт знает что?! Сейчас погасит солнце или разверзнет передо мной пучину океана? Да нет. На такое моделирование она не способна. А вот сбой... Даже если и сбой (хотя такое предположить трудно), то ведь должно было появиться нечто нецелесообразное, уродливое. И хотя мгновение назад я не видел в странной конструкции ни цели, ни смысла, мне вдруг показалось, что смысл в ней есть.

Она была похожа на каравай хлеба. На ту самую «булку», которую Вольнов увидел в кошмарном сне!.. Не во сне он ее увидел! Не во сне! Все это было наяву.

Я зашагал, тяжело вытаскивая ноги из песка. Мне попался полужасыпанный след гусеницы. Да, я тут порядочно перемешал песок своим вездеходом.

И тут до меня дошло, что в последние несколько минут я не слышу мурлыканья Строкина. Более того, я даже не передал ему, что встретил нечто странное. Ну да ладно, две минуты подождет еще. Я только мельком взгляну на сооружение, возвышающееся передо мной, и вернусь в вездеход.

А конструкция действительно возвышалась передо мной метров на семь-восемь. Какая-то полусфера из металлических, кажется, ребер с выступами и углублениями. Я подошел ближе и прикоснулся к сооружению рукой. Поверхность была более прохладной, чем можно было ожидать на таком солнцепеке. Тогда я двинулся по окружности, старательно обходя выступы и не рискуя пока даже заглядывать в непонятные мне углубления. Я вернулся к тому месту, откуда начал обход. Следы от моих ног были еще видны.

Непонятно... Что же это все-таки такое?

Я влез в машину, вызвал Строкина. Мой напарник по смене мне не ответил. И автоматический радиопередатчик его вездехода тоже молчал. Строкин, в принципе, мог просто уснуть, что, конечно, было очень маловероятно. Но датчику положено было бодрствовать все время, пока машина находилась на «Красавице». Причин для волнения было уже предостаточно. И по крайней мере в одном я был виноват: перед тем как выйти из вездехода, я не сообщил Строкину о странной конструкции, не поставил его в известность о своих предполагаемых действиях. И все из-за того, что работа в модели была какой-то обыденной. Кончится смена, и я сразу домой. А вот на настоящей планете я бы так не поступил.

Связь между вездеходами на «Красавице» еще никогда не прерывалась, никогда не было и помех радио-

приему. Возможно, и это как-то усыпило мою бдительность. Спокойствие и однообразие, песок и солнце.

Неужели со Строкиным что-то случилось? Да что здесь может произойти? И эта конструкция? А странные маршруты Крестьянчикова и Вольнова? Значит, что-то может!

Я еще колебался, хотя алгоритм моего поведения в данной ситуации был однозначным. Пусть «Красавица» хоть на голове пляшет, но самое главное — это жизнь человека.

Чтобы не объезжать непонятную конструкцию, я дал задний ход и проехал метров пятьдесят.

Все так же мурлыкал Строкин, ничего странного не было видно до самого горизонта, след от вездехода обрывался метрах в пяти-семи передо мной. Все это я воспринял мгновенно.

— Курилов Строкину! Курилов Строкину! Ты слышишь меня? Прием! Прием!

— Строкин Курилову. Слышу тебя прекрасно. Что произошло? Почему ты так кричишь?

— Я вызывал тебя, но ты не ответил. Минуту назад...

— Никакого вызова не было.

— И радиодатчик твоего вездехода не отвечал.

— А сейчас?

— Сейчас все нормально. Отвечает. Но сейчас и ты меня слышишь. Тут странное дело...

— Красавицу в песках увидел?

— Красавицу? Да, да, именно «Красавица»! Тут какая-то странная конструкция была...

— Что значит: была?

— Была. А теперь нет. Я даже обошел вокруг нее, руками потрогал. Метров восемь высотой и метров пятнадцать-двадцать в диаметре, это если не учитывать выступающие части.

— У нее даже и выступающие части есть?

— Есть, есть, у нее все есть, что надо. Да только

дело в том, что она исчезла. Сначала я хотел, чтобы ты отправился в институт и вызвал сюда кого-нибудь еще. Но показывать больше нечего. Что делать?

— Ты уверен, что она действительно была?

— Думаешь, галлюцинация? Даже если и так, все равно на «Красавице» есть что-то странное. У меня никогда раньше не было галлюцинаций. А что в твоём квадрате?

— Мой квадрат пуст, как и все другие на нашей «подопечной». А «Красавица» это что, название такое, имя? И давно ты придумал?

— Совсем недавно. Да только дело сейчас не в этом. Ведь и Крестьянчиков и Вольнов чувствовали в этой точке что-то странное, непонятное... След! След. Я только что проехал задним ходом метров пятьдесят, а след от вездехода обрывается прямо передо мной.

— Полагаю, что нам нужно встретиться, — сказал Строкин.

— Похоже, что так. Только сначала один небольшой эксперимент. Я буду двигаться вперед и все время что-нибудь говорить, а ты внимательно слушай. Понял? Начали!.. А «подопечная» действительно красавица. Вот вернемся в институт, и я официально предложу называть ее «Красавицей». Слушай! Снова та же самая конструкция! Строкин! Стро... Курилов Строкину! Прием! Прием! Курилов Строкину! Прием!

Но мне никто не отвечал.

Теперь я уже сознательно не стал разворачивать вездеход. В этом моем движении то вперед, то назад что-то было... А конструкция все возвышалась. И все было как несколько минут назад. Только я тогда не все заметил, потому что был уверен, что странность заключается только в непонятной конструкции, неожиданно возникшей передо мной. Теперь я был повнимательнее. Во-первых, связь со Строкиным снова оборвалась. Я сейчас дам задний ход и услышу от своего напарника, на каком слове она прекратилась. Во-вторых... Или

это мне только кажется?.. За окнами машины было не такое уж и пекло, как всегда... В-третьих, колея от вездехода, которую я перешел пешком, тянулась перпендикулярно движению моей машины. В-четвертых, это была колея только от одной гусеницы.

Но сначала связь со Строкиным.

Я дал машине задний ход и почти тотчас же услышал:

— ...рилову! Прием! Прием!

— Курилов Строкину! Слышу нормально. Когда прекратилась связь?

— На фразе: «И я официально предложу называть ее «Красавицей».

— Все верно. Следующей фразой было: «Слушай! Снова та же конструкция!» Что будем делать? Похоже, что дело тут не в плохом распространении радиоволн. Я куда-то попадаю. Только наш вычислительный центр вряд ли смог бы это смоделировать. А какой-либо сбой в машине уже давно бы заметили и исправили.

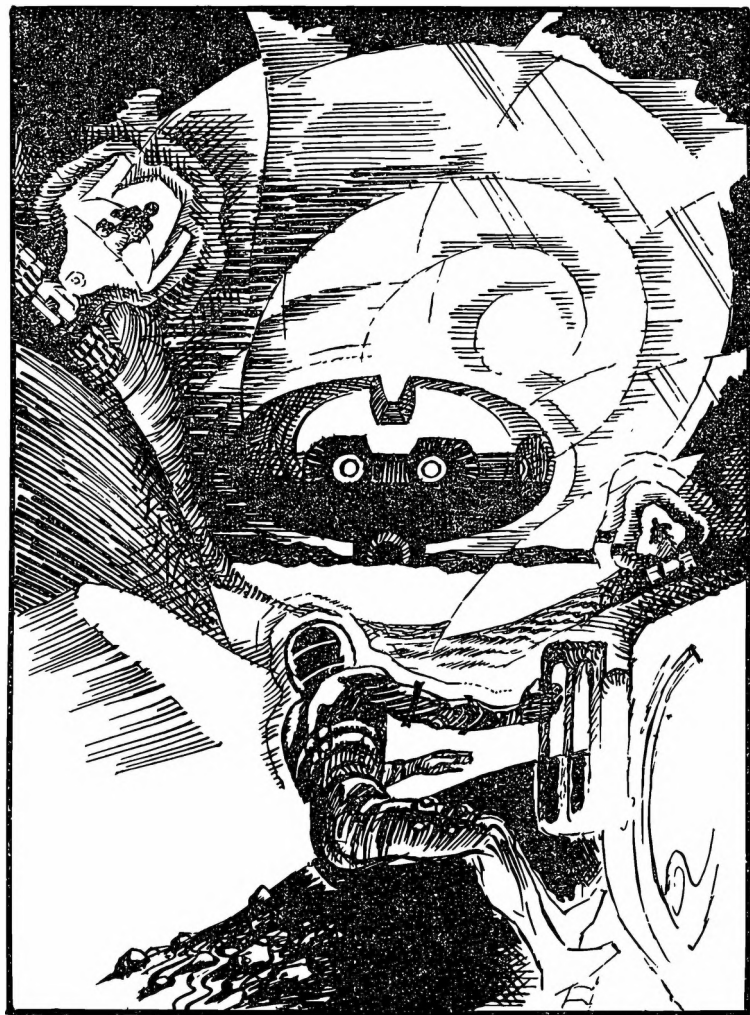
— Выхода два: или обоим немедленно возвращаться в институт, все рассказать, а там уж пусть начальство принимает решение, или попытаться кое-что разузнать об этой твоей конструкции, но только вдвоем. Впрочем, уже одно то, что на «подопечной», «Красавице» то есть, пропадает радиосвязь — немаловажно. И если это не причуды вычислительного центра, то работы хватит всему институту.

— Я уверен, вычислительный центр здесь ни при чем. Жду тебя в квадрате Крестьянчикова. — Я назвал координаты места, где сейчас находился. — Придумаю для тебя какой-нибудь буй. Или... даже просто оставлю на этом самом месте свою машину, а сам пойду пешком.

— Думаешь, туда можно пройти пешком?

— Почему нет? Сейчас попробую. Иди по радиодатчику. Минуты через две я тебя вызову.

Я вылез из вездехода и пошел по следам машины.

Лицо мое защищала только кислородная маска, а кисти рук были открыты вообще. Я чувствовал, какая жуткая жара стояла здесь. Колея от моего вездехода кончалась внезапно, словно срезанная ножом. Я постоял секунду и сделал шаг вперед. Передо мной высилась конструкция. Воздух, несомненно, стал прохладнее. И еще одна странность — горизонт как бы сузился. Но это могло быть и от того, что в вездеходе мои глаза находились метра на полтора выше. На ровном месте и это имело значение.

Несколько минут у меня ушло на то, чтобы вернуться в машину, вызвать Строкина, сказать ему о том, что я намерен делать дальше, убедиться, что тот на предельной скорости идет в мой квадрат, и снова вернуться к странному сооружению.

5

На связь со Строкиным я должен был выйти через полчаса.

Еще раз три я обошел вокруг странной конструкции, уже более смело заглядывая в ниши и похлопывая рукой по выступающим частям. И если раньше я отметил, что *оно*, кажется, было изготовлено из металла, то теперь я начал различать цвета металла. Преобладающим был малиновый с множеством оттенков, переходящих в желтый и фиолетовый. Завершенность форм конструкции привела меня к мысли, что это какой-то законченный, отдельный, специальный аппарат, у которого нет никаких функциональных связей с окружающим миром. То есть я пришел к мысли, что это какой-то летательный, скорее всего космический аппарат. Одна из ниш оказалась настолько глубокой, что свет в нее уже не проникал. Уверенность, что ничто здесь не причинит мне вреда, возникла у меня давно. Она окрепла и даже казалась внушенной, внешней, не подавляющей, но

какой-то призывной. Словно кто-то приглашал меня войти и просил помощи.

Я уже не мог, да и не хотел противиться этому зову.

Ниша заканчивалась лазом, в котором я мог проползти. Я двинулся вперед и метров через пять очутился в помещении, светлом, достаточно просторном, круглом, с какими-то стойками по окружности, с двумя креслами или чем-то отдаленно напоминающим кресла, с пультом управления. Во всяком случае, здесь что-то переливалось всеми цветами радуги и походило на перемигивание лампочек на мнемосхеме какого-то очень сложного устройства. В одном из кресел лежало существо и глядело на меня двумя немигающими глазами. Мне показалось, что оно мертво или без сознания. Призыв о помощи, безмолвный, но страстный, исходил, несомненно, от него.

Что-то перевернулось в моей голове и вновь стало на место. Спокойно... Спокойно... Спокойно...

Чьи бы это ни были штучки, но передо мной лежал человек. Да я и не рассуждал, человек это или не человек. Просто разумное существо. Я подошел и положил руку на высокий лоб. Он был теплым. И черты лица были явно человеческими. Глаза, уши, рот, нос. Руки, ноги, туловище. Он, кажется, был точной копией человека, хотя человеческими мне сначала показались только глаза. Что же делать? Что с ним? Чем я могу ему помочь? Я чуть было не сгреб его в охапку и не потащил в вездеход, чтобы немедленно транспортировать в наш институт. Но вовремя опомнился. Во-первых, атмосфера. Лаз в это помещение, каюту или рубку управления был открыт. Вполне возможно, что существо дышало именно таким воздухом, какой был на этой планете. А он ведь далеко не похож на земной. Может случиться, что один глоток земного воздуха — и спасти будет некого. Во-вторых, еще одно кресло. Я не знал, есть ли здесь второй член экипажа. А если есть, то жив он или мертв? Колея одногусеничного вез-

дехода наводила на мысль, что второе существо должно быть. Я бы сейчас сделал все, что нужно, вот только не знал, что именно. Осмотреть корабль? Теперь я был уверен, что это космический корабль. Да чем же все-таки помочь ему? Я рванулся в одну сторону, в другую, чуть было не сбил со стойки графин с водой... и остановился.

Ладно. Космические корабли, представители другой цивилизации, очень похожие на нас, вычислительная машина, продолжающая играть цветовые гаммы, — все это возможно. Для меня по крайней мере. Я ведь никогда не встречался с пришельцами, как, впрочем, и все остальные люди на Земле. Но... но этот обыденный, простой, слишком уж человеческий графин с водой. Стекланный графин, похожий на тот, что стоял в холле нашего института.

— Пить... — сказала существо.

Понятно. Если есть графин, почему бы существу не сказать на чистейшем русском: «Дай-ка, дружище, водицы испить!»

Я спокойно взял в руки графин, даже вода в нем булькнула как-то знакомо, и поднес его ко рту человека! Только вот рта он не раскрыл. Мне пришлось приложить значительное усилие, чтобы раздвинуть стиснутые челюсти и влить в рот немного воды. Человек был без сознания. Тогда как же он смог попросить воды?

Я поставил графин на место и осмотрелся еще раз. Никакого другого выхода отсюда не было. В это помещение можно было проникнуть только одним-единственным образом: через тот самый лаз, его даже ходом не назовешь.

— Спасибо... — сказал человек. — Помогите еще...

— Как? Как тебе помочь?!

Глаза человека по-прежнему были открыты. И все-таки он лежал без сознания. Во всяком случае, он не пошевелился. Да и говорил он, не открывая рта. Ладно. Переживем. Телепатия! Передача мыслей непо-

средственно из мозга в мозг. Поэтому он и говорит на русском. Даже в самом непонятном есть какой-то порядок, который успокаивает, делает это непонятное приемлемым, во всяком случае. Сейчас он скажет, подумал я, что у них сломалась дюза или отражатель фотонного двигателя, и попросит помощи. Я даже ответа ждал на свои невысказанные вслух мысли. Но не получил. Человек не сказал больше ничего.

— Сколько вас здесь? — спросил я. — Двое? Или больше? Что это за аппарат? Космический корабль? Вы хоть знаете, что вы находитесь на Земле?

Я мог продолжать этот ряд вопросов до бесконечности. Мне самому нужна была помощь. Я не знал, что делать.

Но ведь где-то на подходе уже был вездеход Строкина.

Здесь мне мог помочь только он.

6

К своему вездеходу я вернулся вовремя. Машина Строкина приближалась. Вот она остановилась. Еще минута, и Валерий появился передо мной. На нем был такой же комбинезон, как у меня, и кислородная маска.

— Ну! — нетерпеливо спросил он. — Что тут у тебя?

— Полагаю, что это космический аппарат, — ответил я. — Внутри находится человек. Он даже попросил у меня пить, хотя и лежит без сознания.

— Ты хоть представляешь, что говоришь? — не поверил Строкин. — Машина нашего института создала математическую модель этой планеты. И вдруг на математическую модель преспокойно садится космический корабль пришельцев!

— Не знаю, преспокойно он сел или нет, но существо, находящееся в нем, нуждается в помощи. Вот кон-

чается колея моего вездехода. Можешь сделать шаг вперед и все сам проверить.

Строкин шагнул. Минут через пять он вернулся.

— Оказывается, ты прав. Только их корабль находится не на «подопечной», не на «Красавице» то есть.

— Это в каком же смысле?

Вместо ответа Строкин сказал:

— Давай загоним туда один вездеход, и пусть он определит некоторые параметры окрестности, а мы займемся самым человекообразным существом.

— Человеком, — поправил я.

Предложение Строкина было правильным. Мы так и сделали. Моя машина по стандартной программе занялась исследованием местности, которая, как мне теперь казалось, действительно заметно отличалась от «Красавицы». Но чем мы могли помочь человеку? Валерий оказался находчивее меня. Он прихватил с собой аварийную аптечку.

— Уж не собираешься ли ты лечить его земными лекарствами? — спросил я.

— Нет, не собираюсь. Но попытаться определить, что же с ним такое произошло, стоит.

— Как ты сможешь это сделать? Ведь мы же ничего о нем не знаем!

— Тогда предложи что-нибудь другое.

— Его нужно немедленно транспортировать в наш институт. А уж там пусть разбираются. — Я еще немало порассуждал о научном потенциале нашего института и других научных организаций родного города, в том числе и медицинских.

Строкин слушал меня вполуха, то прикладывая ладони ко лбу человека, то выслушивая его. Ясно, он пытался определить, бьется ли сердце этого существа.

— Жаль, — наконец сказал он.

— Совсем уж безнадежно?

— Жаль, что мы его не можем транспортировать в наш институт.

— Да почему же? — вскричал я и тут же все понял.

Нет! Ведь все это существует только в модели. Ведь это только модель, созданная вычислительным центром нашего исследовательского института. Ничего мы не сможем вынести отсюда, так же, как и внести сюда. И никакие вредные отходы промышленного производства сюда тоже не перебросишь. И не создашь невиданные синхрофазотроны...

— Ты, Алексей, срочно возвращайся, — сказал Строкин. — Расскажи там все подробно. Здесь нужен опытный врач. Я уверен, что такого найдут, и он согласится посетить нашу седьмую модель.

Мне не хотелось оставлять Строкина здесь одного. Но и выхода другого, кажется, действительно не было.

— Потропись, Алексей, — сказал Строкин.

— Я все понял. Сделаю. Только учти, что несколько фраз он мне все-таки сказал.

— Хорошо, учту. А ты не забудь сообщить, что все это происходит не в нашей модели. Не знаю уж где, но только не в нашей модели.

Я мчался на своем вездеходе к точке выхода из математической модели. Параметры планеты, на которой остался Строкин, действительно резко отличались от нашей «подопечной». Она была меньше по размерам и имела другой состав атмосферы, почти пригодный для дыхания человека. Только кислорода в ней было чуть меньше, чем в земной.

7

Оказывается, моего возвращения уже ждали. К ангару сбежался почти весь институт, по крайней мере все необходимые мне сейчас люди.

Вычислительный центр проанализировал странности в поведении Крестьянчикова и Вольнова. И хотя ре-

комендаций никаких не выдал, весь институт уже ждал чего-то необычного.

Первое, что попытались сделать программисты, это найти ошибку в модели нашей собственной «подопечной». Ошибки или сбоя не было. Тут же начали готовить спасательную экспедицию, в состав которой включили двух врачей. Мне предложили отдохнуть, но я чувствовал себя проводником, первопроходцем и поэтому отказался. У них, конечно, не хватило духу отстранить меня от дальнейших работ.

В модель меня перебросили первым. Я вышел из вездехода, и он автоматически вернулся в институт. Через минуту он появился с врачом. Затем возникло сразу три машины. Ясно. Это впервые начали работать спасатели. Машины снимали даже с модели самого Маркелова.

Через час экспедиция прибыла к тому месту, где стояла машина Строкина. Несколько человек остались возле нее, остальные пошли по колее, которая и вывела нас в какой-то другой мир.

Строкина мы нашли сидящим во втором кресле. Он сидел совершенно неподвижно. И я вначале подумал, что и он тоже находится в глубоком обмороке. Но испытатель вдруг шевельнулся и открыл глаза. Лицо его было очень усталым. Поднялся он с большим трудом.

— Можете не торопиться, — сказал он. — Контакт надежен. Этот человек моделирует не только окружающий его мир, но и самого себя. Он не знал, что для нас столь важно казаться живым, двигающимся. Скоро он встанет и пожмет нам руки. А желающие поговорить с ним должны сесть вот в это кресло. Разговор будет идти на чистейшем русском, потому что передача информации идет непосредственно из мозга в мозг. Кто желает?

Желали все, но предпочтение отдали мне. Все-таки, как-никак, а именно я нашел странное сооружение. Я сел в кресло и расслабился.

— Повторяю еще раз, — сказал человек. — Спасибо тебе за спасение!

— Но я не спасал тебя! — удивился я. — Я даже не знал, что нужно делать, если ты и нуждался в помощи!

— Контакт установлен, и это главное. Мой корабль действительно потерпел аварию. Координаты его не имеют для тебя значения. По космическим меркам это наверняка в какой-нибудь другой галактике. На случай подобных происшествий у нас имеются устройства для моделирования планет, совершив посадку на которые мы могли бы произвести ремонт, а если планеты обитаемы, то и вступить с их обитателями в контакт.

— Но ведь все это фикция! — вскричал я. — Модели на самом деле не существуют. Они только в нашем воображении!

— Конечно, — согласился человек. — И наш контакт существует только в нашем воображении, а вернее, в нашем сознании, хотя без воображения здесь, конечно, не обойтись. Мой корабль потерпел аварию. Я начал моделировать разные миры, но все они были мало пригодны для меня. Дело еще в том, что пострадала и моя вычислительная машина. Но почти все цивилизации при моделировании миров проходят через этап вот таких песчаных планет. Тут какая-то закономерность. Или люди думают, что проще песка уже нет ничего на свете? Поскольку модели существуют не в обычном пространстве и времени, вероятность встретить на одной из них разумных существ очень велика. Вот я и встретил вас.

— Но чем мы можем помочь тебе?

— Мыслями, идеями, участием.

— Подожди, между нашими моделями связь можно установить только в одной-единственной точке, которую я нашел случайно.

— Ты же сам не веришь в эту случайность. В прин-

ципе, если вам так хочется, наши модели можно совместить полностью.

— Это было бы интересно. Вот ты говорил, что корабль и вычислительная машина частично вышли из строя. А если бы машина вышла из строя полностью?

— Осталось бы мое сознание и воображение. Модель все равно можно построить.

— А если и сознание и воображение...

— Что ж, мы не бессмертны.

— Сколько вас на этом корабле?

— Я один.

— А кто же тогда проделал колею вездеходом с одной гусеницей?

— Я об этом ничего не знаю.

Я встал с кресла. Похоже, что мы разговаривали вслух. Но это не беда. Каждый наш разговор с ним будет что-то прибавлять к нашему знанию о нем. И мы ему чем-нибудь поможем. Я в этом уверен.

8

Так наша «подопечная» стала знаменитой. И ее уже вполне официально называют «Красавицей».

Обе модели по взаимному согласию совмещены в пространстве. Испытателям и программистам работы по горло. Тем более что не разгадана тайна колеи вездехода. Кажется, в нашей седьмой модели был кто-то *третий*.

И хотя на седьмую модель брошены основные силы института, иногда у меня нет времени после смены вернуться домой. А когда это все же получается, я сначала стою на смотровой площадке института и смотрю на заречные поля и леса, на седую дымку над горизонтом. А потом еду в автобусе домой и там занимаюсь самыми обычными делами, обыденными и веч-

ными. И жена часто говорит мне, что у меня не хватает воображения.

Я не спорю. Возможно, она права. Я соглашаюсь.

А завтра меня снова ждет «Красавица» со своими тайнами...

ИСКЛЮЧЕНИЕ

«Громовержца» приняли на девятый космодром Селги, как Игорь и хотел. Он быстро справился со всеми формальностями, связанными с прибытием и сдачей груза с Земли, подписал график работы кибергрузчиков и внимательно просмотрел список аппаратуры, которую он должен был доставить в Солнечную систему. Аппаратура показалась ему очень любопытной и даже несколько неожиданной. Затем он отправился на стоянку авиеток, чтобы навестить своих друзей: Гела и Найю. Поселок, в котором они жили, находился километрах в пятистах от космодрома. Улетая с Селги два месяца назад, он обещал им вернуться. И вот вернулся.

Авиетка шлепнулась посреди группы коттеджей, расположенных в роще деревьев с белыми стволами и фиолетовыми листьями. Дверь домика Гела оказалась запертой. И Игорь, чувствуя себя здесь своим, влез в открытое окно. В комнате никого не было. Понятно, ведь дверь закрыта! Но за стеной слышался приглушенный шум голосов.

— Гел! Это я, Игорь! — на всякий случай крикнул капитан «Громовержца».

Ему никто не ответил. Тогда Игорь открыл дверь в другую комнату. В глубине ее во всю стену был виден большой зал какой-то лаборатории. Несколько человек стояли и сидели возле незнакомых ему аппаратов и приборов. Игорь шагнул вперед, очутился в лаборатории и крикнул, увидев и Гела, и Найю:

— Привет! Я...

На него замахали руками, словно он помешал. Голубая девушка оглянулась и лишь покачала головой. Игорь хотел выйти, но перед ним была сплошная матовая стена. Комната, в которой он только что находился, исчезла... Игорь растерянно шагнул к стене... и снова очутился в комнате, во всю стену которой была видна все та же лаборатория.

На чужих планетах часто попадаешь впросак. Что это? Нуль-транспортировка? На таких маленьких расстояниях? Странно. И тут он вспомнил, что груз для Солнечной системы и представлял собой как раз аппаратуру нуль-транспортировки. Интересно...

Игорь не утерпел, выпрыгнул в окно и обежал домик. Коттедж как коттедж, с окнами, входной дверью и стенами. Значит, действительно, нуль-транспортировка... Когда он вернулся в комнату, в проеме стены возник огромный зал с множеством прогуливающих голубых людей. Капитану пришла в голову мысль — а не шагнуть ли еще раз в экран? Если что-нибудь снова будет не так, он просто сделает шаг назад. Игорь шагнул и оказался посреди зала с полированным полом и терявшимся где-то в вышине потолком. За его спиной возвышалась лишь гладкая колонна. Отступать было некуда, но он никому и не мешал здесь! Игорь немного постоял, потом нерешительно двинулся вперед. Ему было все равно, куда идти. Толкаясь в толпе, он вдруг обратил внимание на красивого молодого человека с выпиравшими из плотно облегавшей его рубашки очень уж рельефными мускулами. С ним шли две девушки, у одной из которых было лицо египетской царицы Нефертити. Все трое прошли мимо и растворились в водовороте людей.

Голос, раздававшийся сразу отовсюду, называл имена. И то одна, то другая группа голубых людей, торопливо шагая, скрывалась в дверях в одном конце зала.

Неожиданно Игорь очутился возле столика с надпи-

сю «Прием заявлений» и не успел отойти, как старичок, сидевший за ним, спросил:

— Ваше имя?

Игорь ответил.

— Судя по цвету вашей кожи, вы не с Селги?

— Да, я землянин.

— У вас есть здесь ливанна?

Игорь замялся. Что такое ливанна? А спрашивать не хотелось. Вечером он все узнает у друзей.

— Ее здесь нет?

— Нет, — облегченно выдохнул Игорь.

— Почему она не пришла? У нас нет ограничений для людей других планет. Ее имя, адрес?

— Не знаю. — Игорь начал разворачиваться, чтобы нырнуть в толпу.

— Не знаете? — удивился старичок.

Игорь бросился в сторону. Надо скорее встретиться с друзьями. Что здесь все-таки происходит?

От нечего делать он довольно долго бродил по огромному залу. Голова шла кругом от бесконечных поворотов, шума, света, странных выражений лиц. Надо найти выход из зала. Посидеть где-нибудь под деревьями. Упасть на фиолетовую с синими прожилками траву. Отдохнуть от всего этого.

Внезапно он остановился. Вот те две девушки, которых он уже видел. А юноша? Юношей тоже было двое! Совершенно одинаковых, с похожими движениями, жестами, улыбкой. Да, они улыбались. А девушки выжидательно смотрели на них. Это же близнецы! Смешная ситуация.

— Айра, — сказал один из молодых людей. Девушка с лицом Нефертити вздрогнула и вдруг заплакала, не закрывая лица и словно даже не замечая этого.

— Я боялась, Сэт, — сказала она сквозь слезы. — Что бы они ни говорили...

— Айра, уйдем отсюда. — Он обнял ее за плечи и увлек в толпу.

Девушка задержалась. Остановилась. Оглянулась.

— Но ты так похож на него!

— Сейчас нам лучше уйти отсюда.

— Нет... Я что-то поняла. Мне плохо! Ты совсем другой!

Юноша поднял Айру на руки, прижал ее лицо к своей груди и пошел через расступившуюся толпу.

— Отпусти меня! — вырывалась девушка. — Это не ты... Ты совсем такой же... Что теперь будет со мной? Отпусти меня!

Но юноша не выпускал Айру из рук. К ним быстро подошла женщина в халате врача, приложила к виску девушки блестящий диск, и та затихла.

— У нее это очень быстро пройдет, — сказала женщина. — Только пореже встречайтесь с вашим близнецом.

Юноша как драгоценную хрупкую ношу бережно понес девушку на руках.

Постояв еще немного, Игорь решил искать выход. Только теперь он заметил, что в толпе довольно значительный процент близнецов. Какой-то всепланетный съезд близнецов!

Число голубых людей в зале не уменьшалось. Пожалуй, даже становилось больше. Случайно Игорь оказался возле колонны. Какая-то девушка нажала несколько выступающих из нее кнопок, и на колонне появилось изображение холла здания. Девушка шагнула вперед, прямо в колонну, и исчезла. Так же поступали и другие. Только на колонне появлялись каждый раз совершенно непохожие друг на друга изображения. Это были комнаты, лаборатории, дворики, улицы, площади, перекрестки, сады. Люди входили в эти изображения и исчезали вместе с ними.

Игорь несколько раз обошел колонну, затем решил понаблюдать, в каком порядке и сколько кнопок нужно нажимать. Хорошо бы очутиться где-нибудь в лесу,

недалеко от стоянки авиеток, чтобы в любое время можно было добраться до знакомого поселка. Но люди так быстро нажимали кнопки, что он ничего не успевал разобрать. Придется рискнуть, нажав наугад. Он небрежным шагом подошел к колонне, нажал несколько кнопок и шагнул вперед.

Очутился он в незнакомой комнате. Солнце светило в широкие распахнутые окна. В углу перед зеркалом стояла девушка. Очевидно, она увидела незнакомца в это зеркало, потому что резко обернулась. Высокая прическа на ее голове была разлохмачена.

— Какой ты, — сказала она без всякого раздражения или испуга. — Какой ты неосторожный. Разве можно входить в чужую комнату без разрешения?

Игорь молча попятился назад. Там должно быть спасение. Но спина ощутила лишь гладкую холодную поверхность.

— Я не хотел, — покраснев от смущения, сказал Игорь. — Я не знал. Куда...

— Нажми кнопки и будь в следующий раз осмотрительнее.

Игорь с удивлением уставился на ряд кнопок, выступающих из панели стены, и вдруг ему стало так неуютно, так стыдно, что он вскричал:

— Не знаю!.. Я ничего здесь не знаю!

— Какой ты, — снова сказала девушка и пошла прямо на него. Игорь отскочил в сторону. Из соседней комнаты доносились голоса:

— Сиб, ты скоро переоденешься?

— Поторопись, Сибилла!

Девушка остановилась в двух шагах от Игоря и нетерпеливо спросила:

— Куда тебе?

— Не знаю.

От девушки пахло лесом.

— Какой ты, — в третий раз сказала девушка. — Хочешь в парк?

Игорь кивнул. Девушка нажала кнопки, но капитан вдруг, даже не взглянув на изображение, метнулся к окну, перебросил тело через подоконник, упал в траву, ободрал ладони какими-то колючками, вскочил, побежал, не разбирая дороги, перепрыгивая через ручьи и канавы, и остановился лишь на вершине холма. Сердце бешено колотилось. Игорь лег на траву и с удивлением отметил, что не знает, с какой стороны он прибежал сюда. Трава была чуть-чуть влажной. Отовсюду доносился стрекот незнакомых насекомых. Ослепительно голубое солнце заходило за далекие горы. Немного отдышавшись, Игорь рассмеялся. Прошло только два месяца. Два месяца назад ему казалось, что он знает Селгу достаточно хорошо. Правда, он и тогда попадал впросак, но не настолько, чтобы стыдиться своего невежества. А сейчас?

Игорь встал, стряхнул с себя комочки земли, сухие листья, травинки и начал спускаться с холма. Во что бы то ни стало нужно было найти авиетку. В ней он будет чувствовать себя уверенно. На ходу капитан машинально срывал попадавшиеся под руку цветы. Наверное, он все-таки спускался по другому склону холма: ему не попалось на пути ни камней, через которые он перепрыгивал, ни ручья. Потом он наткнулся на тропинку и побрел по ней, будто зная, что тропинка приведет его куда-нибудь.

Тропинка долго петляла между деревьями и кустами. Воздух стал прохладнее. Приближалась ночь. Чужое солнце уже зацепилось за верхушки гор, осветив их голубым светом, а Игорь все шел, похлопывая себя по ногам коротеньким прутиком и потихонечку насвистывая. В душе наступила кроткая тишина, и он уже с улыбкой вспоминал события прошедшего дня.

Всегда так. Непонятное хочется понять. Тайна заманчиво и настойчиво влечет в водоворот событий, до кото-

рых тебе еще вчера, еще час, еще минуту назад не было никакого дела.

Капитан надеялся, что тропинка приведет его к авиетке и он полетит к своим друзьям. Там будет много смеха и зеленое шипучее вино. Гел, как обычно, большую часть времени будет молчать и тискать в громадной ладони свой подбородок. Нет сомнения, что он влюблен в Найю. А она? И тут Игорю снова пришло в голову: что же сегодня происходило в зале? Почему Айра вырывалась из рук Сэта? Ей было плохо?

— Почему Айре было плохо? — Он опомнился и сообразил, что говорит вслух. — Что здесь происходит? Ответьте!

Перед ним стоял домик. Солнце скользнуло за горы. Все окутала темнота. Лишь на самом горизонте чуть искрились и блестели вершины гор.

Игорь остановился возле низенькой ограды. В доме слышался смех. Потом два красивых голоса, мужской и женский, запели песню, но слов нельзя было разобрать. Эти два голоса, переплетаясь, временами сливались в один и затихали, чтобы через мгновение резко разойтись на две октавы и зазвучать громко, призывно и страстно, а затем снова грустно, тоскующе и тихо. Они заставили Игоря задержаться, затанить дыхание. Песня смолкла неожиданно, на высокой ноте. В домике зашумели, но никто не аплодировал, не хвалил певцов. По голосам можно было определить, там собралось несколько человек. Вдруг среди шума отчетливо донеслось:

— Послушай, Сибилла! Пусть только Дан не сердится и не хмурится. Я ведь не влюблен в тебя, но твоя песня разрывает мое сердце. Отчего это?

Девушка рассмеялась низким грудным смехом.

«Потому что в ней счастье и горе!» — захотелось крикнуть Игорю.

— Хорошо, если ты этого не понял, — сказала девушка.

Заговорили все. Игорь постоял немного перед оградой, раздумывая, войти ему в дом или нет. В это время в распахнутом окне появился силуэт мужчины. Игорь не шевелился. Ему расхотелось входить в домик. Разве что спросить авиетку?

— Эй, — позвал он. — Я слушал песню.

Силуэт в окне вздрогнул и исчез, но через секунду в распахнутых окнах появилось сразу несколько фигур.

— Заходи!

— Чего ты стоишь один!

— Заходи, заходи!

Игорь перепрыгнул через изгородь и оказался в квадрате света, падающего из окна.

— А-а, — раздался удивленный возглас. — Это он. Заходи же. Какой ты! Это тот, я вам про него рассказывала.

Кто-то рассмеялся, но Игорь ничуть не обиделся. Значит, он несколько часов бродил по лесу, чтобы выйти к тому же месту, откуда он так поспешно и глупо бежал.

— У вас есть авиетка? Мне нужно лететь.

— Зачем тебе лететь? Мы тебя и так переправим. Заходи. Сегодня на Селге все празднуют день Счастья.

— Мне нужно лететь, — упрямо повторил Игорь.

— Может быть, ему есть с кем праздновать и без нас, — сказал один из них. — Правильно я говорю?

— Правильно. Меня уже, наверное, ждут. Так у вас есть лишняя авиетка?

— Есть. Они теперь все лишние. Сибилла, это твой знакомый. Проводи его.

Компания еще некоторое время выглядывала из окон, затем по одному все исчезли в глубине дома.

Сибилла вынырнула откуда-то из темноты и схватила Игоря за руку.

— Какой ты! Мог бы и остаться!
— Я слышал от тебя десяток фраз, и девять из них были: «Какой ты!» А какой я?
— Смешной. Ты ведь откуда-то прилетел?
— Да. С Земли. Я капитан грузового корабля.
— Наверное, поэтому ты и странный.
— Наверное, — согласился Игорь.
— А с кем ты будешь на празднике?
— С Найей, — ответил Игорь. — Она работает в институте Счастья.

Девушка неопределенно покачала головой.

— А что это за праздник? — спросил Игорь.

— Ты не знаешь? Теперь все будут счастливы. — В ее словах, так же как и в песне, чувствовалась грусть. — Разве твоя девушка тебе не говорила? Ведь это происходило там, в институте...

Найя не была девушкой капитана. И он не знал, что этот огромный зал принадлежал институту, где работала Найя.

— А я и без того счастлива, — сказала Сибилла. Сказала Игорю или самой себе, он не понял.

— Знаю.

— Как ты можешь знать?

— Я слушал песню. Дан?

— Да. Он.

Они дошли до небольшого ангарчика. Сибилла вывела одноместную авиетку.

— Значит, это происходило в институте Счастья? — спросил Игорь.

— Ну да. Из его дверей выходили только счастливые.

— А Айре было плохо. Она плакала.

— Плачут и от счастья...

— Нет. Ей было плохо.

Сибилла промолчала. Игорь открыл дверцу авиетки и сел на сиденье перед пультом.

— Ну, я пойду? — Белое платье девушки смутным

пятном выделялось в темноте ночи. Лицо и руки были почти незаметны. — Я пойду?

— Конечно. Иди. Спасибо тебе, Сибилла! — Игорь захлопнул дверцу. Осветилась панель управления. Игорь набрал на пульте маршрут. Ого! До поселка коттеджей было полторы тысячи километров. Это около часа полета.

Авиетка взлетела вертикально вверх и, сделав круг над освещенным домом, рванулась вслед скатившемуся за горизонт солнцу.

Дверь коттеджа Гела оказалась открытой, но дом был пуст. В стене-экране виднелся все тот же зал, но теперь он был превращен в банкетный. Слышалась приятная и негромкая ритмичная музыка. Нарядно одетые и счастливые люди сидели за столиками или танцевали, разговаривали, разбившись на группы. Игорь распахнул окно коттеджа и тут заметил на столе лист бумаги. Это предназначалось ему.

«Игорь, — писала Найя. — Куда ты пропал? Неужели ты обиделся на нас? Мы ждем тебя. Система телепортации включена. Смелее шагай в экран. Ждем».

Игорь сложил лист, сунул его в карман и уже довольно спокойно шагнул в экран. Передвигаясь вдоль столиков, он увидел и своих друзей. И они его заметили.

— Игорь! Игорь!

— Твое место ждет тебя уже два часа!

Игорь подошел к столику и сразу же попал в объятия Гела. О! Тот мог превратить Игоря в лепешку.

— Оставить в живых, — взмолился капитан.

— Оставить в живых! — приказала Найя.

Игоря усадили в кресло.

— Где ты был? — спросила Найя. — Я беспокоилась за тебя. Где?

— В зале вашего института и еще в разных местах.

— Ну и как? — задал вопрос Гел.

— В общем, неплохо. Только я ничего не понял. Что же это за праздник Счастья?

— Сейчас объясню, — сказал Гел: — Ты заметил, сколько здесь похожих друг на друга людей?

— Действительно, — ответил Игорь. — Я заметил это еще днем.

— Так вот. Это близнецы. Они во всем похожи друг на друга. Кроме одного. Заметь себе. Во всем, кроме одного. В привычках, в мировоззрении, в интеллектуальном развитии, не говоря уже о внешнем сходстве. Во всех слабостях и достоинствах.

Игорь кивнул и спокойно принялся за еду. Ведь он не ел целый день.

— Слушай. Все они родились сегодня.

Игорь снова машинально кивнул. Но тут до него дошел смысл сказанного, и непроглоченный кусок стал поперек горла.

Все рассмеялись, а Гел стукнул Игоря кулаком по спине.

— Значит... значит, вы научились делать копии?

— Это не копии, потому что их нельзя отличить от оригинала, — сказала Найя.

— Интересно... Но в чем же смысл?

— Представь себе, — продолжал Гел, который никогда не отличался особым красноречием. Что с ним сегодня? — Представь себе, что тебя любит, например, Найя.

— Меня? — Игорь снова поперхнулся и покраснел. А Найя с досадой отвернулась. Капитан начинал чувствовать себя неуютно. Что ж... Найя была приятна ему.

Но зачем об этом говорить вслух? Ведь любит-то ее сам Гел! Это Игорь знал наверняка.

— Я говорю: предположим, — сказал Гел.

— Ну хорошо. Предположим.

— А ты ее нет. Так ведь?

Игорь посмотрел Гелу в глаза. Лицо того было непроницаемо. Не поймешь, шутит он или говорит серьезно.

но. Найя мельком взглянула на Игоря, и что-то грустное показалось ему в этом взгляде.

— Предположим, — с неохотой согласился Игорь. Есть ему вдруг расхотелось.

— Она любит тебя так, что это на всю жизнь. А ты — нет. Что ей делать?

— Не знаю. А что делают другие? Наверное, это проходит или человек просто забывает... Привыкает... Находится кто-нибудь другой.

— А если нет?

— Не знаю. — Игорь растерянно замолчал. То, что сказал Гел, было настолько известным и обычным, встречающимся миллионы и миллиарды раз, что, казалось, тут и говорить не о чем.

— А что, если создать его близнеца? Абсолютно тождественного. С одним-единственным изменением. Этот новый человек будет любить Найю. Ведь первого-то нельзя заставить, потому что каждый человек свободен в своих чувствах.

— Так это и есть всеобщее счастье?

— Да, — ответил Гел.

Что-то в его словах Игорю не понравилось.

— Я понимаю. Это слишком неожиданно для тебя, — сказал Гел.

— Все хорошо. Но только почему вы не слишком веселы?

— Мы же устали, Игорь, — сказала Найя. У нее действительно был очень усталый вид. — Ведь у нас сегодня такой суматошный день!

— Да, да. Естественно. Я просто влез к вам со своими земными мерками... Я, наверное, не прав. Я еще слишком плохо знаю Селгу. Это неожиданно для меня. Одним махом вы решили такую сложную проблему.

— Не мы, — усмехнулся Гел. — Эта идея родилась неизвестно где и как. Рассматривал ее Высший Научный Совет. Подавляющее большинство высказалось за... А мы лишь рядовые исполнители.

— Значит, некоторые все же были против?

— Конечно, были...

— Ну а каковы результаты сегодняшнего дня? Все счастливы?

— Все, — ответила Найя. — Но исключения возможны.

— Ты только посмотри вокруг, — попросил Гел. — Покажи мне здесь хоть одного, кто бы не был счастлив.

Игорь впервые как следует огляделся... Глаза людей были красноречивее всяких утверждений. Да, эти люди были счастливы. Счастливы и не скрывали этого.

Было далеко за полночь, когда начали расходиться. Уходили через те же колонны. Игорь усмехнулся. Теперь-то уж он немного разбирался в этих кнопках. Достаточно, чтобы не попадать в чужие комнаты.

— Давайте побродим перед сном по парку, — предложил Гел. И вся компания, которую Игорь знал еще плохо, согласилась.

Парк лишь кое-где освещался шаровыми светильниками, так что тропинки и дорожки были едва заметны. Игорь сел на траву, обхватив колени руками, и прислонился спиной к дереву. Рядом примостилась Найя, положив голову ему на плечо. На Селге так было принято. Гел лежал перед ними, уткнувшись лицом в траву. Остальные расположились вокруг, как кому удобнее. Несколько минут все молчали.

Воздух был напоен ароматом трав и цветов. Пахло корой и смолой деревьев. Эти запахи, шорохи, звуки будили в Игоре какие-то смутные чувства... Конечно, он чужой, чужой. Он никогда не сможет понять Селгу. Там, на Земле, все иначе. Там он — частичка самой планеты с ее людьми и проблемами. Почему это пришло ему в голову только сейчас? Может быть, проблемы землян только количественно отличаются от проблем Селги, которые они решили уже давно? Или их образ мышления покоится совсем на других принципах. Ведь Игорь думает, мыслит совсем не так, как Гел. А сам Гел? Смог

бы он принять цивилизацию Земли? Понимают ли они его?

Яркие звезды кое-где просвечивали сквозь кроны развесистых деревьев. Тихо, ласково и грустно. Но все это было не его...

— А вы сами? — спросил вдруг Игорь. — У кого-нибудь из вас тоже должен появиться близнец?

— Конечно, — спокойно ответила Найя. — Будет вторая Найя. Доктор Сарапул — мой ливанна.

Как спокойно она это сказала.

«А Гел?» — чуть было не спросил Игорь, но вовремя сдержался.

— Что такое ливанна?

— Ливанна — это человек, которому нужна твоя любовь.

— И тебе не жалко ту, вторую Найю?

— Нет. Она же будет счастлива.

— Рядом с этим гениальным лысым стариком?

— Игорь, — сказал Гел. — Вряд ли ты сможешь понять все сразу.

Капитан кивнул и замолчал. Гел был прав.

Все стали расходиться. Вот уже и Гел вопросительно смотрит на Найю. А та молчит, словно не замечает его. И Гел ушел, тяжело ступая по траве.

— Игорь...

Найя чуть отодвинулась.

— Что с тобой, Найя?

— Ты не любишь меня. — Она не спрашивала. Она сказала это утвердительно, чтобы ему было легче ответить: «Да, не люблю». Все равно он не мог этого сказать.

— Не знаю! Я не знаю, Найя! — Это была полуложь, потому что можно было ответить только «да» или «нет».

— А я знаю. Нет. — И она поцеловала его. В это мгновение он почти ненавидел ее, потому что в его душе начала рождаться нежность к девушке, а он не хотел этого. Он не мог справиться с этим чувством. Уходи

же! Она не давала ему говорить. Она понимала его лучше, чем он сам.

— Не мучайся, тебе не придется решать. Я все беру на себя.

Капитан уснул в коттедже Гела, а когда проснулся, уже наступил день. Нужно было побывать на космодроме, проверить график выполнения погрузки. Теперь это на Селге делалось так просто! А скоро будет и на Земле. Ведь «Громовержец» повезет в своем трюме аппаратуру бытовой транспортной телепортации. Игорь выяснил: стартовать можно следующим утром. Хорошо! Значит, на обратном пути не придется выжимать максимальную скорость.

Игоря неудержимо влекло во вчерашнюю толпу. Он набрал номер зала и шагнул в экран. Тысячи людей кружились в медленном замысловатом хороводе. Институт продолжал создавать счастливых.

«Что делать? Значит, Найя — моя ливанна? Но ведь я не люблю ее. — Игорь пытался думать отвлеченно, как будто не о себе. — Как оставить здесь своего двойника? Неужели он действительно будет счастлив?» — Ничего он не мог придумать. Ничего.

«Это не ты, это он!» Так, кажется, кричала Айра. Что со мной будет? Досадное исключение? Издержки производства? Необходимость?

Они готовились к этому много лет. Почти мгновенное удвоение числа жителей. Полтора миллиарда новых коттеджей. Для всех нужна работа. А где гарантия, что эта лавина не начнет увеличиваться? Ведь здесь не станешь проводить эксперименты на собаках? Нельзя подвергать этому и сто или тысячу человек. Только все сразу. Все желающие. Нет, это слишком грандиозно и страшно. Страшно для него. А для них нет, потому что они подготовились к этому. Тогда почему Айра?..»

Через головы окружавших его людей он увидел стол, у которого его вчера допрашивал вежливый старичок. Игорь протиснулся к нему и сказал:

— Меня зовут Игорь. Капитан «Громовержца» с Земли. Вчера вы заполняли мою анкету. Помните?

Старичок заиграл на клавишах пульта, и из узкой щели стола выскочил лист. Старичок протянул его Игорю.

— Записать вас для производства двойника?

Он так и сказал: «для производства».

— Пока нет. Ведь я имею право встретиться с ней, прежде чем...

— Имеетё, — не дослушав вопроса до конца, ответил старичок. — Но заявка не мешает. Ведь вы уже все равно не откажетесь?

— Я бы хотел знать, где находится справочная машина, — сказал Игорь, уклоняясь от ответа.

— Странно. Но как хотите, — проворчал старичок и показал рукой влево.

Игорь отошел за колонну и развернул лист.

Неужели он еще надеялся на что-то другое? С листа живыми, смеющимися глазами на него смотрела Найя. Гулко и резко заколотилось сердце. Найя, Найя... Это, наверное, было возможным. Игорь скомкал лист. Всеобщее счастье! Оптом и в розницу! Легко и непринужденно! Только захоти!

Какая-то девчонка задела его плечом, засмеялась и исчезла в толпе. Игорь расстегнул воротничок рубашки. Жарко. Расправил ладонью лист. На бумаге появились морщинки и мелкие трещинки. Взгляд Найи потух. На оборотной стороне листа был текст. Все, как в магазине. Возраст, рост, вес. Основные черты характера. Место работы, домашний адрес. Увлечения... Да-а-а... Куда уж тут маленькой кустарной любви тягаться с этим великолепно отлаженным механизмом производства счастья! Если он захочет, будет три Найи. Одна для доктора Сарапула, другая для Гела и третья для него самого.

Ну и что же? Она ему просто нравится. Она очень красива. Он любит ее? Нет. Ведь он сам-то знал бы об

этом?! Вот он и знает теперь. Он любит ее! Если он захочет... Нет!

— Вам плохо? — Перед Игорем стоял голубой человек и застенчиво, но участливо улыбался.

— Нет. Ничего. — Игорь сложил лист и пошел в сторону, затем внезапно обернулся. Человек все еще улыбался. — А вам? Вам хорошо?

— Конечно. Вчера и сегодня всем хорошо.

«А Айра?!» — чуть ли не крикнул он вслух, но только сказал:

— Значит, позавчера было плохо?

Человек растерялся:

— Но ведь теперь все будут счастливы.

— Еще бы! — Сунув лист в карман, Игорь натянуто улыбнулся и зашагал прочь.

Он подошел к автомату и выпил стакан холодной воды. Захотелось еще. Но и второй стакан не принес облегчения. Во рту было сухо. Его вдруг потянуло броситься в море. И чтобы ветер срывал мокрую пену с волн. Плыть, вкладывая во взмахи всю силу рук. Дальше в море, лишь бы плыть. Ощутить, как устают руки, как в голову закрадывается липкий страх перед бездной и как мозг лихорадочно ищет спасения. Как возникает злость, желание выплыть. Как снова вливаются силы в уже ослабевшие руки. И все поет, и мечется, и орет, и низвергается в бездну. Но это уже не страх. Это уже радость, злая, выстраданная, чуть не погибшая, но победившая... А потом упасть на мокрый песок. И пусть шупальца волн пытаются стянуть его в пучину.

Очнувшись, он увидел перед собой отполированную сотнями тысяч пальцев панель справочной машины.

Что он имел в виду, когда спрашивал у старика, где находится эта машина? Найя? Гел? Айра? Узнать, где она живет. Увидеть. Здесь всем хорошо. Только ей и ему плохо. Почему ей плохо?

Игорь подошел к панели пульта и задал вопрос:

— Айра!

Сигнальные огни машины замигали.

— Почему ей плохо? — И тут же сообразил, что машина не может ответить на такой вопрос.

— Где она живет или работает?

Машина требовала дополнительной информации. Игорь вспомнил:

— Ее друга, а может быть, и мужа зовут Сэтом. Вчера у Сэта появился близнец. У нее, у Айры, лицо, как у египетской царицы Нефертити. (Откуда машина могла знать, какое лицо было у царицы Нефертити?) Больше ничего.

Машина молчала больше минуты. И Игорь уже отчаялся получить ответ, но машина все-таки ответила. Из щели в подставленную ладонь выпала небольшая карточка.

Это была она. Айра. Серьезная, с чуть удивленным выражением лица. На оборотной стороне адрес и место работы. Игорь, не раздумывая, направился к ближайшей колонне и через несколько секунд уже стоял в вестибюле института Статистики. Айра работала здесь.

Потом он увидел ее. Она вышла ему навстречу легкой изящной походкой, спокойная и уверенная. У Игоря что-то оборвалось в душе. Словно исчезла последняя надежда, словно его обманули. Обманули просто и мимоходом... Он даже не поздоровался.

— Это действительно прошло?

— Что — это? — Все-таки она не улыбнулась обаятельной в начале любой встречи улыбкой.

— То, что произошло с тобой вчера в зале института Счастья.

— Ты спрашиваешь так, словно имеешь на это право. А ведь я даже не знаю тебя. Зачем тебе?

— Я хочу знать, прошло это или нет. Разве ты не помнишь? «Что теперь будет со мной?!» Ты вырывалась из рук Сэта. Ты хотела от него уйти, потому что... Почему?

Они шли по широкому коридору-аллее. Прохладный

ветерок шевелил легкое платье Айры. Искусственный свет был теплым и ласковым. Айра остановилась, протянула к себе ветку молодого деревца и сорвала прозрачный трепещущий листок.

— Это прошло. Я даже не могу представить, как все со мной произошло. Бедный Сэт. Он прожил ужасный день. И я не знаю, почему это со мной произошло. Наверное, было нечто вроде нервного шока. — Айра улыбнулась ему такой радостной улыбкой, что он понял — эта улыбка предназначалась Сэту. Сэт сейчас был рядом с ней. Он всегда будет рядом с ней, потому что она так хочет.

Ну вот и все. Можно уходить. Можно не сомневаться — она счастлива. Нервный шок прошел. Проблема любви решена.

Игорь медленно вышел на улицу. Пешеходы встречались редко, это были просто гуляющие люди. Для деловых перемещений теперь пользовались телепортацией.

В душе наступило какое-то опустошение. Он не понял, не принял того, что поняли и приняли люди Селги. Пусть он не прав. Но один... Неужели его образ мышления, боящийся нового, непонятного, не позволяет ему принять что-то очень простое? Или эта приманка всеобщего счастья действует безотказно? Да полно! Никакая это не приманка! Каждый получил что хотел.

Бесцельно бродил он по улицам города, машинально стараясь держаться в тени. Странно, как опустели улицы. К этому тоже, наверное, надо привыкнуть.

Он зашел в кабину телепортирования. С друзьями все-таки нужно проститься. Ведь это его друзья. Он их не предал. Он их просто не понял.

И Игорь нажал кнопки.

В коттедже Гела было шумно и оживленно. Кроме вчерашней компании, здесь было много людей, которых он видел впервые.

Он поднял руки, приветствуя всех. Незнакомая девушка шепнула ему на ухо:

— Здесь помолвка. Понимаешь, как это интересно!

— Кто? — спросил Игорь.

— Гел и Найя.

Впрочем, он мог и не спрашивать, стоило только взглянуть на Гела. Все было написано у него на лице. А Найя? Увидев Игоря, она вскочила с кресла и поспешно подошла к нему.

— Игорь...

— Я уже все знаю, Найя. Поздравляю! Так будет лучше?

— Так будет лучше.

Подошел Гел и стиснул капитана в своих могучих руках.

— Где тебя носит? Все выискиваешь истину? Ну и как? Нашел?

— Нашел, но по-прежнему...

Гел понимающе улыбнулся:

— Это очень трудно. Мы все-таки разные.

Игоря усадили в кресло.

— Хочешь вина?

Игорь отказался.

— А как с доктором Сарапулом?

— Ты его увидишь. Он обещал быть с Найей.

— Как! — Игорь вскочил с кресла. — Уже?

Найя кивнула и рассмеялась:

— У тебя такой испуганный вид.

— Все это было как-то вообще. А теперь с вами... с тобой. Как же вы будете работать, встречаться?

— Та Найя остается здесь, а мы с Гелом улетаем на Агриколь. Там филиал нашего института. Рук и голов всегда не хватает. Да и работы много. Ведь счастье не в одной любви. Многое нужно для счастья. И каждому — свое.

Вот сейчас Игорь был с нею согласен.

— Понятно... А как идут дела вообще? На всей

Селге? Все, как и предполагалось? Аномалий по-прежнему нет? Вчера я еще сомневался. А сегодня уже нет.

Найя промолчала. Гел, сосредоточенно глядя на свои кулаки, сказал:

— Все это очень сложно. И всего не предусмотрить. Появились непредвиденные исходы. Даже не то чтобы непредвиденные... Просто процент их оказался выше, чем предполагалось.

— И какой же?

— Около пяти.

— Значит, проблема не решена.

— Нет. Но мы и не надеялись решить ее сразу. Вряд ли это возможно вообще.

— Что же делать с теми, у которых не получилось?

— Не знаю. Но есть уже кое-какие мысли. Да и они сами...

— Что они сами?

— Сегодня был случай, — сказала Найя. — Одна молодая женщина попросила, чтобы мы сделали ее близнеца для ее же мужа. И чтобы он этого не знал. Она его больше не любит. Вчера у мужа тоже появился близнец, и с ней, с этой женщиной, произошло...

— Ее имя?

— Я не знаю. Не помню. Но могу узнать. Для тебя. Хотя это тайна.

Найя вышла из комнаты.

Значит, все-таки он не один. Но это не принесло облегчения. Напротив. Ему стало очень грустно.

В это время из экрана появился доктор Сарапул и... Найя. Ни за что на свете Игорь не отличил бы ее от той, которая только что вышла из комнаты. Правда, на ней было другое платье. И еще... она была с этим ученым стариком.

Игорь встал.

— Игорь! Как я тебя хотела увидеть! — Она даже обняла капитана. — Ты ведь знаком с моим Реем?

Она сказала: «с моим Реем», а не «с доктором Сарапулом».

— Да, немного.

— А-а-а! Это тот молодой человек, который без разрешения входит в экран. — Доктор весело расхохотался густым басом. И вообще он показался Игорю очень симпатичным человеком. — Как вам у нас нравятся?

— Очень нравится. — Игорь улыбнулся.

В комнату вошла первая Найя. Они обе кивнули друг другу как ни в чем не бывало. Для Игоря это было уже слишком.

— Прощайте! Мне нужно на космодром. И не надо слов и речей. Прощайте же! — Он не оглядываясь направился к выходу.

— Я узнала ее имя, Игорь, — сказала Найя, когда он поравнялся с ней.

— Не нужно. Ничего не нужно. — Он чуть тронул ее за руку. — А ты та самая Найя? — И, не дождав-шись ответа, выскочил из домика. Вышла на крыльцо и Найя.

— Да, та самая.

— Это теперь невозможно доказать.

— Возможно. Ведь я все еще немножечко люблю тебя... Прощай!

— Прощай! — Игорь бросился к авиетке.

— Ее звали Айра! — успела крикнуть Найя. — Айра!

Авиетка свечой взвилась вверх.

На космодроме было многолюдно. Игорь подошел к диспетчеру, чтобы узнать, когда ему можно будет стартовать. Тот ответил, что в пять утра. Игорь вышел на

крышу здания и опустился в шезлонг. Спать не хотелось.

«Айра! Ее звали Айра!» Это дошло до него только сейчас. Не может быть! Неужели это она? Где она сейчас? Значит, там, в институте Статистики, он видел уже не ее. Найти! Нет, поздно. Да и зачем?

Незнакомый калейдоскоп звезд висел над головой. У этих звезд тоже были названия. И, наверное, красивые... Айра. Как переводится это имя? Нет, искать ее сейчас просто бесполезно. К Сэту она не возвратится. Где же она может быть?

Игорь не выдержал и вскочил. Бегом спустился на второй этаж, где стояла справочная косм вокзала. На ходу вытаскивая фотографию Айры из кармана, он подбежал к машине, сунул карточку в приемную щель и спросил, еле выговаривая слова от волнения:

— Ее зовут Айра. Сегодня... она не стартовала на каком-нибудь корабле с этого космодрома?

— Нет, — ответила машина, и Игорь облегченно вздохнул.

— Она есть в списках пассажиров?

— Да. Корабль «Фреантина». Старт в два часа одиннадцать минут.

Оставалось полтора часа.

На просьбу явиться к справочной, объявленной по местному вещанию, Айра не пришла. Он нашел ее на крыше косм вокзала метрах в ста от того места, где недавно сидел сам.

— Айра, — тихо позвал капитан.

Она не ответила, не открыла глаз, не вздрогнула. Это ее не касалось.

— Айра, — он дотронулся до ее плеча. — Я ищу тебя второй день. Я все знаю. Кроме одного. Можно мне спросить у тебя?

Она позволила одним движением век.

— Почему тебе было плохо там, в зале?

Айра перестала раскачиваться в кресле-качалке. В ее больших глазах было столько страдания и терпения, что на миг он пожалел, что задал этот вопрос.

— Откуда ты знаешь?

— Я был там. Я все видел. И тебя и Сэта. Обоих Сэтов. Я был сегодня у тебя и говорил с той, второй Айрой. А потом случайно узнал, что это была не ты. Так почему?

Айра долго молчала, а Игорь не задавал больше вопросов. Наконец Айра заговорила:

— Я не люблю его... И поняла я это там, в зале... Слишком поздно. Но если бы он был один, я, наверное, этого никогда не узнала бы... А что говорит Айра, которая осталась?

— О! Она будет любить своего Сэта вечно!

— Да, они научились это делать.

— Но для чего? Ведь проблема любви все равно не решена. И разве можно ее решить с помощью науки, техники, близнецов или каких-нибудь таблеток? Каждый должен сам решать ее и по-своему.

— У них этого никто не отнял. Они решают одну проблему за другой. Когда-нибудь должна была прийти и очередь любви. Вот она и пришла.

— Почему ты говоришь: у них?

— Потому что «Фреантина» стартует менее чем через час.

— Но ведь эксперимент не совсем удачен.

— Я занималась статистикой и поэтому знаю, чего они сумели добиться в эти два дня. О! Селга когда-нибудь станет счастливейшей из планет. И уже скоро.

— Тогда почему ты ее покидаешь?

— Я не люблю Сэта, и мне кажется, что здесь я все время буду попадать в исключения. А их будет все меньше и меньше.

Наконец-то Игорь понял все. И себя, и Айру, и Найю, и Гела, всех их. Кажется, Шекспир сказал, что любовь — всегда исключение. Появилось два Сэта, и

Айра поняла, что она уже не любит своего Сэта. Не стало исключения. Теперь Сэтов, абсолютно одинаковых, может быть и пять, и десять, и сто. Одинаковых в мыслях, в поступках, в чувствах, в чертах лица. Какое уж тут исключение! Нет исключения — нет любви. Потому Айра и бежит с Селги. И Сибилла, маленькая голубая девчонка с чудным низким голосом, тоже не выдержала бы, если бы ее Данов стало два. Когда она говорила о празднике Счастья, в ее лице было что-то чуть-чуть испуганное. И ее песня... Нет, она любит Дана, пока он такой, какой есть, пока он один, пока он составляет для нее исключение.

Ну а другие? Найя, Гел? Наверное, они находят исключение в чем-то другом, чего Игорь так и не понял. Они другие. Не похожие на него, Айру и Сибиллу. Они будут счастливы и на Селге.

— Но почему ты хотел узнать, что произошло со мной? Этого у меня никто не спрашивал. Даже Сэт. Меня только успокаивали и убеждали, что это пройдет. А это не прошло.

— Не знаю, — сказал капитан. — Я еще не знаю... Но если ты когда-нибудь попадешь на Землю, спроси там Игоря, капитана «Громовержца».

— Хорошо. Я обязательно спрошу.

Диктор объявил посадку на «Фреантину».

— До свидания, Игорь.

— До свидания, Айра.

А утром, едва забрезжил рассвет, Игорь стартовал на своем «Громовержце». Груз в трюме был надежно упакован. Система телепортации — это хорошо. Улицы на Земле все равно не опустеют. Но систему, что разработана в институте Счастья Селги, он не возьмет на борт своего корабля никогда. Пусть это делают другие, если им нужно.

«Громовержец» шел ровно.

УЛЫБКА

1

Началось все с простой шутки. Мне до смерти надоели глубокомысленные нравоучения филателистов и нумизматов о большой познавательной ценности марок и монет, о том, что, к примеру, нумизматика расширяет кругозор человека. Когда я ближе познакомился с этими все-таки по-своему интересными людьми, то узнал, что их волнует только приобретение какой-нибудь редчайшей марки или монеты. А все остальное является лишь длинной прелюдией к этому. Позже я узнал, что есть люди, коллекционирующие спичечные коробки, давно вышедшие из пользования, и, жалея их бесполезный труд, повинувшись какому-то внутреннему порыву или просто из чувства противоречия, заявил, что буду коллекционировать улыбки.

Это вызвало безобидные, хотя и продолжительные насмешки окружающих. Постепенно друзья и знакомые забыли об этой моей нелепой выходке. Забыл и я.

Прошло несколько лет, и однажды, это было на выпускном балу в политехническом институте, я увидел Энн... Увидел совершенно другими глазами, хотя знал ее уже лет десять. Ее болезненно нервное выражение черных глаз, хрупкую мальчишескую фигуру, так и не развившуюся в фигуру девушки.

— Сашка, — сказала она, как всегда, просто, — хочешь, я тебе что-то подарю?

— Хочу, — ответил я глупо и беззаботно, словно мне предлагали пряник.

— Хочешь, я подарю тебе улыбку?

— Что? — Я даже рассмеялся идиотским смехом ничего не понимающего человека. — Улыбку?

— Улыбку, — сказала она, и я прозрел. — Ведь ты собирался коллекционировать улыбки... Забыл?

— Забыл, — ответил я, отчетливо вспоминая тот день. — Разве это возможно? Ты шутишь? — Последняя фраза прозвучала гораздо тише, чем первая.

— Сашка, Сашка, ты...

Она не договорила, но я понял, что она хотела сказать.

— Нет, Энн, нет! Я не слеп. Я все вижу.

— Так ли это? — И она улыбнулась.

Я запомнил эту улыбку, радостную и горькую, счастливую и безнадежную, все понимающую и недоумевающую.

— Я тоже люблю тебя, Энн! — крикнул я на весь зал.

Музыка замерла на неопределенной ноте, движение остановилось, мы были центром безмолвной вселенной.

— Почему — тоже? — спросила Энн. — Я просто хотела подарить тебе улыбку. — И она засмеялась.

Никто не обратил на нас внимания, разве что Андрей. Но ему лучше было этого не делать. Ведь это он любил Энн. Зал усердно и с чувством отплясывал лагетту.

— Пусть твое сердце останется чистым, — сказала она.

Я ссутулился, повернулся и вышел из веселящегося зала, не имея сил оглянуться. Я понял, что она меня любит, но не хочет показать этого, разрываясь от противоречивых чувств: «хочу» и «все бесполезно».

Меня направили работать в Усть-Манский НИИ Времени.

Через полгода я узнал, что Энн умерла. Она начала умирать, когда ей было десять лет, но сумела дожить до двадцати, ни разу не обеспокоив родных и друзей ни слезами, ни хмурым настроением.

Ее улыбка осталась в моей душе навсегда.

Чуть позже я заметил, что могу вызывать улыбку Энн на лицах своих знакомых или просто прохожих, стоит только захотеть. Но я делал это редко, потому что у Энн была очень горькая улыбка.

А потом я встретил Ольгу, и она стала моей женой. Здесь тоже все началось с улыбки.

Это была вторая улыбка, которую я не мог забыть. С удивлением я заметил, что все улыбаются мне улыбкой Ольги. Улыбкой радостной, сильной, уверенной в себе и других, ободряющей и удивительно красивой.

На улицах нашего города, в тайге, в зарослях тальника около реки — везде я видел эту гордую, открытую, зовущую и... чуть настороженную улыбку. Настояренность эта была едва заметной и адресовалась только мне, потому что она еще ничего не знала о моих чувствах.

Что-то неосвязаемо-необыкновенное и волнующее было в Ольгиной улыбке, неизвестное, непонятное другим, потому что нельзя увидеть улыбку, нельзя ее услышать, ее можно только ощутить, почувствовать. И как часто мы ошибаемся, когда мимолетное движение губ и изгиб едва заметных морщинок возле глаз принимаем за улыбку.

Часто в лаборатории или просто на улице, стараясь вспомнить Ольгу, я тем самым вызывал ее улыбку на губах какой-нибудь проходящей мимо девушки, которая невольно останавливалась изумленная, не понимая, почему и кому она улыбнулась. Иногда в таких случаях меня осторожно спрашивали:

— Что с вами?

Хотя, как мне кажется, это я должен был спрашивать.

— Я коллекционирую улыбки, — ответил я однажды первое, что пришло в голову.

— Чудак, — сказали мне, и я согласился.

Постепенно я научился улавливать в улыбке Ольги различные оттенки, грани между которыми были столь неуловимы, что, пытаясь найти их, я вначале не мог отличить улыбки радостного ожидания от улыбки ожи-

дания радости, улыбки физической боли от улыбки душевного страдания. Оказывается, бывают и такие улыбки.

Для того чтобы запомнить улыбки Ольги, мне не нужно было тренировать память, я просто все больше и больше понимал Ольгу в ее сложности и простоте, во всей ее гармоничности и дисгармонии, горе и радости, во всех вспышках мимолетной раздражительности и нежности, в песнях и слезах.

И когда она сказала «люблю», я на одно мгновение вообразил, что знаю все ее улыбки, и тут же был раздавлен, ослеплен, вознесен на небо, опущен на землю и прощен... Это был урок.

И все же я знал тысячи ее улыбок.

Когда она приходила с работы, расстроенная и разбитая беззлобными, но обидными проделками школьников, или плакала над порезанным пальцем, отпихивая от себя корзину с овощами, я мысленно представлял себе ее улыбки, и какая-нибудь из них тотчас же находила свое необходимое, единственное место в ее душе, и Ольга улыбалась.

Улыбалась и плакала. Плакала и смеялась. Ей уже не было больно. Потом она говорила не то вопросительно, не то утвердительно:

— Сашка, ты колдун?..

— Нет, — говорил я. — Это ты колдунья.

— Значит, мы оба колдуны, — заключала она.

Способность вызывать улыбки, которые я запомнил, сначала удивляла моих друзей и знакомых. Потом к этому привыкли. Я же не мог объяснить этого свойства, у меня это как-то само собой получалось, безо всякого усилия с моей стороны. Мне всегда казалось, что этим свойством должны обладать все люди.

В моей коллекции улыбок, кроме Ольгиных, были и улыбки друзей. Отрешенно-сосредоточенные улыбки Андрея — худого, высокого, нескладного, когда он играл органные фуги и прелюдии. Его удивительные улыбки

ки, всегда разные, — как всегда разной была его манера исполнения, — слитые с потоком звуков, то резко взрывающихся, расходящихся, то сходящихся в глубокий таинственный омут, вызывали в слушателях переживания, о которых бесполезно говорить вслух, потому что даже самые точные из возможных выражений неизбежно разрушали совершенство улыбки и музыки.

Однажды я не выдержал и сказал ему:

— Андрей, в твоей музыке я чувствую самое необыкновенное, что только могу себе представить, — многомерность пространства и времени. Я успеваю прожить, пока ты играешь, несколько непохожих одна на другую жизней. Что это?

Он пожал плечами (разве можно это объяснить) и сказал:

— Я просто вижу улыбку Эни.

3

Андрей не был профессиональным музыкантом. Мы работали в одном исследовательском институте, только на разных машинах. Машинах времени. Кто-то, еще до нас, назвал их мустангами. И мы никогда не называли их иначе.

Почти каждый день мы посылали своих мустангов в прошлое, наблюдая, только наблюдая, ни во что не вмешиваясь, скрупулезно изучая факты, отсеивая ненужное, второстепенное, мучаясь сознанием собственного несовершенства, когда вдруг второстепенное оказывалось главным и наоборот. До бессонницы и хрипоты спорили мы, пытаясь осознать, что дал нам и человечеству вообще тот или иной отрезок прошлого, который мы изучали.

Что дало нам прошлое? Куда оно нас привело?

Будущее и прошлое не существуют отдельно друг от друга. Они завязаны *настоящим* в один тугой узелок. В этом узелке все противоречия и ошибки прошлого,

все желания и мечты о будущем, вся радость и горе предыдущих тысячелетий, в нем все будущее и все прошлое.

Все будущее, потому что оно зависит от настоящего. Все прошлое, потому что от него зависит настоящее. А миг настоящего так краток!

Человечество часто делает ошибки, которые мгновенно оказываются в прошлом, уже недоступном для людей. Ошибку уже не исправить. Можно только уменьшить зло ее последствий. Но для этого приходится тратить слишком много сил, а иногда и человеческих жизней.

Мы хотели изменять прошлое, но пока только изучали его.

Афанасий Навагин, который коллекционировал хрипы, все время носился с идеей отправки Спартаку хотя бы двух пулеметов. На него не обращали внимания, так как возможные последствия этого разбирались еще на первом курсе института.

Навагин часто посещал клиники и больницы, и потом, как всегда неожиданно, кто-нибудь из нас в лаборатории вдруг начинал хрипеть. У Афанасия тоже была способность воспроизводить... воспроизводить хрипы. И когда испуганный инженер или лаборантка, придя в себя, жалобно озирались, Навагин громко хохотал, произнося всегда одну и ту же фразу:

— У всех есть способности...

— У одних улыбаться, у других делать гадости, — заключал кто-нибудь.

Но Афанасий был непробиваем, ведь у него была «способность».

Однажды я подумал, что, не будь у него этой способности воспроизводить в окружающих хрипы, никто бы не знал, что он за человек. Инженер он был толковый и не раз получал почетные грамоты за хорошую работу.

Я давно заметил, что он не умеет улыбаться. Правда, он довольно часто красиво изгибал губы и шурил глаза, но я не хотел называть это улыбкой. Так улыбается разрисованный под клоуна мяч, когда на него наступают ногой.

Однажды я сказал Игорю, начальнику нашей лаборатории, что Афанасий может что-нибудь натворить в прошлом. Я почему-то был уверен в этом.

— Ерунда, — ответил Игорь. — Он трус, не посмеет. Да и потом блокировка.

Блокировка меня немного успокоила.

Игорь был из того рода людей, для которых работа является целью и смыслом жизни. И только однажды он позволил себе отвлечься. На полной научной основе, с приборами, протоколами и выводами он исследовал мою способность вызывать у людей улыбки, которые я хранил в своей коллекции.

Афанасий две недели скрипел, угрожая написать докладную директору института, что оборудование лаборатории используется не по назначению, но на него просто не обращали внимания. И тогда он сказал:

— Ненавижу улыбку! — И ушел раньше времени с работы, хлопнув дверью. Мы же все минут пять хрипели, чувствуя голод, боль, бессилие и приближающуюся смерть.

Игорь довел дело до конца, но, потому что дело не касалось его основной работы, результаты отправил не в Академию наук, а в какой-то научно-популярный журнал, откуда вскоре приехали корреспонденты, и я на несколько дней стал чем-то вроде трехголового ребенка.

Игорь в этой канители отказался принимать какое-либо участие, и я мотался с корреспондентами один.

О моих способностях вызывать у людей улыбки, которые были в моей коллекции, появилось несколько статей в популярных журналах. Посыпались отклики и реплики. Способность моя была признана шарлатан-

ством. Меня это не особенно задело, и я даже вздохнул свободнее, когда меня оставили в покое.

А месяцев через пять почти во всех городах и почти одновременно начали открывать киоски улыбок. Выяснилось, что способность вызывать и коллекционировать улыбки проявляется у каждого человека, конечно, в большей или меньшей степени. Ничего сверхъестественного в этом не оказалось. А мы это знали уже давно. Ну, если и не знали, то чувствовали, что так и должно быть.

Афанасий Навагин к этому времени раньше отчетного срока закончил исследование отведенного ему отрезка времени, написал правильный и эрудированный отчет с цитатами из классиков и получил благодарность от дирекции института. Полдня с победным видом ходил он по лаборатории, делая замечания и читая нравоучения, а потом на несколько дней исчез. Никто не разрешал ему этот самовольный отпуск, и, когда он снова появился, а Игорь без улыбки предложил ему пройти в своей кабинет, мы решили, что будет разнос. Хоть раз в жизни Афанасий поступил не по предписанию, не по инструкции... Мы ошиблись. Разговор в кабинете начальника лаборатории длился едва ли тридцать секунд. Афанасий вышел оттуда сияющий, а Игорь вообще долго не выходил.

— Так вот, сотрудники музея восковых улыбок, — сказал Афанасий, садясь на мой стол, с такой интонацией в голосе, что я не смог послать его к черту. — Докатились.

Мы выжидательно молчали, только Любочка — наш ученый секретарь — тихо ойкнула.

— Знаете ли вы, где я был?

— В море, — натянуто сказал Анатолий Крутиков и покраснел. Он был очень робким и совсем недавно работал в нашем институте.

— Правильно. В море. Я изучал киоски улыбок. Это морг для улыбок. Докатились!

Любочка опять ойкнула. Андрей плюхнулся в кресло своего мустанга и исчез. Остальные делали вид, что все это им не очень интересно.

— Я три дня только и делал, что выбирал улыбки. Начальник, наверное, хотел мне сделать выговор за самовольный отгул. Но он очень щепетилен. Ведь я интересовался улыбками. Это выше его понимания, и он мне ничего не сделает. Так вот, я ходил по киоскам и пришел к выводу... — Он сделал многозначительную паузу, ожидая вопросов.

Мы молчали.

— Молчите? — сказал Афанасий. — Тогда слушайте. Всем вашим улыбкам пришел конец! Вы сами себя съели... Улыбки дарятся прохожим в каждом киоске. Их может «запечатлеть» в своей душе всякий. Выбор большой, но все же ограниченный. Есть улыбочки похуже, есть получше. Объявится какой-нибудь законодатель мод на улыбку, и вы все будете улыбаться одной, красивейшей, но стандартной улыбкой. И улыбка умрет. Ха-ха! Вы поняли?!

— Афанасий, ты сам до этого дошел? — спросила Любочка.

— Сам, своею собственной головой, — радостно ответил Афанасий.

— Да нет, я не об этом. Ты сам дошел до такой жизни? Или тебе кто-нибудь помогал?

Навагин на мгновение остолбенел, а потом взревел:

— Ты, Рагозина, нахалка! Вы не хотите даже спорить со мной, потому что это бесполезно.

Мы все разом согласно кивнули.

— А душа у тебя есть? — снова спросила Любочка.

— Есть! — заорал Навагин. — Все у меня есть! Как у каждого человека! Поняла?

— Афанасий, не ори, — сказал Крутиков и встал между Навагиным и Любочкой.

— Так вот. — Любочка чуть потеснила в сторону Анатолия Крутикова. — Если даже подбирать улыбку под размер, фасон и цвет обуви, и то сочетаний будет много. А представь себе, сколько состояний души может быть у человека... С улыбкой ты сделать ничего не сможешь!

— Смогу, — глухо сказал Афанасий, и мне показалось, что, если бы улыбку можно было давить, убивать, жечь, он бы, не откладывая на завтра, сейчас же принялся за эту работу.

В лабораторию вошел Игорь и тихо уселся в дальний угол.

— Улыбок для размера и цвета твоей души, наверное, нет, — сказал Анатолий.

— Бойтесь вы! Врете! Есть! — завизжал Афанасий и даже застучал ногами об пол. — Запечатлел и я в своей душе десяток-другой.

— Зря время потратил, — заметил Андрей, слезая со своего мустанга. Лицо его было бледно и непроницаемо. По тому, как он взглянул на меня, я понял, что он видел Энн, почувствовал, еще раз ощутил ее улыбку. Он всегда старел после таких поездок в прошлое. Ему нельзя было этого делать, потому что Энн умерла. Но кто бы нашел в себе силы остановить его?

— Афанасий, покажи хоть одну, — попросила техник Света. Она была еще очень молода и иногда даже защищала Навагина, когда дело касалось более материальных вещей, чем улыбка.

— Сейчас, — обрадовался Навагин и начал нелепо хлопать себя по карманам, потом опомнился, поняв, что не там ищет, позеленел под неодобрительными усмешками окружающих и тихо сказал: — Смотрите.

Это была улыбка подлеца, который готовится всадить нож в спину ничего не подозревающего человека.

Света заплакала, сквозь слезы выкрикивая: «Не надо! Не надо!» Я схватил Афанасия за горло. Он не вырывался. Улыбки трусливого злорадства всех времен и народов скользили по его лицу. Не знаю, сколько их было: десяток или сотня.

— Не может быть таких улыбок, — сказала Любочка, и Крутиков отвел ее в сторону.

— Пусти, — прохрипел Навагин, оторвав мою руку от горла, и снова стал нормальным, положительным, чуть испуганным молодым человеком. — И еще могу.

В лаборатории наступило молчание. Никому не хотелось говорить, а Афанасий, наверное, сказал все, что хотел.

Игорь вдруг резко встал и подошел к Навагину:

— Ну а простую, человеческую улыбку можешь?

— А это, что же, были не человеческие?

— Значит, не можешь?

— Могу, но я их отталкиваю, — с достоинством ответил Навагин. — Эффект отталкивания улыбок. Я открыл этот эффект! Он так и будет называться — «эффект Навагина»!

— Ошибаешься, — сказал Игорь. — Это «эффект отскакивания улыбок». Они сами от тебя отскакивают. И ты ничего не сможешь сделать с ними.

«Эффект отскакивания улыбок» — это Игорь придумал здорово. Я давно хотел найти определение, слово для обозначения патологических свойств Навагина. «Эффект отскакивания улыбок»! Все правильно. Они действительно отскакивали от него.

— Выйди, Афанасий, — спокойно сказал Андрей, хлопнув его по плечу. — Выйди. Так надо.

— Все равно вы мне ничего не сможете сделать.

— Что-нибудь придумаем, — пообещал Игорь тоном, не оставляющим сомнений.

— Ничего вы мне не сделаете! Я все по закону! Вы сами просили меня показать вам улыбки! — Он

струсил. Это было видно по его дергающимся губам и трясущимся рукам. Он уже сам жалел, что завел этот разговор. Ведь он ни у кого не нашел поддержки.

— Ну выйди же, выйди! — крикнул я, и Афанасий, оглядываясь и запинаясь, пошел к дверям.

— Сашка, — сказал Игорь, когда двери осторожно закрылись. — Что-нибудь из твоей коллекции. Пожалуйста. А то очень плохо.

Я представил себе задумчивую улыбку Андрея.

— А впрочем, не надо, — сказал Игорь, улыбаясь. — Пошли по домам.

4

По дороге домой я заглянул в один киоск улыбок и долго всматривался, ища среди сотен тысяч ту, которой улыбнулся Навагин. Я не верил, что такое могут дарить.

Но она все же была на витрине, едва заметная под охапкой детских и женских, ослепительно радостных и таинственных, счастливых и горьких человеческих улыбок.

— Зачем это? — спросил я у киоскерши.

— Это? Не все же гении, — ответила она лукаво. — А театров только в нашем городе шесть. А сколько еще самодеятельных...

— Для бездарных артистов, — сообразил я.

— Только их почему-то после спектакля сразу же сдают, — и она пожала плечами.

Значит, Навагин взял эту улыбку в другом киоске.

Наверное, у меня был хмурый вид, когда я пришел в свою квартиру на шестом этаже стандартного дома. Как я ни старался казаться веселым, Ольга все заметила, и я вынужден был рассказать про Навагина.

— Когда-нибудь в киосках будут дарить счастье, — задумчиво сказала Ольга. — Неужели и тогда еще будут люди, которые и счастье смогут превращать в горе?

Что я мог ей ответить? Возможно, и будут. Все зависит только от нас.

Я весь вечер вспоминал, роясь в самых глубоких тайниках своей коллекции, улыбки Ольги, Андрея, Игоря, Крутикова, Любочки, своего будущего сына, знакомых, случайных прохожих и дарил их Ольге. Ей становилось хорошо, и она смеялась и пела. Потом я снова вспомнил Афанасия, и Ольга заплакала. И тогда я понял, что улыбку могут убить, что ее нужно беречь, охранять, драться за нее.

5

На следующий день Афанасий Навагин появился в лаборатории как ни в чем не бывало, словно и не было вчерашнего разговора. На него целый день смотрели искоса, но он словно не замечал этого. И даже когда Светлана, сияющая и радостная, забыв закрыть за собой дверь, вбежала к нам, разбрасывая по сторонам только что подаренные ей в киоске шаловливые полудетские улыбки, Афанасий буркнул: «Недурно-с, мадам». Светка чуть не задохнулась от радости и расцеловала Любочку. Мы все знали, что она равнодушна к Навагину, как бывает равнодушен подросток к взрослому, таинственному, отличающемуся, пусть в худшую сторону, но все же отличающемуся от всех других мужчине.

— Светка, ты прелесть, — сказала Любочка, а Афанасий неуклюже плюхнулся в кресло своего мустанга и уже оттуда крикнул Игорю:

— Проверить кое-что надо. Я скоро.

Игорь махнул рукой, и Навагин исчез.

— Что с ним? — недоуменно спросил Крутиков.

— Не знаю, — ответила Светка и покраснела.

— Может, действительно очеловечится? — спросил сам у себя Игорь.

— Нет, — сказал Андрей, но его никто не слышал, кроме меня.

...Два месяца прошло в напряженной работе.

Все мы защитили научные отчеты. Один из отделов нашего института, используя эти отчеты, микрофильмы, фотографии, магнитофонные записи и частные беседы, еще целый год будет разбираться, почему ход событий в этом отрезке прошлого был направлен так, а не иначе, будет исследовать, от чего в нем зависело развитие цивилизации. Потом будет теоретически найден и обоснован оптимальный ход развития истории. Будут сделаны прогнозы о том, как бы изменилась история человечества, если бы в этом отрезке прошлого что-то произошло не так. Этой работой будут заниматься сотни людей, десятки математических машин.

Может оказаться, что человечество уже давно сумело бы стать более совершенным, прекратить войны, изжить инстинкт самосохранения или изменить его в лучшую сторону; люди могли бы научиться понимать друг друга, соизмерять свои желания с желаниями других, уважать друг друга и быть людьми в самом полном смысле этого слова.

История не раз топталась на месте и отступала вспять.

А этого могло и не быть.

Года через полтора мы прочитаем отчет о том, каким могло бы быть человечество. Могло быть... уже сейчас.

Но все это теория. Цивилизация почему-то не всегда выбирает кратчайший путь развития.

Мы не можем воздействовать на прошлое, изменять его. Нам не позволяет этого наша мораль. Можно ли исключить рождение миллионов людей для того, чтобы миллионы других стали совершеннее? Когда, с

какого столетия начать выправлять ход истории? Как в процессе ее изменения самим остаться людьми, не превратиться для других во всемогущих богов, не дать начало новой страшной религии? И еще... Предсказания будущего верны далеко не на сто процентов.

Мы накапливаем факты. Мы — чернорабочие истории человечества.

Как всегда, между концом старой и началом новой темы была некоторая передышка.

В течение года нам не всегда удавалось поговорить о некоторых моментах своей работы. Отчасти из-за того, что не хватало времени, отчасти из-за того, что не все, что хотелось бы сказать, переварилось в собственном сознании. Теперь же времени было достаточно, и мнения вполне устоялись... Шли ожесточенные споры, временами даже слишком ожесточенные и бурные. Содержание их включало в себя все, начиная с фразы «какое нам до этого дело» и кончая утверждением «мы не имеем морального права» или «не вмешаться нельзя». Мы могли спорить часами, пока кто-нибудь резко не менял тему разговора, и мы вдруг понимали, что все-таки очень устали и нужна какая-то встряска или разрядка. И тогда появлялся интерес к футболу, рыбной ловле, к запаху цветущей сирени.

6

В середине лета у меня родилась дочь. Все-таки дочь... Я хотел назвать ее Хельгой, потому что Хельга то же, что и Ольга, но жена настояла, чтобы дочь назвали Катериной.

Однажды в нашу небольшую квартиру ворвалась шумная компания — вся моя лаборатория. К тому времени уже вошло в привычку дарить знакомым и друзьям букеты улыбок. Находились люди, которые были

виртуозами в составлении таких букетов. В передней я нашел две корзины вина, скромно оставленные застенчивыми гостями.

Женщины сразу же бросились к Ольге и Катерине, и понять что-нибудь в том, о чем они говорили, было совершенно невозможно.

Мужская половина лишь поцокала языками над бессмысленно тарашившим глаза ребенком и поспешно и даже немного трусливо ретировалась в другую комнату.

Андрей притащил на кухню несколько бутылок и принялся готовить коктейли. Афанасий старательно запевал песни. Он очень изменился за последние месяцы. В лаборатории уже давно никто не хрипел, но я несколько раз замечал, как Навагин, словно не в силах сдерживать переполнявшие его чувства, вскакивал на своего мустанга. Во всей его фигуре чувствовались страх и злоба. И он не хотел этого показывать. Афанасий исчезал. И вообще последние полгода он работал как семижилый. Его отрезок истории был разработан так тщательно, так удачно систематизирован, что стал образцом творческой работы, как говорил заместитель директора по научной работе.

Меня давно подмывало поговорить с Афанасием по душам, если только это было в принципе возможно.

Мы пели уже без особого вдохновения. То и дело кто-нибудь начинал говорить о работе. Это была какая-то болезнь. Почему медицина не обратила до сих пор внимания на это? Не понимаю. Ведь болезнь-то заразная...

Женщины наконец оставили Катерину в покое, и она уснула. Нам разрешили войти в комнату. Я выходил из кухни предпоследним и услышал фразу, сказанную Афанасием. Он с шумом наливал в стакан воду из крана, и фраза, очевидно, не предназначалась ни для кого.

— Они начинают улыбаться, едва успев родиться...

Я задержался:

— Разве это плохо?

— Этого я не говорил. И вообще... я не специалист по улыбкам. Это твоя сфера...

— Мы можем поговорить с тобой спокойно? — спросил я.

Он промолчал, не взглянув на меня.

— Афанасий, за что ты ненавидишь улыбку?

— Ты уверен, что я ее ненавижу?

— Мне кажется, что это так.

— Я мог бы тебе не отвечать, пока ты не докажешь, что имеешь право задавать этот вопрос.

— Пусть будет, что я просто угадал.

— А можешь ты мне ответить, почему люди улыбаются? — спросил Афанасий и лег грудью на подоконник.

— Потому что счастливы, потому что рады, потому что душа поет.

— Душа? Ну и пусть поет. Это внутри... А внешним выражением этой песни могло бы быть похлопывание ушами или скрежет зубов. Какая разница. Принято улыбаться — и все.

— Неотразимый довод, — сказал я. — Ну хорошо. Но ведь от радости улыбаются, а не скрежешут зубами. Пусть даже это принято. Хотя на самом деле это не так.

— А я не принимаю. Понимаешь? Нет закона, чтобы нужно было улыбаться.

— Ты можешь и не улыбаться. Это твое дело. За что ты ненавидишь улыбку? И не вихляй. Улыбка — это внешнее выражение какого-то определенного состояния души. Все дело в этом состоянии. Ты ненавидишь именно его. Счастье. Малюсенькое, величиной с мятную конфетку — в детстве. И огромное — Счастье, когда ты понимаешь людей. Если бы люди при этом шевелили ушами, ты бы отрывал им уши. Это легче сделать, чем сте-

реть с лица человека улыбку. Так все-таки — почему?

— Отстань, — сказал Афанасий и попытался отодвинуть меня от двери. Он не был ни испуган, ни взволнован. Он был спокоен, и я понимал, что он меня обыграл в этом раунде, что он все равно увильнет от ответа, что я от него ничего не добьюсь. После того разговора в лаборатории он стал осторожен. Я знал, что он может негромко крикнуть: «Ну что ты ко мне пристал, Сашка! Все улыбка да улыбка!» Ребята услышат его, откроют дверь на кухню, вытащат меня за рукав и слегка пожуруют, чтобы я не разжигал страстей. Андрей и Игорь скажут про себя: «Сашка, брось. Он этого не поймет. Он не из нашей породы». И я их услышу. А остальные? «Не хотелось бы ссориться в гостях, Афанасий человек со странностями, как и все».

— Пусти, — сказал Афанасий.

Я отошел в сторону. Он уже приоткрыл было дверь, но передумал, повернулся и сказал:

— Ну хотя бы потому, что сам не могу этого сделать. Не научился улыбаться. Такого ответа ты ждал?

Я покачал головой и ничего не сказал. Он вышел. Я был уверен, что он скажет именно это. И я заранее знал, что это будет ложь. Я не верил ему.

Человек не умеет петь и поэтому ненавидит музыку?

Неправда...

7

На следующий день нас всех вызвали к директору института. Там уже находились человек десять известных ученых и администраторов. Мы молча расселись в кресла, натянуто улыбаясь. Было от чего сробеть. Не каждый день всю лабораторию вызывают к директору института. Я о таком вообще не слышал. Должно было произойти что-то из ряда вон выходящее.

Встреча, или беседа, началась с вопроса, знаем ли мы, что в прошлое ничего нельзя транспортировать, нельзя даже появляться там перед глазами предков. Вопрос задавали каждому в отдельности, и в этом явно чувствовалась какая-то торжественность, какой-то сурприз. Мы отвечали, что знаем, потому что в прошлом ничего нельзя изменять. Еще бы! Это мы знали с первого курса.

Потом заговорил человек, известный всем нам по портретам. Это был президент Западносибирской академии наук. Он сказал:

— Мы не можем бесконечно долго изучать прошлое, только изучать — и все. Рано или поздно мы должны замкнуть петлю обратной связи по времени. — Здесь он немного помолчал, исподлобья поглядывая на нас. — Сочтено возможным начать это уже сейчас.

Мы были ошеломлены и приятно обрадованы.

— Предварительно мы изучили отчеты всех лабораторий института. Нас, конечно, интересовал наиболее полный отчет о каком-нибудь отрезке прошлого. — Мы все повернули головы в сторону Афанасия. — Такой является работа Навагина.

Афанасий покраснел от гордости.

Минут пятнадцать длился краткий разбор его отчета. Действительно, Навагин все исследовал на «отлично». Нам не хватало его пунктуальности, его скрупулезной педантичности и работоспособности.

Потом нам предложили ответить на вопрос:

— Что в настоящее время, учитывая необычность эксперимента, неразработанность методики и сложность прогнозирования (ведь человеческая цивилизация развивается не в ньютоновском, а в бергсоновском времени), можно было бы транспортировать в прошлое?

Конечно, мы между собой уже давно спорили на эту тему, но никогда не могли прийти к общему мнению. Одни говорили, что антибиотики, другие — хлеб, третьи — знания, накопленные к настоящему времени

человечеством, четвертые, такие, как Афанасий, — пулеметы.

Заспорили и сейчас, только Афанасий молчал. Он, как и мы все, уже понял, что эксперимент будет проводиться в том отрезке времени, где он работал.

Спорили долго, потом кто-то сказал:

— Ничего материального в прошлое транспортировать пока нельзя.

Мы притихли, вполголоса, словно сами себе, задавая неразрешимые вопросы:

— Тогда что же?

— Что?

— Абсолютную идею?

— Улыбку, что ли? — растерянно спросил Афанасий.

— Да, улыбку, — спокойно ответил президент Западносибирской академии наук.

— Зачем? — спросил я машинально.

— Зачем? — переспросил президент. — Это будет иметь только положительные последствия. Может быть, не очень значительные, но все же положительные. Люди должны улыбаться. Уметь улыбаться. Хотеть улыбаться. Это для начала. Эксперимент будут проводить Афанасий Навагин и Александр Ветров. У Александра, говорят, большая коллекция улыбок. Это очень кстати. — И, обращаясь к нам с Афанасием, спросил: — Вы согласны?

— Я согласен, — ответил Афанасий, бледнея от волнения.

— Я согласен, — ответил я, чувствуя, что тоже бледнею.

Нас бросились поздравлять. Игорь уже пытался задавать конкретные технические вопросы. Все что-то говорили, вряд ли слушая друг друга. Было шумно и как-то напряженно весело. Ведь это такое событие!

Подготовка к эксперименту велась быстро. Я изучил отчет Навагина и уже хорошо представлял, с чем мне придется столкнуться в прошлом. Афанасий не знал пока, без конца уточняя мельчайшие события в своем «подшефном времени». Несколько раз он просил меня показать ему коллекцию улыбок.

— Для пользы эксперимента, — как говорил он.

Не знаю, попросил бы он когда-нибудь меня об этом или нет, если бы нам в скором времени не пришлось работать вдвоем.

— С этим можно... — говорил он, просмотрев коллекцию, но так ни разу и не улыбнувшись.

«С этим можно начинать», — так я понимал его слова, и это даже льстило мне. Афанасий Навагин не отрицал улыбку.

8

Эксперимент начался в конце лета.

В этот день все были очень предусмотрительны к нам, старались что-нибудь посоветовать, чем-нибудь помочь.

— Не трусите? — спросил нас директор института перед самым началом.

Я отрицательно покачал головой.

— Я не струшу, — сказал Навагин.

И вот началось...

Мы стояли посреди бесновавшейся толпы мужчин, женщин и подростков. Багровые отсветы тысяч факелов освещали перекошенные лица. Рев толпы, отчетливые ритмы маршей, взвинченность, скрытый страх и выпиравшие из людей ненависть, звериная злоба и злорадство. Я знал, с чем мне придется встретиться. И все же я был ошеломлен.

Это были люди, только совсем не такие, какими я их привык видеть. Посреди площади, окруженной мно-

гоэтажными домами, балконы, окна и крыши которых были облеплены людьми, горел костер. Его пламя поддерживали стопками книг, сгружаемых с автофургонов и грузовиков. С воплями удовольствия и злорадства люди хватили книги и бросали их в огонь.

С того места, где мы стояли, было плохо видно происходящее, и Афанасий, схватив меня за руку, потащил ближе к костру, бесцеремонно расталкивая толпу.

Наконец мы очутились почти возле самого костра.

Улыбнуться здесь мне казалось кощунственным. Я чувствовал, что не смогу этого сделать.

— Как люди могут?! — Я не сумел договорить.

— Ничего. Сейчас начнется еще более интересное. Вон там. — Афанасий показал рукой куда-то за костер и чуть правее. — Вон там сейчас один не выдержит. И его убьют. — Он сказал это спокойно.

И тотчас же в той стороне, куда он показывал рукой, раздался пронзительный крик, который отчетливо прозвучал даже среди этого рева обезумевшей от злобы толпы. Там, за костром, толпа пришла в движение. Потом от нее отделился человек, упал, вскочил, снова упал и пополз. Десятки рук схватили его за одежду, удерживая. Но он продолжал ползти, волоча на себе других. На какую-то секунду ему удалось вырваться, и он достиг костра, выбрасывая из него полуобгоревшие книги. Чьи-то руки рванули его назад. Через несколько секунд толпа чуть отступила от костра. На асфальте осталась лежать неподвижная фигура.

— Он уже умер, — сказал Афанасий. — Что же ты не показываешь свою коллекцию?

— Я не могу.

— Не можешь! — Афанасий встряхнул меня. — Не можешь! Начинай! Какая разница, сейчас или в другой раз. Начинай!

И я вспомнил улыбку Андрея... Я заставил себя это

сделать. Грустную, но живую, чистую, умную улыбку Андрея.

Мне показалось, что лица людей, бросавших мысли, надежды и чувства в огонь, чуть просветлели. На мгновение сбился ритм движения их рук. Но нет... Улыбка отскакивала от них. Она была ненужной, чужой, мешающей, вредной. Они даже не замечали ее, увлеченные своим делом. А потом вдруг один из них поднял с земли автомат и, не целясь, дал короткую очередь. И улыбка умерла, издав чуть слышный стон.

— Ты видел?! — крикнул мне Навагин.

Я все видел. Убили улыбку!

— Теперь ты понял, почему я ненавижу улыбку? Она делает человека сильным! Убей улыбку и тогда можешь делать с человеком все, что захочешь! Ха-ха! Смотри, что они сделают с твоими улыбками! Ты проиграл!

Тысячи больших и маленьких радостей, чувств и мыслей мог бы я подарить им.

— Ты вернешься отсюда. Вернешься опустошенным! И тебе уже никогда больше не захочется улыбаться! Ты возненавидишь улыбку так же, как и я! Смотри внимательно! Почувствуй свое бессилие...

Убили улыбку. Убили выстрелом в упор!

Я вспомнил Андрея. Его любовь, его ненависть, его музыку. И улыбки веером разлетелись по толпе.

И я увидел, как их ловили, чтобы бросить на землю и топтать ногами. В них стреляли, давили руками, тащили к костру и с размаху бросали в огонь. Человеческие беззащитные улыбки. Я видел, как несколько улыбок все же появилось на лицах людей. Одни со страхом пытались сорвать их, срывали и отбрасывали куда-нибудь подальше, чтобы никто не успел увидеть. Другие, растерянные, не знали, что делать. Третьи старались спрятать их, но делали это робко и неуклюже. Замеченная на лице улыбка срывалась с человека теми, кто

стоял рядом. Срывалась с кожей, с кровью, с криком разорванного рта.

У меня не было больше улыбок Андрея.

Нет, люди не могут так поступать, не могут не понять. И я отдал им улыбки Ольги, Любы, Светки, Толи Крутикова, Игоря. Улыбки встреченных мною когда-то прохожих. Улыбки знакомых. И еще бессмысленные, такие незащитные улыбки моей маленькой Катерины.

И все-таки я привел их в смятение. Я видел, как, пряча под пиджак книгу, исчез в толпе человек. Я видел, как многие поспешно расходятся, как в бешенстве топают ногами перепуганные насмерть мещане, слабые даже с оружием в руках.

У меня осталась только одна улыбка. Улыбка Энн. Она была слишком горькая, чтобы отдать ее им. Но она была и слишком жаждущая жить. И я отдал им последнюю улыбку. Я заметил, как испуганно вскинула брови стоящая неподалеку девушка и спрятала что-то на груди. Я уверен, это была улыбка Энн.

Они еще жгли книги, но толпа уже бросилась прочь от костра. И ни крики, и ни выстрелы не могли ее удержать.

И тогда Афанасий указал на меня пальцем.

Дальше я ничего не помню...

9

Я очнулся на полу лаборатории на чьих-то пиджаках.

— Где Афанасий? — спросил я.

— Какой Афанасий? — удивленно спросил Игорь. — Что там произошло?

— Где Афанасий Навагин?

— Успокойся. О каком Афанасии ты говоришь?

— Афанасий, который слишком тщательно изучил свое «подшефное время». Где он? — Я вскочил на ноги.

— У нас не было никакого Афанасия. Ты что-то перепутал.

В лаборатории было очень много людей. Все они смотрели на меня чуть-чуть испуганно и непонимающе.

— Афанасий ненавидел улыбку! Разве вы не помните?

— Такого у нас не было.

— Ну хорошо, об этом позже. Как я выбрался оттуда?

— Тебя вытащил Андрей, — сказал Игорь. И такая боль почувствовалась в его словах! Светка плакала. Слезы... — Он умер. Его уже увезли.

— Умер! — закричал я. — Почему?

— Его убили выстрелом в спину, когда он спасал тебя.

10

Прошло несколько дней. Я стараюсь ни с кем не встречаться. Я понимаю, как трудно сейчас со мной людям...

Дальнейшие эксперименты отложены на неопределенное время. Никто не помнит Афанасия Навагина. Его не было. Он не родился. Значит, все же где-то в прошлом что-то изменилось так, чтобы Афанасий не родился.

Может быть, та девушка, что спрятала улыбку Энн, оттолкнула от себя какого-то предка Афанасия. Может быть, он, увидев эту улыбку, сам не посмел подойти к ней. Как бы то ни было, но Афанасий не родился.

Значит, этот эксперимент сделал людей хоть чуть-чуть, но лучше.

Ведь Афанасия нет.

Но нет и Андрея.

Неужели каждый раз, чтобы не было такого, как

Афанасий, должна появляться могила такого человека, каким был Андрей?

У меня больше нет улыбок. Я не могу улыбаться. Меня все понимают и стараются чем-нибудь помочь. Все, кроме Катерины. Ей я еще ничего не могу объяснить. Это ужасно — стоять над кроватью дочери и не иметь сил улыбнуться.

В газете я прочел одну статью. Кто-то открыл закон «отталкивания улыбок». Такой закон открыл когда-то и Афанасий. Значит, он не один. Далеко не один. Их еще много.

Ко мне приходят друзья. Я часто вижу Ольгу. Они улыбаются мне осторожными бодрыми улыбками, как тяжелобольному.

Не бойтесь!

Мне нужны улыбки. Детские и взрослые, немысленные и глубокомысленные, радостные и горькие, счастливые и печальные. Мне нужны улыбки, идущие от самого сердца, из самых светлых уголков души.

Люди, мне нужны ваши улыбки!

Я снова вернусь к тому пылающему костру.

Люди, мне нужны ваши улыбки...

МАМА!

Что знаем мы, двадцатилетние, о войне? Мы, ни разу не видавшие разрывов бомб, не слышавшие свиста пуль, никогда не голодавшие, не знавшие, что такое похоронная, безногий отец, в тридцать лет поседевшая мать.

Что знаем мы о войне?

...Близились экзаменационная сессия. Около Университетской роши нельзя было пройти, не захлебнувшись запахом цветущей черемухи. Днем уже было жарко. Вечером — прохладно. Проспект Ленина от Дворца Сове-

тов до Лагерного сада заполняла шумная, смеющаяся толпа. Время вечерних и ночных гуляний.

Я учился в Усть-Манском политехническом институте на факультете операторов машин времени. Мы гурьбой шли с лекции по теории прогнозирования будущего на лабораторные занятия в десятый корпус.

— А вы знаете, — сказал Валерий Трубников, — эта лабораторная — практически зачет по прогнозированию настоящего.

— Ну да! — ахнула идущая рядом со мной Вера и схватила меня за локоть. — Это правда?

— Правда, правда, — Трубников утвердительно закивал в ответ.

— Откуда ты взял? Откуда ты знаешь? — загалдели вокруг.

— Знаю — и все. Сами увидите.

Нельзя сказать, что его заявление нас обрадовало. Все знали педантичную скрупулезность старшего преподавателя Тронова, который вел лабораторные. Его любимой фразой было:

— С временем шутить нельзя.

Он выжимал из нас все. Он заставлял нас думать так, что голова раскалывалась на части. Его не устраивали витиеватые, эмоциональные рассуждения и доказательства. Ему нужна была строгая логика. Только логика.

После яркого солнца легкий полусумрак коридоров был даже приятен. Кабины учебных машин времени располагались в правом крыле здания в аудитории № 307. Все лабораторные я делал вместе с Верой. И в группе уже перестали шутить на эту тему. Привыкли.

Старший преподаватель Тронов вошел в кабину и положил на стол конверт.

— Если кому-нибудь станет плохо, нажмите вот эту кнопку, — сказал он. — Это случается.

— Почему? — спросила Вера.

— Война... Что вы знаете о войне? — Тронов пожал плечами.

— Знаем, и многое, — сказал я. — Брест, Ленинград, Майданек.

— Сталинград, — подхватила Вера. — Хиросима.

— Люди, в первую очередь люди, — тихо сказал Тронов и вышел из кабины.

— Значит, мы будем участвовать в войне? — сказала Вера. — Ой, как здорово!

— «Участвовать», — передразнил я ее. — Смотреть со стороны. Кино.

— Ну да. Кино... Это не кино. Это действительно было.

Мы прочитали задание, набрали на пульте машины координаты пространства и времени и включили ее.

Пронзительно завизжали тормозные колодки, и поезд остановился. Из теплушек как горох посыпались люди. Над головами на бреющем полете пронеслись один за другим три самолета. Горели два соседних вагона. Люди скатывались с насыпи и бежали в степь. Женщины и дети.

Эффект присутствия был ошеломляюще полным.

Рядом со мной упала женщина. Она была в сером тяжелом платье, черном платке и кирзовых сапогах. Девчушка лет пяти два дернула ее за руку, говоря: «Мама, мама». Потом, поняв, что мама уже не поднимется, закричала страшно, захлебываясь слезами и тряся маленькими кулачками:

— Ма-а-ма!

Рядом, оставляя за собой полосу крови, ползла женщина к краю воронки, где еще что-то шевелилось, бесформенное, полузасыпанное землей, что было ее ребенком, мальчиком или девочкой.

В открытом поле смерть настигала людей быстро и безжалостно. Горели уже почти все вагоны. Обезумевшие люди бегали по полю, падали, зарываясь ногтями в землю. Пахло горелым. Пахло цветами. Это смешение

запахов было настолько неестественным, диким, что хотелось кричать, чтобы криком разбить эту страшную картину крови и летней степи, детей и пулеметных очередей.

Все это навалилось на нас так внезапно. Смерть, смерть кругом. После солнца и весны, после запаха черемухи...

Какой-то офицер, еще почти мальчишка, пытался навести порядок в этом кричащем мире, приказывая лежать или бежать к балке, видневшейся метрах в трехстах, в зависимости от того, где были самолеты.

Вера стояла на обгоревшей траве рядом с воронкой.

— Ложись! — крикнул я, хватая ее за руку и рывком пытаясь бросить на землю. — Ложись!

Она вырвалась и бросилась к сидевшему метрах в пяти ребенку, спокойно подбрасывающему комья земли. И когда земля, рассыпаясь, летела ему в лицо, он смеялся и смешно отплевывался, пуская пузыри. Рядом с ним возникли бурунчики пулеметных очередей. Это его не испугало. Для него еще не существовало понятия «война».

Вера бросилась к нему и вдруг в полуметре, широко расставив руки и навалившись грудью, как бы уперлась в твердую стену воздуха, не пускающую дальше. Она стучала о невидимую преграду кулачками и что-то кричала, пока, обессиленная, не сползла вниз, к траве.

Я на ощупь нажал кнопку возврата... Панели пульта управления, высокие стойки аппаратуры, мягкий приглушенный свет, букетик цветов в стакане на столе. Скорченная фигура Веры в углу кабины, возле самого входа. Я бросился к ней и приподнял, думая, что она потеряла сознание. Но она широко открытыми глазами посмотрела на меня, вдаль, в пустоту и осторожно высвободилась. Подошла к столу, села, уронив голову на ободранную столешницу. Я знал, что творится в ее душе. Знал ее чувствительную натуру. И если я навер-

няка не выдержал бы еще нескольких минут, то что сейчас происходило с ней?

Так она сидела минут пятнадцать, и я не смел потревожить ее. Потом она подняла голову и сказала:

— Все сначала.

— Можно отказаться от этой работы и попросить другую.

— Другой такой не может быть. Я выдержу.

...Пронзительно завизжали тормозные колодки, и поезд остановился... Мы стояли на краю воронки. Ветер, смешанный с дымом, рвал волосы.

Плача и размазывая слезы по грязным щекам, кричала девочка:

— Ма-а-а-ма!

Играл сухой обгоревшей землей ребенок. Он был еще настолько мал, что нельзя было понять: девочка это или мальчик. Бурунчики пулеметных очередей возникли почти рядом с ним, и он, смешно переваливаясь на крохотных неокрепших ножках, затопал к этому месту, неумело повторяя: «Мма... мма... мма...»

Через секунду он был убит.

Страшный эпизод далекого прошлого на мгновение смазлся, и изображение исчезло.

— У нас мало времени, — сказала Вера. — Начнем моделирование. — Ее глаза сухо блеснули, встретившись с моими. — Ничего, Сергей. Мы успеем.

Нам нужно было проследить судьбу малыша в предположении, что он останется живым. И мы делали десятки таких предположений, выбирая наиболее вероятный вариант его будущей жизни. Логическая машина, используя информацию о прошлом человека, о людях, которые его окружали, событиях, выбирала наиболее возможный вариант, и мы его видели. Вся трудность заключалась в том, чтобы учесть наибольшее количество существенных, главных факторов, отыскать их среди, может быть, на первый взгляд более бросающихся в глаза, более эффектных. Эта работа требова-

ла железной логики, умения мыслить строгими логическими категориями, подавлять в себе эмоции, обязательно возникающие при этом. Эта работа требовала обширных знаний о том времени.

И вот мы увидели, как маленький человечек неуверенно сделал шаг к своей смерти, покачнулся и упал, не дойдя до нее двух шагов. А через минуту самолеты, израсходовав весь свой боезапас, скрылись за горизонтом.

Вокруг плакали, перевязывали раненых, искали родных и знакомых и находили их лежащими в неестественных позах смерти. Смерть всегда неестественна.

Потом вереница людей потянулась вдоль насыпи на восток. Ребенка несла на руках чужая старуха, почерневшая от горя, сухонькая, маленькая. Как она только его несла? Мальчик, это оказался мальчик, попал в детдом, окончил школу, Томский университет. В сорок лет он разработал математическую теорию раковых заболеваний. Это почти на год раньше, чем произошло на самом деле. Кто-то другой сделал это на год позже. На год позже... Сколько жизней не удалось спасти из-за этого.

Второй человечек, тот, который грязным комочком еще шевелился на краю воронки, работал бы простым учителем истории в каком-то захолустном уголке, где, может быть, еще и сейчас нет учителя истории.

Ну что ж. Мы выполнили задание лабораторной работы. Как всякая лабораторная, она не имела практической ценности.

До звонка оставалось не более трех минут, когда Вера сказала:

— Я хочу изменить судьбу девочки. Пусть ее мать останется живой. Хоть краем глаза я хочу посмотреть на это.

Я молча кивнул.

Сначала мы увидели то же, что и раньше. Жен-

щину, лежащую с запрокинутой головой, и девочку. Услышали ее крик:

— Ма-а-ама!

Потом то, что хотели увидеть.

Улетающие на запад самолеты и женщину, истступленно целующую свою дочь. Слезы радости, безмерной радости и счастья, что ее дочь жива и невредима, что еще несколько часов, и она уже будет в безопасности, что ей уже ничего не будет грозить, что она будет жить. Девочка, прильнувшая к матери. К заплаканному, постаревшему лицу матери.

Я тронул Веру за локоть.

— Звонок.

Она сама нажала кнопку возвращения в настоящее.

Вся группа собралась в коридоре. Не было обычного оживления и вопросов: «ну как?», «успели?».

Результаты работы мы узнаем на следующий день. Проверка работ будет происходить без нас. От нас никто не потребует дополнительных объяснений. Мы узнаем только результат.

На площади перед корпусом по-прежнему было солнечно и жарко. В Лагерном саду гуляли люди. Где-то пели песню. Мы вышли на обрыв к Мане. Здесь было прохладнее. Внизу уже купались нетерпеливые любители поплавать. Вода была еще очень холодная.

— Эх, война, война, — сказал кто-то.

— Да-а, — ответили ему.

Что мы знали о войне?

— Я пойду, — сказала Вера. — К Тронову.

— Зачем?

— Ответ должен быть другим. Разве дело в том, что одним великим человеком могло быть больше? Просто человек мог быть... Дело не в том, что убили будущего ученого. Они этого еще не могли знать. Убили чью-то радость, чье-то счастье. Главное в том, чтобы не было этого страшного крика: «Ма-а-ма!» Чтобы никогда не было этого страшного крика. Пусть из нее

или него никогда и не получилось бы гения, все равно людям от этого было бы лучше.

— Тронова этим не возьмешь, — сказал Трубников. — Ему нужна только логика, строгие доказательства без эмоций.

— Это самая лучшая логика! — крикнула Вера. — Я пойду...

— Я с тобой, — сказал я.

Мы побежали по молодой, еще только начинающей выбиваться из земли траве, торопясь застать Тронова.

РАЗНОЦВЕТНОЕ СЧАСТЬЕ

1

Перед тем как войти в испытательный бокс, я взглянул на индикатор личного счастья. Золотистая стрелка остановилась на тридцати пяти делениях. Достаточно, чтобы быть в хорошем настроении.

Эдик Гроссет стукнул меня ладонью между лопатками и сказал:

— Прости меня за эти несколько минут.

— Брось, Эд. На то и эксперимент. У тебя нет выбора, ты обязан это сделать. Не вздумай только хитрить. Иначе все ни к чему!

Про хитрость я сказал, конечно, зря. Гроссет не умел хитрить, никогда и ни при каких обстоятельствах. Но тем труднее ему было участвовать в этом эксперименте.

— Сам понимаешь, — сказал Эдик. — Это все равно что вывернуться наизнанку. Противно.

— Перестань скулить. — Я взялся за ручку двери. Лицо Эдика, как мне показалось, осунулось и постарело. — И Ингу заставь.

— Телячьи нежности, — сказал Сергей Иванов. —

Работать — значит работать. И нечего тут рассусоливать...

Перед боксом толпилось еще человек десять. Среди них выделялся могучим телосложением и удивительным спокойствием Антон Семигайло. Мне всегда казалось, будто он создан специально для иллюстрации выражения «в здоровом теле — здоровый дух». Глядя на Антона, можно было сказать даже, что в исключительно здоровом теле — ну просто поразительно здоровый дух! Во всяком случае, уровень счастья у него всегда выше средней нормы, а часто даже более семидесяти процентов.

Антон пожал мне руку и подмигнул. Я ни с кем не хотел прощаться, но так уж получилось. Вслед за Семигайло и все остальные начали протягивать мне руки.

— Вы все с ума посходили! — раздался голос руководителя наших работ Карминского. — До начала эксперимента осталось десять минут, а вы его специально взвинчиваете! Ему же еще успокоиться надо!

Однако никто не ушел. Уж очень хорошо все знали кандидата технических наук Виталия Карминского, чтобы в страхе разбежаться по своим местам.

— Как со счастьем? — спросил наш руководитель.

— По сто восемьдесят пакетов каждого цвета, — ответил Иванов.

— Хватит?

— Что он, бездонная бочка, что ли?

— Ну-ну, — согласился Карминский. — Не подвела бы только аппаратура.

— Что вы, — спокойно пробасил Семигайло. — Все на уровне.

— Знаю я этот уровень. А как с откачкой счастья?

— Плохо, — ответил Гроссет.

— Что так?

— Освободили бы вы меня, Виталий Петрович, от этого. На теплотрассу бы лучше послали, землю ко-

пать. Все равно ведь кого-нибудь пошлете. А я добровольно.

— Каждый сверчок знай свой шесток, — глубоко-мысленно изрек Карминский. — Все расписано и утверждено. Изменений не будет.

В это время в лаборатории зазвенел телефон. Инга подняла трубку, послушала и сказала, кивнув мне:

— Саша! Тебя к телефону. Марина хочет с тобой говорить.

Я вопросительно посмотрел на Карминского.

— А, — безвольно махнул он рукой. — Говори. Чего уж тут поделаешь. Сорвем эксперимент! Ей-богу, сорвем...

Я взял трубку:

— Марина?

— Я, Саша. Слышишь? Я люблю тебя!

Я промолчал. Много, много лет я не слышал от нее этого слова.

— Ты слышишь, что я говорю? Сашка!

— Слышу.

— Я люблю тебя!

— Не верю.

— Ты это говоришь, потому что эксперимент?

— Марина, я знаю это точно.

— Ладно, держайте! — У нее будто перехватило горло. — Буду думать про тебя только самое плохое. Отключаюсь.

Она испугалась? Или что-то поняла? Десять лет прожито вместе. Десять лет... Много или мало?

— Ну что, сантименты кончились? — строго спросил Карминский. — Разрешите начать эксперимент?

Я открыл дверь бокса, перешагнул порог и повернул рукоятку. Теперь дверь была плотно закрыта. И сразу же на меня навалилась тишина, неприятная, холодная, испытующая. Я сделал несколько шагов, очутился возле кресла, сел в него, удобно устроившись. Ведь неизвестно, сколько мне придется в нем просидеть. Теперь

лишь оставалось натянуть на голову шлем, но я не торопился. Подождут. Перед началом всегда ждут. Я хотел успокоиться, попробовать ни о чем не думать, а сам начал строить логические предположения, почему Марина мне позвонила. Она, конечно, знала, что сегодня эксперимент, но это ничего не проясняло... «Я люблю тебя». Решила утешить или... Ничего не понимаю!

На пульте перед креслом засветилась лампочка. Ага, им надоело ждать, просят включить мой телефон. Я щелкнул тумблером.

— Ну что ты там? — сердито спросил Сергей Иванов. — Можно начинать?

— Сейчас... — Я натянул на голову шлем, похлопал его ладонью, чтобы лучше прилег. Хорошо, что сейчас конструкция шлема не требует бритья головы. Сколько курьезов из-за этого было...

— Готов, — сказал я и, к своему удивлению, не почувствовал ни страха, ни желания бросить всю эту чертовщину. А! Будь что будет! Это даже интересно.

— Сашка, я буду поддерживать с тобой телефонную связь, — сказал Гроссет. — Кричи, если что.

— Начинайте, — ответил я.

— Проверяю уровень личного счастья, — услышал я чей-то голос. — Тридцать пять процентов. В норме.

Я выключил свет. Сидеть в темноте мне казалось приятней. Теперь уровень моего счастья начнут искусственно понижать. Доведут до нуля, а потом попробуют догнать до ста.

Меня начали «выворачивать наизнанку».

Сначала меня выселили из квартиры, потом уволили с работы, как не соответствующего занимаемой должности. Они экспериментировали, а для меня все это было на самом деле. Марина укоризненно говорила мне: «Докатился». Я и сам был расстроен. Черт возьми, никогда не предполагал, что не соответствую должности ведущего инженера. Или за десять лет я действительно

порастерял все свои знания, или их и не было, но никто не догадывался об этом. А, ладно. Работа у нас не проблема!..

— М-да, — с сожалением протянул Карминский. — А я думал, что работа для него все.

— Вы по цифрам не судите, — сказал Эдик. — Неизвестно еще, сколько процентов у нас с вами эта самая работа составляет. Можно, кстати, проверить!

С квартирой было хуже. Сколько лет жили в каморке. Получили тридцать квадратных метров — и вот снова лишились всего...

— Всего ноль целых две десятых, — сообщил Гроссет.

— Странно, странно, — сказал Карминский.

— И ничего нету странного, — защищала меня Инга. — У каждого свои моральные ценности.

Лишать меня серванта, дивана, стульев и телевизора не имело смысла. Это, кажется, понимали все. И все-таки лишили. Все сгорело.

— Ага! Четыре процента! — заволновался Антон Семигайло: обрадовался, что нашел единомышленника. (А я плевал на все это барахло. Голова есть, заработаем, купим.)

— У него же мультивокс сгорел!

— Проверим еще раз, все по отдельности, — сказал Карминский. — Диван, сервант, стол. Что?

— Кухонный стол, — подсказал Сергей.

— При чем тут кухонный стол?

— У него же там ноты хранятся, — пояснил Сергей.

Это он явно подшучивал над нашим руководителем. Ведь это Карминский хранил в кухонном столе ноты своих машинных симфоний. Симфоний, которые под его руководством и по его программам сочиняла математическая машина нашего отдела. Это было хобби Виталия Петровича.

Но Карминский проводил сейчас эксперимент и к шуткам был не склонен.

— Кухонный стол, — сказал он. — Телевизор. Эти самые... костюмы, платья...

— Ноль процентов, — сказал Эдик.

— У него что, действительно из всего домашнего имущества лишь один мультивокс имеет цену? — спросил Карминский. — Проверим. Мультивокс.

— Четыре процента.

Мультивокс мы делали вдвоем с Гроссетом. Бились над ним четыре года. А через полгода они появились в продаже. Но наш был лучше! Лучше в том смысле, что он был создан специально для нас. Мы понимали его, и он понимал нас с полуслова, вернее, с полумысли, потому что мультивокс воспроизводил музыкальные мысли, музыку, которая так часто звучит в голове, — странно и непонятно ускользающую. И бывает порой до слез жалко, что не можешь воспроизвести ее. Во-первых, нет музыкального образования. А во-вторых, будь оно, все равно нужно какое-то связующее звено между мыслью и нотными знаками. У композиторов все получается и без мультивоксов. Но ведь мы не были ни композиторами, ни даже людьми с выдающимися музыкальными способностями. Во всяком случае, Марина именно так и считала. Гроссет сочинял симфонии, и их даже исполняли, правда, лишь в нашем городе. А я писал симфонические этюды-экспромты. Музыковеды таких не признавали. Не бывает, мол, симфонических экспромтов! Как не бывает? Вот же они! Послушайте! Но даже Марина не верила, что такое может быть. Раз не было раньше, значит, не может быть и в будущем.

— Все равно буду их писать, — говорил я. — Не хотят слушать — не надо. Некоторые люди все же понимают.

— Бросил бы ты эту ерунду. Диссертацию давно пора делать.

Ох уж эта диссертация! Была ли она мне нужна? Я честно признавал, что работа не настолько меня

увлекает, чтобы я был в состоянии выдать какую-нибудь оригинальную мысль или идею. Я был довольно средним инженером.

— Все — и средние, и серые — пишут диссертации, — доказывала Марина. — Одни гении, что ли, докторами и кандидатами становятся?

— К сожалению, нет, — отвечал я. — Но чтобы я, серый инженер, стал серым кандидатом?! Нет, не получится. Хватит их и без меня.

— А композитор из тебя получится?

— Еще не знаю. Когда пойму, что нет, — тоже брошу.

— Может, ты к старости поймешь?

— К старости и брошу. А пока мне интересно этим заниматься...

Эксперимент шел уже полчаса.

— Ну что ж, перейдем к дорогим его сердцу личностям? — не то сказал, не то спросил Карминский.

Гроссет тяжело вздохнул.

— Выключаю Марину, — странным голосом сказал он. Марина меня не любит! Удар? Нет. Я это предполагал и раньше, а теперь знаю точно.

Дело не в том, что она любит кого-то другого. Нет. Это просто стандартная, нравящаяся соседям и знакомым любовь. Мы часто появляемся на людях вместе, за исключением тех случаев, когда я отказываюсь от этого сам. Ей это только приносит облегчение, но она все равно твердит:

— Ты со мной не разговариваешь, не ходишь в кино, молчишь, ничто тебя не интересует. Все люди как люди, а ты?

Но о чем говорить? Ведь разговоры-то не получают. Не получают! Может быть, и хорошо, что я умею молчать?

Любви нет. А что же есть? Привязанность. Привычка. Все утряслось, устоялось. Ничего не хочется изменять.

— Один процент. Почти один, — сказал Эдик растерянно.

— Сколько точно? — спросил Карминский.

— Господи, — сказала Алла, молодой инженер, ей было лет двадцать, не более. — Человека жена не любит, а он: сколько процентов!

— Товарищи! Мы на диспуте о любви или важный эксперимент проводим, запланированный тематическим планом? — строго спросил Карминский. — Что за детство?!

— Ноль целых девятьсот одна тысячная, — зло сказал Эдик.

— Опять шуточки? У этой шкалы нет тысячных делений.

— Извиняюсь. Ноль девяносто.

— Товарищи! Прошу относиться серьезно.

— Серьезно... Душу у человека выворачивают наизнанку, — сказала Инга. — И все свои, знакомые. Лучше бы уж совсем чужого человека туда посадили.

— На это есть штатное расписание! — рассвирепел Карминский. — И вообще, когда-то и тело человека нельзя было выворачивать наизнанку. Я имею в виду анатомирование. Но от этого человечеству только хуже было.

— Может, ускорим темпы? — предложил Иванов. — Время идет, а мы тут дебаты разводим.

— Молодец, Сергей, — сказал Карминский. — Время — деньги. Кто там у нас следующий по списку? Гроссет? Выключаем Гроссета.

Мы знали друг друга пятнадцать лет. Станный он был парень. То заговорит, разорется, руками размахивает, бараньи кудри свои дергает. Доказывает что-то. А потом вдруг скажет: «Нет, доводов мало», — и замолчит. Если не мог что-то доказать, сдавался немед-

ленно. Даже на экзаменах. Скажет: «Я не уверен в этом, давайте сразу следующий вопрос».

Что нас сблизило?

Любовь к музыке? Да. Вначале только это. Хотя само отношение к музыке у нас было разное. Я признавал в музыке только импровизации, полет фантазии. Он — строгую, кропотливую работу. Я никогда не задумывался, садясь за мультивокс, что я буду играть. Это приходило уже во время игры. А Эдик неделями не подходил к инструменту, что-то тщательно вынашивая в голове. И я часто, очень часто вынужден был признавать, что его симфонии красочней, фантастичнее, изящнее моих импровизаций.

Но главное все-таки было не в музыке. Просто мы понимали друг друга без слов. Мне нравилось то, что он всегда разный, никогда не повторяющий себя, честный. Однажды, еще в институте, его побили вместо меня. Я не знал, что меня подкарауливали. Он знал и пошел один... Мне стало известно это месяц спустя. А сам Эдик и словом не обмолвился...

Теперь его нет. Есть кто-то по фамилии Гроссет с его лицом и фигурой. Но это не Эдик. Я чувствую, я твердо знаю это. И пусто, пусто на душе. Как жить на свете без друзей?..

— Десять, — сказал Эдик.

— Что десять? — переспросил Карминский.

— Процентов.

— Ого! Отлично!

— Что отлично?

— На снижение резко пошло. Скоро закончим...

Следующая — Инга Гроссет.

О, счастье мое! Не мое, конечно, а Эдика. На них смотреть — и то счастье. Она танцевала испанский та-

нец на одном из институтских вечеров. Как танцевала... Они познакомились. А через неделю решили пожениться. Я сам по поручению бюро факультета разговаривал с ним — не легкомысленна ли такая скоропалительная женитьба? Дурак дураком! Как будто дело в сроках. Ведь у них вся жизнь — переходный процесс. Ничего устоявшегося, стандартного, каждый день все по-разному, по-другому.

— Четыре процента, — сказал Эдик.

— Отлично, — радовался Карминский. — Кто следующий?

— Но почему больше, чем у Марины? — спросила Инга. Все-таки женская солидарность была в ней очень сильна.

— Разберетесь позже. Иванов Сергей.

— Ноль два. Пять. Три. Ноль пять. Стрелка скачет.

— Скачут зайцы! — заорал Карминский. — Семи-гайло! Почему аппаратура барахлит?

Аппаратура тут ни при чем. Это мое странное отношение к Сергею. Работать с ним было одно наслаждение. Все спорилось в его руках. Когда мы еще только разрабатывали индикаторы счастья, он мог за день изобрести с десятков схем, спаять и настроить их. И они работали. Правда, повторить их обычно уже никому не удавалось. Они работали только созданные его руками. И дома, и в лесу, и в командировках он был таким. Если что-нибудь всем казалось невозможным, он, не раздумывая, бросался вперед очертя голову. И у него получалось. На мотоцикле он умудрялся ездить по таким немыслимым дорогам, где даже тракторы вязли. В шахматы выигрывал в безнадежных позициях. У не-

го был какой-то странный талант везения и легкая рука.

Десять лет он, Эдик и я были неразлучны. Потом он немного отошел от нас. Это произошло тогда, когда я понял, что люблю его Нину...

Стрелки индикатора пляшут, и Карминский почему-то зря ругает Семигайло, который ни в чем не виноват.

— Все работает нормально, Виталий Петрович.

— Нормально, нормально. Тогда проинтегрируй по времени.

— За какой отрезок?

— Откуда я знаю! За минуту.

— Хорошо... Две и семь.

— Антон Семигайло!

— Ноль.

— Алла Куприна!

— Ноль две.

— Карминский!

— Ноль.

— Филатов! Скрипкин!.. Директор института! Дежурный водопроводчик!..

— Ноль, ноль, ноль...

— Где осечка? — спросил Карминский. — Остается двенадцать процентов. Вроде всех перебрали. Известных и неизвестных.

— А здоровье-то забыли! — взревел Антон. — Здоровье — это о-го-го!

— Здоровье!

— Ноль.

— Он же хочет стать знаменитым композитором, — сказал Сергей.

— Слава! Признание! Талант!

— Ноль, ноль, ноль.

Карминский устало опустился на стул.

— Ну, что еще позабыли?

— Может, взять толковый словарь и по порядку? — предложил Сергей.

— Вот что, Гроссет. Спроси-ка у него сам. Ему лучше знать.

Они отобрали у меня все. У меня уже ничего и никого не было, кроме Нины. Эдик, конечно, знал. Разве это скроешь? И Сергей знал, но не подавал виду. А может быть, не знал?

Маленькая женщина с черными короткими волосами, которую я и в мыслях-то боялся поцеловать, потому что потом нужно будет смотреть Сергею в глаза.

— Сашка, — позвал меня Эдик.

Я сделал усилие и напряг всю свою волю. Нет у меня ничего и никого! Нет! Один я! В этом сером, бесцветном и пустом мире.

— Двенадцать процентов, — тихо-тихо сказал Эдик.

— Итого ноль, — заключил Карминский. — Первая половина эксперимента закончилась.

Некоторое время все пребывали в задумчивом молчании.

— А все-таки странно, — вдруг всполошился Карминский. — Только сейчас в голову пришло... Существует ведь какое-то отношение к жизни, какие-то убеждения, цели... Ничего этого мы у Александра не отняли, а он абсолютно несчастлив.

— Во-первых, убеждения у человека не так-то просто отнять, — возразил Эдик.

— Да-да, — сразу же согласился Карминский. — Тут методика нашего эксперимента явно недоработана. Надо еще думать...

— Все равно ничего не выйдет. Отношение к жизни и мультивокс — это не одно и то же. Более того, если мы и сможем отнять у него убеждения, то из бокса

выйдет уже не человек... Вспомните народовольца Николая Морозова. Он просидел в каземате двадцать пять лет, но тюрьма его не сломила.

— Да, но у Александра-то сейчас нуль!

— Сейчас — да. Это потому, что на него все слишком быстро обрушилось. Пройдет время, и он сам начнет искать выход, то есть начнет выходить из этого состояния абсолютной опустошенности без всяких пакетов со счастьем. Именно убеждения человека и дают ему возможность выжить в таких ситуациях. Но эксперимент наш и без того получается жестоким.

— Методика, методика... — пробормотал Карминский.

А я болтался между горем и счастьем, никому не нужный. И мне никто не был нужен. В душе и в голове пустота. Абсолютная! Странное состояние. Так, наверное, чувствует себя камень. Перетащит его река с места на место — хорошо. Не перетащит — и так пролежит тысячу лет. Но я все-таки не камень! Пожалуй, самой яркой мыслью была мысль о бесполезности собственного существования... Я представил себе, как они все сидят там, в лаборатории, вычерчивают графики, обсуждают результаты, готовятся к продолжению эксперимента. Несчастный подопытный кролик!

— Убейте меня! — закричал я в микрофон. — Убейте!

2

Года четыре назад нам предложили новую тему. Нужно было разработать индикаторы счастья. Ох и смеху было в первые дни, когда мы изучали техническое задание! Неужели серьезно? Оказалось — без всяких шуток.

Нам выдали несколько экспериментальных датчиков,

ненадежных, громоздких, которые определяли общее настроение человека. Первый индикатор нужно было возить на грузовике. К технической стороне дела мы уже относились серьезно, но к самой идее — все еще с усмешкой.

Потом наша лаборатория получила ящик полиэтиленовых пакетов неопределенного цвета. В них находился какой-то газ, вдыхание которого приводило в улучшению общего настроения. Некоторые пакеты ссохлись, потому что газ улетучился из них или превратился в порошок. В дальнейшем мы называли эти пакеты просто «счастьем».

Карминский, тогда еще ведущий инженер, тщательно изучил инструкцию по применению и разрезал один пакет. Помню, дело было перед обедом, и мы все хотели есть как черти. И вдруг... Я почувствовал, что сыт. И не просто сыт, а сыт приятно, счастливо. Никогда я не получал такого удовольствия от самой еды. Антон лучился блаженством. А уж он-то любил поесть! Но, видимо, одного пакета сытного счастья на всех было мало, и Семигайло потребовал вскрыть еще один. Я испугался. Ведь я сыт по горло, только испортим все.

— А... Экспериментировать так экспериментировать, — сказал Карминский и вскрыл еще один пакет.

И ничего не произошло. Антон выворачивал пакет. По его растерянному выражению лица было ясно, что он все еще ничего не понимает. «Что же это, братцы? — как бы говорил он. — Обман?»

А одна девушка, старший техник Лена, которую почему-то не задело «сытное» счастье, вдруг удивленно посмотрела вокруг, вся расцвела, высоко подняла голову, гордая и счастливая.

— А вы не верили! Ведь он же любит меня!

Оказывается, Карминский вскрыл пакет с газом, который мы потом называли «счастьем любви». И действительно, Ленка вскоре вышла замуж. Она уволилась, но еще с год я встречал ее иногда в городе с белобрысым

толстоватым парнем, и всегда она светилась счастьем. Но я почему-то думал, что тот вскрытый пакет не повлиял на ее жизнь. Это просто было совпадением. Не получи мы тогда этого ящика, все равно она ходила бы гордая и счастливая.

— Отметим. Другой тип счастья, — сказал Карминский. Он всегда отличался любовью к систематизации, к раскладыванию по полочкам, хотя часто эти полочки были покаты.

— Почему без этикеток? — разволновался Антон.

— Потерпи, — успокоил его Сергей. — Скоро обед. Десять минут осталось.

— Опытные образцы счастья, — важно заметил Карминский. — Что с них возьмешь? Вот когда все это запустят в серию...

Кто-то догадался включить наш тысячекилограммовый индикатор и по очереди присоединить его к каждому из нас. Что ни говори, а процент счастья был у всех выше, чем обычно.

Постепенно мы привыкли к своей теме. Действительно, ведь измеряют же температуру человеческого тела. Значит, медицине это нужно? Почему же не измерять уровень счастья человека? Может быть, это еще важнее, чем температура.

Больше в отделе никто не усмехался по поводу наших индикаторов. А мы работали не покладая рук. Нас все время торопили, но и помогали тоже здорово. Новейшее оборудование, аппаратура, материалы, необходимые штатные единицы — все появлялось как по мановению волшебной палочки. Макетная мастерская с молниеносной быстротой выполняла наши заказы.

Удобные индикаторы нужно было сделать во что бы то ни стало. И мы сделали. Весом в тридцать граммов и размером чуть меньше градусника, который ставят под мышку.

Внешний вид нашего индикатора был, конечно, неважный. Ну что это такое? Идет человек по улице, а

из кармана пиджака у него выглядывает стеклянный градусник. Смех, да и только! И мы, и наше начальство понимали это. И после массовых летних отпусков — вот повезло-то всем! — мы снова принялись за работу. Через год мы демонстрировали уже изящные вещицы. Были индикаторы в виде часов со стрелками, показывающими проценты и даже доли процентов, индикаторы в виде запонок и брошек, где процент счастья определялся по цвету и звуку, в виде колец, браслетов и вечных ручек.

Иногда мое воображение разыгрывалось, и я отчетливо представлял, как в магазинах, киосках и цветочных ларьках вдруг начнут раздавать счастье в чистом виде.

Розовое — семейное, крепкое, непробиваемое, добротное. Голубое — мечтающее, ищущее, стремящееся к чему-то необыкновенному. Желтое — безумное, не знающее границ и меры. Коричневое — сытое, приятное, отяжеляющее пузо. Красное — решительное, бескомпромиссное, прямолинейное и честное. Серо-буро-малиновое — для шутливых подарков в дни рождения, все переворачивающее вверх дном, смешное, легкое и быстро забывающееся. Синее — свистящее и резкое, как ветер морей и странствий.

О! Да разве можно было бы перечислить все цвета и оттенки счастья! Кто знает это? Может быть, где-нибудь в ведомостях и калькуляциях они и будут перечислены с точным указанием цен и срока действия. Может быть. Но тогда этот перечень, наверное, займет тысячи страниц.

Не будет только черного счастья. В принципе и такое вполне возможно. Счастье лжи, подлости, обмана и клеветы. Но если такой род счастья и будет выведен в научных целях, то секрет его производства, надо полагать, спрячут далеко-далеко, за семью замками. А может быть, такое счастье и невозможно? В самом деле, и ложь, и клевета, и подлость — ведь это же вечный

страх. Какое уж тут счастье, если все заполняет страх? Да и подлец по-настоящему счастлив лишь тогда, когда его ненароком принимают за благородного человека.

Я представлял себе, как в первые недели и месяцы возле магазинов и ларьков выстроятся длинные очереди. Женщины средних лет будут расхватывать розовое семейное счастье. И не зря. Некоторые любители спиртного неожиданно протрезвеют. Чудаки будут брать голубое счастье и становиться еще чуднее, делать странные открытия, говорить странные речи, совершать необъяснимые поступки, часто прямым переходящие в геройство.

Разумеется, коричневое, сытое счастье вначале будут стесняться брать. Но и тут найдутся предприимчивые директора столовых, кафе и ресторанов. Прямо на раздаче будут выдавать коричневые пакеты, и взявший их будет съедать невкусный стандартный обед или ужин, испытывая явное счастье, чувствуя, как тяжелеет желудок.

Сорванцы, отхватив синее счастье, будут воображать себя капитанами дальних плаваний, космонавтами, отважными землепроходцами и исследователями. Значительно возрастет успеваемость в школах и институтах, особенно по географии, физике и истории.

Словом, эффект от этого, как я предполагал, был бы только положительный. Каждый человек будет теперь считать своим долгом носить индикатор и тщательно следить за уровнем своего счастья, не допуская, чтобы оно падало ниже определенных пределов. Появятся новые науки: счастьеоника, счастьеведение, счастье-техника.

В свободное время, по вечерам, мы с Гроссетом иногда экспериментировали. И однажды заметили, что если сложить десять процентов розового, например, счастья с десятью процентами голубого, то в одном случае получается десять и одна десятая, а в другом —

тридцать два процента. А могло получиться — правда, очень редко — всего пять процентов.

Наверное, это стали замечать и другие. Ведь иногда получить, например, в подарок букет цветов приятнее на голодный желудок, чем на полный. И чья-нибудь случайная улыбка может наполнить сердце ощущением счастья гораздо большим, чем при покупке новенького автомобиля.

Работа есть работа, и мы принялись, снова засучив рукава, выполнять план. Разработали аппаратуру по «откачке» счастья и методику насыщения счастьем. Для первого раза нужно было выяснить, можно ли догнать процент счастья у человека до ста и как это сделать.

3

Я сижу в испытательном боксе, задыхаясь от пустоты, которая заполняет мою душу, мое сознание. Нет в мире ничего, что приносило бы мне счастье, и сам я никому не даю его.

— Не могу я больше так жить! Вы слышите?

— Слышу, Сашка, — сказал Эдик. Он чуть не плакал.

— Начинаем, — скомандовал Карминский. — Розовое! Один пакет.

Сергей поспешно схватил пакет, пихнул его в пневмотрубу, нажал кнопку, пакет влетел в бокс. Иванов нажал еще одну кнопку. Острое лезвие ножа вспороло пакет.

Я едва заметно улыбнулся. Жить еще стоит.

И тут они начали напихивать меня счастьем.

Только и слышалось:

— Два пакета зеленого!

— Ноль один процента.

- Отлично! Пятнадцать серо-буро-малинового!
- Ноль два.
- Прекрасно! Коричневого! Синего! В крапинку! Фиолетового! Еще два! Еще восемнадцать! Прекрасно! Чудо!
- Ноль. Ноль один. Пошел вниз. Еще ноль четыре.

Бедняги. Они запыхались. Исследовать счастье — задача нелегкая. Все суетились. Там надо было вставить новый рулон бумаги в самописец. Там кончилась фотопленка в шлейфовом осциллографе. Магнитные барабаны математической машины заполнялись информацией. Стрелки вдруг начинали бешено биться о края шкал. Нужно было сделать мгновенное переключение.

— Отлично, старик, — сказал Эдик. — Ты им задал жару!

Гроссет повеселел. Как только мне отвалили голубого счастья, я немедленно вернул Эдика в свое сердце. Он это почувствовал и теперь радовался. По-моему, ему сейчас весь этот эксперимент не важен. Сидит, машинально отсчитывает, строит график, а сам рад, что самое страшное, самое неприятное — предательство друга, хоть и на несколько минут, хоть и во имя науки, — все же позади.

Я вернул их всех. И Марину. Как я был счастлив, что она есть, Марина. Все, что было у нас хорошего, давно-давно, всплыло перед глазами. Ведь это потом между нами установились чисто деловые отношения, простые, понятные, обычные...

Давайте сюда ваше счастье! Я сумею им распорядиться. Режь, Сергей, пакеты, режь, учись вскрывать счастье!

Я вернул их всех. И Ингу, и Сергея, и свой мультивокс.

Мне стало весело. А у них — заклинило, заклинило!

— Может, бросить? — сказал Сергей. — Толку-то ведь никакого.

— Не может быть! — заволновался Карминский. — Сколько?

— Двадцать пять, — ответил Эдик.

— Аппаратура что-нибудь?..

— Ерунда! — пробасил Семигайло. — Аппаратура как часы.

— Что он, бездонная бочка, что ли? Ну-ка, дайте я сам с ним поговорю.

Карминский схватил телефонную трубку и закричал:

— Саша, милый! Ну что тебе надо? Говори! Яхту? Славу? Ну возьми же, возьми. Господи, эксперимент же пропадает... Ага, проняло наконец!

Это я открыл свое сердце для Нины.

— Какого цвета был пакет? — заорал Карминский. — Зафиксировали?

— Никакого, — пожал плечами Сергей. — Не было никакого.

— Почему всплеск? На пятнадцать процентов! Напутали, что ли?

— Да не посылали ему никакого счастья! — обиделся Сергей.

— Странно. Ты объясни, Саша, что произошло. Хоть до девяноста процентов дотяни! Я тебе все, что угодно. Кто там ближе? Дуйте на склад! Да еще пару ящиков выпишите.

— Не надо, Виталий Петрович.

— Как не надо? — опешил Карминский.

— Бесполезно, — пояснил Эдик.

— Плевал я на все эти эксперименты, — сказал я. — Пусть Семигайло лезет в бокс. У него уровень

счастья выше нормы. Вот над ним и проводите эксперименты.

— Да ты что! С ума сошел! У нас же план!

— Все! Снимаю этот дурацкий колпак. По плану — нужно провести эксперимент. Его результаты не планируются. Пусть на первый раз будет отрицательный результат.

— Не допущу! — закричал Карминский и защелкал тумблерами на панели пульта. Я рванул шлем, да так резко, что ударился головой о стенку. На минуту у меня даже в глазах потемнело.

— Вот и отлично, — вдруг обрадовался чему-то Карминский.

Я бросил шлем на пол, открыл дверь бокса и вышел на божий свет.

— Парни! — сказал я, хотя среди них было и много женщин. — Парни, я больше не могу. Здесь нужно специально готовиться. Вы меня простите.

Я чувствовал, что им неудобно. Ведь они вывернули мою душу, мое самое сокровенное Я.

Все они стали какими-то нерешительными. Даже Эдик не подался мне навстречу. Впрочем, я их видел как в тумане.

— Ладно, Александр, — сказал Карминский. — Ты на сегодня свободен. А нам надо обрабатывать результаты эксперимента.

— Ну и обрабатывайте. А больше вы мне ничего не скажете?

— Сашка... — начал Гроссет. — Ты сам понимаешь, как это было...

А Инга вдруг подошла ко мне, обняла за плечи и поцеловала в лоб, потом в губы.

«Спасибо, Инга, — сказал я про себя. — Инга, ты все-таки человек».

Я понимал, что сейчас их не расшевелю. Нужно было что-то сказать. А в голову ничего не приходило. И тут выручил Антон.

— А ведь уже обед, — сказал он.

Действительно, время обеда уже подошло.

— Ну, тогда — на обед, — сказал я, и все, как мне показалось, облегченно вздохнули.

4

Комплексный обед в институтской столовой состоял из крошки, куска тушеного мяса и стакана компота. У раздачи было душно, от кастрюль и баков тянуло жаром и каким-то соусом с замысловатым резким запахом. Народищу, несмотря на все старания работников столовой, было много, и очередь рассасывалась медленно.

Антон Семигайло, Эдик Гроссет, Сергей Иванов и я лишь минут через двадцать отошли от стойки с подносами в руках. Антон, как всегда, взял два вторых. Он взял бы и три, но ему было неудобно. Я всегда думал, что таким, как он, надо давать к зарплате надбавку. Получаем мы одинаково, а съедает он, как минимум, в два раза больше, чем я. Где же справедливость?

Мы сосредоточенно жевали.

— Эх, — сказал Антон. — Ревизором бы пойти, как в кинофильме «Гангстеры и филантропы».

Каждый раз в обед он начинал разговор, смысл которого сводился к тому, что он не наедается. Мы уже не обращали на это внимания, и все же кто-нибудь, не удержавшись, вставлял какую-нибудь едкую реплику. Но Антон не обижался. Он вообще был не из тех людей, которые, слыша, что они прожорливы и глупы, обижаются. Он только расплывался в улыбке: ведь надо же, глуп, туп, а достиг. Достиг! Это главное. Как достиг, уже неважно. Чего? Ну, хотя бы места ведущего инженера, как Антон Семигайло.

— Ха-ха-ха! — обычно отвечал Антон. — Ваш юмор помогает мне выделять желудочный сок. Приятно!

Раз желудочный сок выделяется, значит — приятно, значит — счастье. Это закон. И Семигайло постиг его в совершенстве.

— Послушай, Антон, — сказал я. — Шпарь-ка ты прямо сейчас в испытательный бокс. Эксперимент-то ведь в этом случае закончится удачно.

— Бросьте вы, — ответил Антон. — Хорошая еда — это половина счастья и без эксперимента.

Даже Антон иногда врет. Ведь хорошая еда для него — все счастье. Я сидел с ним рядом и будто нечаянно задел его рукав. По-моему, его наручный индикатор показывал процентов девяносто. Исключительный случай! Патологический! Еще две порции мяса, и индикатор разлетится от перегрузки.

Наконец с обедом было покончено. Мы вышли из столовой, купили газеты в киоске и пошли в свою лабораторию.

Карминский переписывал запись результатов эксперимента. Увидев меня, он спросил:

— Что это был за всплеск в конце? Кто или что? Объясни, пожалуйста...

Я демонстративно повернулся к нему спиной.

Я был груб и понимал это, но ничего не мог с собой поделать. А они сидели и обрабатывали результаты эксперимента. Молча. Не было оживления, как обычно в таких случаях. Меня стеснялись. А мне нечего было делать.

Я бы сейчас ушел, но нельзя.

— Поедешь на рыбалку? — спросил меня Сергей. — Одно место есть свободное. Я домой заезжать не буду. Антон тоже. Поедешь?

— Нет, — я покачал головой. — И ты не езд. Сегодня у Нины день рождения. Ей тридцать один.

— А, ерунда. Восемнадцать или тридцать один...

— Ей будет приятно, если ты вспомнишь.

— Значит, не поедешь?

— Нет. И вообще учти, что я хочу поздравить ее с днем рождения. И подарить ей цветы.

— Ох и клев сейчас на озере, — вздохнул Сергей.

А ведь они с Антоном всегда ставили сети. При чем тут клев? Не то он говорит.

— Сергей, я поеду к ней.

— Зря. Сейчас такая рыбалка.

Я был уверен, что теперь, после того что я сказал, рыбалка занимает его не очень. Просто он не хотел поступать так, как не поступал никогда.

Рабочий день кончился. Сергей, Антон и Карминский поехали на озера. Инга подошла ко мне и молча уставилась на меня.

— Передай Марине, — сказал я. — Домой не вернусь. Не могу.

— Я понимаю, — сказала она.

Я поехал в магазин и купил гладиолусов и флоксов на все деньги, что у меня были. Потом сел в автобус и поехал в пригород Усть-Манска. Туда, где жила Нина.

Я должен, обязан был увидеть ее.

Из города я выехал довольно рано, народу в автобусе было немного, и мне удалось не помять цветы. Больше всего на свете сегодня я хотел сохранить их.

Ее дом был вторым от остановки. Я поднялся на третий этаж, позвонил, и она открыла мне.

В первое мгновение в ее глазах выразилось удивление. Удивление, которое я больше всего любил в ней. Потом она машинально спросила:

— А где Сергей?

— Уехал на рыбалку.

Она как-то потухла. Я протянул букет, который до этого напрасно пытался спрятать за спиной.

— Это тебе, Нина. Поздравляю с днем рождения!

— Спасибо, — сказала она. — Проходи.

И я прошел в комнату. Ее дочь Наташенька играла на полу в куклы. Ей было четыре года.

Нина сразу прошла на кухню, словно меня и не бы-

ло. Я занялся разговором с Наташенькой, который в основном состоял из вопросов: «Почему ты есть? Кто ты такой? А папка еще не пришел?»

Я сел прямо на пол. Неудобно играть с детьми, сидя на стуле или диване. Прошло пять минут, десять. Нина не выходила из кухни. А мы с Наташенькой играли в куклы.

«Нина, — сказал я про себя. — Ты слышишь меня?»

И она ответила, хотя я был уверен, что и она не открывала рта:

«Конечно, слышу. Только не заходи на кухню».

Она плакала. Беззвучно. Молча. Самые страшные слезы. А я продолжал сидеть на полу.

«Нина, — сказал я. Но она не могла меня слышать. — Что делать? Я люблю тебя. Так получилось. Я люблю жену одного из своих друзей. Нина. Можешь ты это понять?»

«Могу». Она не ответила вслух, но я расслышал ее.

«Что же мне делать?»

«Не знаю...»

«Только ты можешь сказать, что мне делать».

«А так ты не знаешь? Ты будешь действовать в зависимости от моего ответа?»

Я передвинул куклу в очереди, купил яблок и заплатил за них мелко разорванными бумажками. Наташенька была в восторге.

«Будь мужчиной!»

«Это значит — уходи?»

«Не знаю. Я сама ничего не знаю».

Она вышла из кухни. Простая, в клеенчатом переднике, с руками, красными от свеклы, и совершенно спокойная.

— Будь счастлива, Нина.

— Спасибо, Саша. Я постараюсь.

И все...

Я простоял у обочины дороги под деревом несколько часов. Начало темнеть. Из окна на третьем этаже дома напротив раздавалась музыка, но там никто не танцевал. Да и кому было? Ведь собрались одни женщины. На балкон иногда кто-нибудь выходил, но это каждый раз была не Нина. Хозяйке некогда. На кухню, в комнату, подогреть, остудить, вымыть посуду, посидеть минутку с гостями, уложить спать Наташеньку. И все время казаться веселой. На вопросы: «Куда девался Сергей?» — отвечать шутками. А на сердце обидно. Не заслужила она этого. Да и просто неудобно перед подругами.

В свой день рождения Сергей приглашал желающих из нашей лаборатории в магазин грузинских вин. Мы выпивали по стаканчику, поздравляли новорожденного, шли на берег реки, курили, говорили. Потом снова возвращались в магазин, Сергей редко приглашал нас к себе в гости. Может быть, стеснялся. Ведь она, Нина, не инженер, даже не техник. Одного он не мог понять, что она Человек, а это выше всяких чинов и титулов.

На следующий день все начиналось с вопроса: «Ну, как доехали?» Все всегда кончалось благополучно. Иванов рассказывал, как Нина отпаивала его молоком и при этом весело смеялась. Моя Марина, естественно, не приходила в восторг от таких торжеств. Она обычно сонно поднимала голову с подушки и говорила всегда одно и то же слово: «Пришел?» Потом отворачивалась к стене и мгновенно засыпала.

...На кухне задернули занавески. Кто-то в третий раз ставил одну и ту же пластинку.

«Ты все еще здесь?» — спросила Нина.

Я не ответил, да она и не спрашивала. На таком расстоянии я ничего бы и не услышал. Это мне показалось, что, на секунду бросив дела, она спросила:

«Ты все еще здесь?»

«Ну хорошо, я отвечу, — подумал я. — Я здесь. Можно, я еще постою?»

«Иди домой. Скоро пройдет последний автобус. Марина, наверное, вся переволновалась. Ты тоже ее не жалеешь».

«Ага! Вот здорово! Во-первых, почему «тоже»? Разве дело в том, что Сергей тебя не жалеет?»

«Пусть будет без «тоже».

«Хорошо. Но при чем тут «не жалеешь?»»

Возьми меня, возьми меня
В чужие города... —

пела пластинка.

Ну и ладно! Тридцать процентов счастья — это тоже немало. К врачам не буду обращаться!

Возьми меня, возьми меня
В чужие города...

«Уходи», — сказала Нина. Это было сказано с таким вызовом, с такой болью, с такой отчаянной решимостью, что я понял: сейчас, в это мгновение, она перестанет быть тихой, сбросит с себя тщательно скрываемую покорность выдуманной судьбе, страх перед возможностью потерять маленький кусочек уже имеющегося счастья, страх перед неизвестным. Теперь она сама станет решать свои проблемы, не дожидаясь, когда Сергей позволит ей это.

Тихое, спокойное, розовое счастье. Работа, не слишком скучная и не слишком интересная. Муж, исправно приносящий деньги домой. Варка обедов, стирка белья. Вечером телевизор до одурения. Все правильно, все в меру. Все как у людей!..

И все как на лезвии бритвы! Между счастьем и горем, в какой-то вязкой пустоте, когда даже отгоняешь в страхе мысль, что может быть по-другому, не так ровно и спокойно, однажды и навеки заведено.

Говорят, что нельзя предсказать будущее. У некото-

рых людей можно. И на день, и на год, и на всю жизнь. Прямая линия, где даже под электронным микроскопом не различишь бугорков и впадин, взлетов и падений.

«Уходи!» — сказала Нина.

«Нет».

«Тогда возьми меня, возьми меня с собой...»

«Нина! Все-таки ты меня любишь...»

«Ну зачем тебе слова? Разве дело в словах? Разве нужно об этом говорить? Ты должен чувствовать это всегда, каждое мгновение, без слов...»

«Спасибо, милая...»

Часто бывает так: нравятся глаза, манера танцевать, умение быть в компании веселым, остроумным. И уже — «люблю». А ей не нужно слов. Почему же я всегда ждал, что она скажет, чуть ли не бросится мне на шею, заплачет и засмеется от радости? Розовое счастье все еще сидит во мне! Я наговорил ей столько слов, хороших и злых. Напыщенный и иногда сентиментально страдающий, я думал, что понимаю ее. И хотел, чтобы поняла она.

«Я бегу к тебе!» — крикнул я.

Она понимала все. Давно. Сколько же времени прошло?

«Не нужно. Я приду сама».

Я поднял голову. В окнах ее квартиры горел свет. Музыки уже не было. Слышались голоса. Это расходились ее подруги.

«Ты знаешь, что нас ждет?» — спросил я.

«Знаю. Все равно будут и обеды, и грязная посуда, полы, телевизор».

«И все?»

«Нет. Каждый день будет новый. Я знаю, будут и слезы, и размолвки. Ты ведь вспыльчив. Все будет».

«И ты не боишься?»

«Нет».

Погас свет на кухне. Мне не нужно было глядеть в окно, чтобы знать, что она делает сейчас. Вот она стоит

посреди комнаты. Что она оставит здесь? Воспоминания, свои сомнения, страх, частицу своей души? Все равно трудно. Все ведь с виду было правильно. «Какая семья!» — говорили вокруг. Они никогда не ругались, даже крупно не ссорились. А счастья не было...

Нина подошла к Наташеньке, погладила ее, спящую, по головке. Может быть, в этом самая главная проблема?

«Нина, я ничего тебе не обещаю, кроме того, что нам будет трудно. И соседи будут говорить: «Ну как они живут?» И никогда толком нас не поймут. Что за жизнь, если ее понимают все, кроме нас? Пусть будет наоборот».

Она вдруг подошла к окну и посмотрела в темноту. Она не могла видеть меня. Она не знала, что я здесь стою.

«А что, если это пройдет? — спросила она. — Что будет с тобой? Что будет с нами?»

Даже здесь она не спросила, что будет с ней. Что будет с нами? Не знаю. Это уже не имеет значения, если мы перестанем понимать друг друга.

Я даже не помню, когда увидел ее в первый раз. Это не осталось в памяти. Только: «О-о! Сережка женился! Молодец!» Потом видел ее и десять раз и сто. И ничего не менялось. Мир оставался прежним. Она всегда молчала. Петь не пела вообще. Было даже странно. Мы по праздникам танцевали, обязательно со всякими чудачествами, горланили песни, кто громче. Со стороны это, наверное, было не очень красиво. А кому из нас приходило в голову посмотреть на себя со стороны?

Потом я заметил, что она все время улыбается. Тихо, незаметно и грустно, словно уже давным-давно все про нас знает. А Сергей как-то стеснялся, сторонился ее. Он был веселый парень, но себе на уме.

Однажды я понял, что она все время ждет чуда, каждый день, каждую секунду. Чудеса происходят, только их никто не замечает. Она ждала чуда, а Сергей не верил в чудеса и ее заставлял не верить. Чудес

не бывает! Ерунда все это! А она не хотела не верить. И тогда он пришел к мысли, что она ничего не понимает в этой стремительной, рациональной, не терпящей сомнений жизни, которая окружает нас. Он пожалел ее и оставил ей только домашние заботы. Не понимает — не надо. Он все будет решать сам. Примеров много, все правильно. У Сергея был железный характер и крутой нрав. Он никогда не колебался, не сомневался, все решал сразу, и все у него получалось. Так должно было быть и на этот раз.

Но произошла осечка.

Стоило только раз взглянуть на нее, когда она была одна, чтобы понять все. Ничего у Сергея не вышло. Нет, взглянуть не один раз. Может быть, миллион! И лишь в миллион первый раз увидеть. Это не лежит на поверхности. Это спрятано очень глубоко в душе.

Сначала мне было просто любопытно: отчего такая тихость у человека? Потом я начал понимать, но медленно, очень медленно. Она не хотела жить, как раз и навсегда заведенный робот с заранее запрограммированными неприятностями и удовольствиями. Не хотела, но считала, что ничего нельзя изменить.

Медленно, ужас, как медленно, я разобрался в себе. Ведь все в моей жизни было нормально, «как у людей». Пусть будет у Эдика и Инги любовь с первого взгляда, а у меня с миллионного.

...Чуть заметная полоска зари горела на горизонте. Дома засыпали.

«Что будет с тобой?»

«Не знаю, Нина. Я этого не знаю. А с тобой?»

«Я сейчас выйду. Подожди. Холодно».

Она скользнула с балкона в комнату.

«Сейчас что-то произойдет, — подумал я. — Что? Сейчас Нина будет здесь».

Что-то забухало, как огромные часы. Ближе. Громче. Где-то во мне. Из-за угла дома показалась безмолвная женская фигурка. Стук молота раздавался все бли-

же, все громче. Я уже ничего не слышал, кроме этого знакомого и странного, страшного звука.

Нина сжала лицо в ладонях, нагнула голову и то-ропливо шла, почти бежала в мою сторону.

И в это время что-то взорвалось у меня на руке. Над ухом кто-то противно хихикнул. Я машинально от-вел руку в сторону. Рукав рубашки был разорван, в каплях крови. Я понял, что это такое.

— Нина! — закричал я и бросился ей навстречу. — Сними свой браслет! Сними!

Она не ожидала увидеть меня здесь и остановилась, удивленная и счастливая. Счастливая, я был уверен в этом.

Некогда было объяснять, и я молча пытался со-рвать с ее руки браслет — индикатор счастья.

— Что ты делаешь? — тихо спросила она.

— Нельзя тебе носить этот браслет.

— Чудеса... Ты откуда здесь взялся?

Я наконец сорвал браслет, зажал в руке и размах-нулся, чтобы бросить его, но не успел: он тоже взо-рвался. Ей оцарапало щеку и плечо.

— Не надо, ничего не надо, — сказала она, когда я попытался вытереть капельки крови с ее лица. — Ты почему здесь оказался? Или это правда, что ты со мной разговаривал весь вечер?

— Правда.

— Пойдем?

— Пойдем.

— Куда?

— В чужие города...

— Я согласна...

И мы пошли по шоссе, как семнадцатилетние, об-нявшись.

За поворотом замаячило размытое пятно света от фары мотоцикла. Мы посторонились, но мотоциклист вдруг резко затормозил, чуть не задев нас коляской. Это был Сергей.

— И далеко вы направляетесь? — спросил он.

— Сергей, я не вернусь. Понимаешь, ни за что не вернусь... Там с Наташенькой соседка...

— Понимаю... А чего тут не понять?

— Сергей, — сказал я. — Это случилось, и ты тут ничего не изменишь.

— Ну что ж! Идите к черту... Наташку не оставишь?

— Нет.

Он дал газ и рванул с места.

— Не больно? — спросила Нина, дотрагиваясь до разорванного рукава.

— Нет. Все в порядке. А тебе? — Я дотронулся до ее щеки.

— Нет, — она покачала головой.

...А вы хотели видеть счастливого человека. В чем же ошибка эксперимента, товарищ Карминский?

— Господи, — сказала Алла. — Надо же сначала узнать, в чем счастье, а потом экспериментировать.

— План задавил. Некогда узнавать, — ответил Карминский.

— Счастье — это чепуха! — сказал Сергей. — Не верю!

— Да-да, — восторженно воскликнул Карминский. — А действительно, в чем счастье с научной точки зрения?

6

Первое, что меня поразило, когда я открыл глаза, был яркий солнечный свет. Я сидел на упаковочном ящике из-под счастья. Инга держала меня за плечи. Антон перевязывал руку.

— Дрянь эти индикаторы, — сказал он. — Я свой сегодня же выброшу.

— С индикаторами еще придется повозиться, — глубокомысленно поджал губы Карминский.

— Тебе не больно? — спросила Инга.

— Ничего, старик, — Эдик попытался улыбнуться мне. — Мы это сделали ненарочно. Почему так получилось, еще никто не может понять.

Так значит, все это был эксперимент... Меня только что вытащили из испытательного бокса.

— Саша, ты, наверное, сам хотел выговориться, — сказала Инга.

— Как только ты надел шлем, это и началось. Ты разговаривал со всеми.

Да, да... Теперь я понял. С самого начала эксперимента я слышал все, что они говорили, а ведь у меня была телефонная связь только с Эдиком. Теперь они все знали.

— Нина тоже все знает, — сказала Инга. — Понимаешь, это было все как на самом деле. Только сжато во времени и без перемещений в пространстве.

— Где Сергей? — спросил я.

— Ушел позвонить домой. Вот он.

Вошел Сергей. Все молча уставились на него.

— Ну так как? — спросил он. — Кто едет на рыбалку?

— Я, — заикнулся было Антон.

— Все правильно, — усмехнулся Сергей. — У нее тоже взорвался индикатор счастья... Ничего страшного. Оцарапало щеку и плечо, как ты и предполагал... Ну, так кто едет на рыбалку?

Я встал и подошел к нему.

— Сергей, я тебе не лгал.

— А... иди к черту, — сказал он без всякой злости, как очень уставший человек. — А у нее действительно есть характер. Кто бы мог подумать?

— Без обеда сегодня работали, — заявил Антон. — Учтите, товарищ Карминский.

— А у вас день не нормирован, — нашелся что от-

ветить руководитель. — Эксперимент, слава богу, удачно прошел. И с первого раза.

— А чем он удачен? — поинтересовалась Алла. — Что мы выяснили? Что человек может быть счастливым? А как?

Все были страшно растерянные и немного злы друг на друга. Если бы я ушел, тогда бы им стало легче, свободнее.

— Сколько ящиков счастья израсходовали? — спросил я, чтобы что-то сказать.

— Сначала по сто восемьдесят пакетов каждого цвета, — начал Виталий Петрович. Нет, он был только ученый. Только кандидат технических наук. — А потом заклинило. А позже без всяких пакетов вдруг получилось. Помнишь, когда ты шлем сорвал?

— У вас получилось?

— Ну да, а у кого же? Эксперимент получился. В понедельник начнем обрабатывать результаты. Вообще-то сегодня бы надо...

— Валяйте.

Я позвонил домой и сказал Марине, что домой не приду.

— Я знаю, — ответила она. Она плакала. — Не могу поверить. Все было так хорошо. Саша, что же произошло?

— Прости, Марина.

Я не мог с ней говорить. Я ни с кем сейчас не мог говорить. Я вышел из института, пешком добрался до цветочного магазина и купил огромный букет цветов на все деньги, что у меня были.

На автобусной остановке стояла девчонка лет шестнадцати и парень. Продащица с лотком что-то предлагала им. И мне подумалось, что она предлагает им счастье — синее или голубое. Ей уже надоело торчать здесь целый день. Продать бы последнее — да домой.

— Девушка, милая, — приговаривала она. — Купи-

те. Голубенькое счастье, последнее! Последнее всегда самое дорогое...

Девчонка фыркала в плечо. А парень был бы и рад купить, но, наверное, раздумывал, не лучше ли взять мороженое или сбежать с подругой на танцы.

Нет! Не продают еще счастье с лоточков! Да и не надо.

— Ой, дядя! — сказала вдруг девчонка. — У вас индикатора нет. Уронили и сломали?

— А зачем мне индикатор?

— Чтобы знать, сколько счастья.

Индикатора девушки я не видел, но по ее лицу было заметно, что счастья у нее сейчас — хоть отбавляй.

— А ты знаешь, в чем счастье?

— Нет, не знаю, — сказала она и смущенно стукнула своего парня по плечу кулачком.

— И я не знаю...

Она посмотрела на меня недоверчиво. Такой взрослый... Уже сесть начал...

Не знаю...

И вдруг я понял, что вот так просто не могу ехать к Нине. Что я ей скажу? То, что уже говорил сегодня? Такое не говорят дважды. Но ведь она меня ждала! Ждала именно сейчас. И не нужны ей никакие слова. Она мне верила. И все же... Что-то я еще должен сделать.

Ах ты, счастье! Разноцветное, ускользающее, непонятное... В чем ты? Разве разрешило ты все проблемы? Ты их сделало только сложнее, чем вчера и год назад. И чего к тебе рвется человек?

Понять бы...

ПЕЧАТАЮЩИЙ МЕХАНИЗМ

На семейном совете решили: пишущую машинку надо покупать. Напрокат только всякое барахло попадает. Больше времени уходит на ремонт. Ну а все ос-

тальное подождет. И новое пальто жене, и беговые коньки сыну, и костюм самому Семену.

Семен Батутин пошел в магазин вдвоем с женой Катей. Там они долго рассматривали различные марки машинок, хотя дома уже было решено, какую покупать. А потом они вместе читали техническое описание. И, наконец, попросили продавца что-нибудь отпечатать. Батутин и сам умел, но в магазине стеснялся. Продавец мигом вставил лист чистой бумаги, и машинка залилась такой оглушительной трелью, что жена Семена даже вздрогнула от неожиданности.

— Пожалуйста, — не глядя на лист, сказал продавец и протянул его покупателям.

«Ходят тут всякие! Выбирают, выбирают! И чтоб дешево было, да еще само и печатало...» — было отстукано на листе.

— Что же это, — испуганно произнес Семен. Даже стыдно ему почему-то стало. — У нас и деньги есть. Нам машинка нужна. — И, словно обратившись за поддержкой, добавил: — Катя...

Катя сразу же начала открывать сумочку, в которой лежали деньги. Семен протянул лист продавцу. И тот, только сейчас прочитав, что там было напечатано, досадливо покраснел, но тут же овладел собой и с достоинством произнес:

— Голова кругом идет. Столько народу за день... Вы уж извините, пожалуйста.

Батутин огляделся. В магазине было пустынно, как на пляже в ненастную погоду. Огляделся и мысленно простил продавца.

— Так выписать ее вам? — нетерпеливо спросил продавец.

— Да, да. И именно этот экземпляр.

Через час машинка «Эрика» красовалась в квартире Батутиных. Новенькая, чистенькая, блестящая. На ней и печатать-то было страшно.

— Первая я! — сказала Катя, вымыла руки и села за машинку.

«Скоро папка защитит диссертацию, и тогда мы заживем по-человечески!» — напечатала она.

— Правда ведь?

— Правда, — кивнул Семен.

«Поедем на Черное море, а потом купим чудо-гарнитур! И все старье выкинем!»

— Правда?

— Правда, — снова согласился Семен.

Катя составила целый список необходимого (ох, и много же оказалось этого необходимого!) и с победным видом уставилась на мужа:

— Осилим, Семка?

— Эх, надо бы! Ну уж раз печатающий механизм купили, будем работать. Кровь из носу, а к сентябрю диссертацию надо закончить.

— Ты закончишь, я знаю. Когда что-нибудь очень нужно, ты всегда сделаешь. Ты же у меня молодчина. — Катя встала и ласково погладила мужа по щеке. — Ты тут потренируйся немного, а я ужин приготавливаю. Хорошо? Для разминки что-нибудь из книги попечатай.

— Ладно...

Жена ушла на кухню. Семен походил по комнате, о чем-то размышляя, потом подошел к книжному шкафу, выбрал книгу академика Ландау «Теория поля», подержал ее немного в руке и вернулся к столу. Нужно было напечатать какой-нибудь технический текст, чтобы научиться оставлять достаточное место для формул, которые потом вписываются от руки.

И пока жена гремела на кухне кастрюлями, он отпечатал страницу. Печатал он быстро, даже с каким-то изяществом, хотя только одними средними пальцами рук. Он уже хотел было вытащить лист, но что-то его отвлекло, что-то заставило его все забыть и подойти к окну. Солнечный лучик, что ли? Или капля, сорвавшаяся

ся с сосульки... Он подошел и прислонился к холодному окну щекой.

А за окном-то была весна. Весна!

Простоял он так несколько минут, чувствуя, что ему совсем не хочется думать о диссертации. Пробежаться бы лучше сейчас по лужам, разбивая их хрупкий ледок. С сыном бы пойти, с женой. Посидеть бы в сквере на солнышке...

— У тебя хорошо получается, — услышал он голос Кати. В одной руке она держала столовое полотенце, а в другой — лист, только что выдернутый из каретки. — Только лучше бы ты технический текст печатал, а не стихи.

— Какие еще стихи? — засмеялся Семен. — У Ландау такие стихи, хоть на музыку перекладывай.

— А это что? — Жена встряхнула в руке лист... — Не любя, не страдая, не мучаясь, ожидаю прихода весны... Евтушенко, что ли?

— Где, где?! — испугался Семен. — Ах, вот это! — На бумаге действительно были отпечатаны стихи. Целых три строфы. — Нет, нет. Это одного поэта... Вот черт, забыл фамилию.

— Семен, занимался бы ты лучше делом, — посоветовала Катя и ушла на кухню, и даже закрыла за собой дверь, чтобы не мешать мужу.

А Семен пробежал глазами строчки. Стихи были незнакомые, но какие-то созвучные его настроению. Семен даже подумал, что и он мог бы написать такие. Но стихи писать было некогда. Диссертация еще пребывала в полусыром виде. Отпечатать ее, поизрезать ножницами, посправить всю, склеить кусочки, снова отпечатать, чтобы сдать в ученый совет. Вот тогда можно будет и отдохнуть. Только для стихов все равно вряд ли время найдется.

Он вставил в каретку чистый лист бумаги и напечатал целый абзац. Глазами он следил за текстом по книге и поэтому, когда глянул на лист, чуть не ахнул от

удивления. Даже какой-то легкий испуг пробрал его. На листе снова была напечатана строфа стихотворения. И опять про весну. И опять созвучно его немного грустному настроению.

— Интересно, — прошептал Семен и начал печатать дальше, не отрываясь от текста и не глядя на лист. — Что же получится? А?

Получилось стихотворение, три четверостишия. А одна строфа была написана белым стихом, но как-то очень необыкновенно: и грустно, и радостно, и немного растерянно.

Семен вытащил лист, положил его рядом с первым — текстом вниз, вставил в каретку чистый, но печатать ничего не стал, а позвал Катю.

— Ну что тут у тебя, горе мое? — спросила Катя. — Расположение букв забыл, наверное?

— Да нет... Все я помню. Ты вот попробуй напечатай одну страницу из «Теории поля».

— Это еще зачем? Я уж лучше что-нибудь другое. Тут я запутаюсь с этими индексами. Я ведь не знаю: какой из них надо печатать, а какой вписывать от руки.

Катя печатала быстро, почти как профессиональная машинистка. Закончив, она вынула лист из каретки и протянула Семену:

— Ну? И зачем ты меня позвал?

— Действительно. У тебя все нормально получается. — Семен повертел в руках лист, на котором был список необходимых закупок на завтрашний день. Тут были и картошка, и лук, и масло, и даже телевизор.

— Про телевизор — это я так, — смутилась Катя. — Подумала просто. Вычеркнуть надо... Так я пойду?

— Подожди, Катя. Вот какая штука. Видишь. — Он показал жене второй лист. — Снова стихи. А печатал я «Теорию поля». Я и в первый раз ее печатал, а получились стихи. Да и стихов-то этих я никогда не читал. Не помню!

— Эх, заставила бы я тебя обед готовить! — в серд-

цах сказала Катя и пошла на кухню. Там у нее что-то закипело. Семен поплелся за ней.

— Вот ты проверь, проверь, — просил он. — Я буду печатать, а ты следи.

— Будешь есть переваренные щи, — пообещала Катя, убавила газ, очистила головку лука, но все же пошла за мужем.

Семен сел очень прямо, развернув плечи, как на экзамене. Он даже вздохнул раза два, прежде чем начать печатать. И когда он принялся отстукивать строку, сразу стало ясно, что это будут стихи.

— Ты вот замечай, — говорил он. — Я нажимаю букву «в», затем «е», «к», «т», «о», «р». Следила? А теперь посмотри. — Он отвел руку, которой закрывал лист. На листе вместо слова «вектор» было напечатано слово «весна».

— Интересное дело, — сказала Катя. — Что же у нее, шрифт неправильно расположен, что ли?

— Но ведь ты же печатала! А потом в слове «вектор» — шесть букв. Я шесть и нажимал. А в слове «весна» — пять. А где же шестая?

— Странно, — сказала Катя и тут же убежала на кухню убавить газ у второй конфорки. — А ну-ка попробуй еще, — попросила она, вернувшись в комнату.

Сколько Семен ни печатал, получались только стихи. И это, странное дело, даже не расстроило его. И настроение как будто улучшилось. В комнате сделалось светлее. И жена стала какая-то непохожая на себя, а чем — и не поймешь. И понимать не хочется. Пусть такая и остается. Губу прикусила. Думает, что же делать?

— Да ну ее, эту машинку! — вдруг сказал Семен. — Я лучше тебя поцелую.

— Вот еще, — сказала Катя. — Разобраться надо. Может, менять придется. — И она сама села за машинку.

— Ты только перестань составлять списки, — попро-

сил Семен. — Попробуй все-таки «Теорию поля» печатать. Пусть с ошибками. Сейчас не это важно.

— Хорошо, — сказала Катя и начала печатать.

Она не смотрела на лист, торчащий из каретки, но Семен уже понял, что «Теорию поля» напечатать не удастся. На листе снова был какой-то хозяйственный перечень.

— Не может быть, — сказала Катя и начала новый лист. Но их, наверное, можно было начинать и сто.

Катя окончательно расстроилась, устало опустила руки.

— Но почему у меня стихи, а у тебя все по хозяйству? Значит, дело не в шрифте? Если бы шрифт был перепутан, тогда бы получалась сплошная абракадабра! Тогда почему же?

— Почему, почему? — всхлипнула Катя. — Не знаю, почему у тебя стихи получаются. А у меня одни списки все время в голове. Только и думаешь, что бы купить и денег меньше израсходовать. На твою стипендию не очень-то развернешься. А про свою зарплату я и вспоминать не хочу.

Семен не обиделся. Знал он, что не попрекала жена его, а ей действительно трудно. Понимал он ее, и поэтому обнял за плечи, сказал:

— Недолго уж, Катя, осталось ждать. Все должно быть хорошо. И с машинкой этой разберемся. Ты, пожалуйста, не расстраивайся.

Для того чтобы расстраиваться, у Кати не было времени. Улыбнулась она через силу и пошла на кухню.

А Семен сел за машинку. Теперь он понял, что с ней шутки плохи. И весна тут, конечно, имела какое-то значение. Необъяснимо все и запутанно, но ведь факт! Семен сосредоточился, выбросил из головы всякую ерунду вроде весны и хрустящих подмерзших лужиц, представил себе почему-то злые, недоброжелательные лица оппонентов на будущей пока еще защите, ошетинился весь внутренне, даже лоб нахмурил... и отпечатал:

«К вопросу о некоторых свойствах полевых транзисторов в режиме генерации».

Получилось! Заглавие диссертации уже получилось! Это, конечно, была еще прикидка, но все же... Семен разволновался, начал искать в черновиках первую страницу, введение. Нашел. Надо было печатать, пока получалось. Катя не появлялась из кухни. Семен благополучно отпечатал одну страницу, начал вторую... И снова настроение у него странно изменилось, и лица оппонентов уже дружески улыбались ему, и солнце снова заглянуло в комнату... И печатал Семен уже не введение к диссертации, а стихи, и не хотелось ему останавливаться.

Он работал около часа.

— Семен, — вдруг услышал он голос жены. — Ты ведь с ней диссертацию не закончишь...

Семен кивнул, сложил листы, протянул их Кате, сказал:

— Это тебе. Когда-нибудь прочитаешь. А машинку эту я унесу.

Он вставил ее в футляр, оделся и пошел в магазин. Он шел и не замечал, как похрустывают под ногами подмерзшие лужицы. И мысли его вертелись теперь вокруг диссертации, которая называлась «К вопросу о некоторых свойствах...». И тема уже казалась ему значительной, и выводы — многообещающими. И хотелось написать ее изящно, чтобы самому стало радостно.

Домой он вернулся без машинки, но зато с букетом цветов, которые купил в подземном переходе у молодого грузина. А машинку он решил больше не покупать. Можно и напрокат взять.

Катя цветам обрадовалась. А потом Семен сходил за сыном в детский сад и на обратном пути купил конфет и торт. И они вечером пили чай и смеялись, потому что старенький телевизор довольно сносно показывал действительно смешную комедию.

А через десять месяцев Семен Батутин защитил диссертацию, и в августе они ездили на Черное море. Семен теперь даже в детский сад за сыном ходил с портфелем. Поговаривали, что ему следует подумать о докторантуре. И Семен уже начал привыкать к этой мысли. А потом наступила осень, зима. Семен читал лекции, готовился к ним, писал крупные статьи в научные журналы, один и в соавторстве. И статьи эти появлялись в печати.

Как-то в сентябре Катя сказала ему, что лес пожелтел, но Семен только отмахнулся от нее. Не до этого ему было сейчас. И первый снег выпал для него незаметно. Весной он поскользнулся, упал и ободрал свой портфель.

И уже материалы новой диссертации — докторской — накапливались в этом портфеле. Семен посерьезнел и отпустил красивую бородку. Он подумывал было и о трости, но Катя решительно воспротивилась этому.

Иногда по вечерам, когда Семен читал лекции, Катя доставала листки со стихами и смотрела на них. Она их не читала, потому что знала все наизусть. И тогда ей становилось грустно и хотелось, чтобы Семен пришел сейчас и сказал: «Это тебе, Катя! Прочти, если хочешь». И засмеялся бы, закружил ее по комнате, отбросив в сторону свой портфель.

Но Семен приходил серьезный и сосредоточенный. Он аккуратно ставил в передней на специальную полку портфель, ужинал, просматривал газеты и рассказывал Кате о некоторых вопросах, имеющих отношение к его будущей докторской диссертации.

А за окном шел золотой листопад, или сказочные снежинки медленно падали на землю, или прозрачные капельки скатывались с ледяных стрел сосулек.

А где-то за окном жили стихи и сказки...

ФИЛЬМ НА ЭКРАНЕ ОДНОГО КИНОТЕАТРА

Препротивнейшая погода стояла в Усть-Манске уже целую неделю. То дождь, то мокрый снег, да еще с ветром. Осень... Октябрь... А тут еще воскресный день. И на улицах только энтузиасты.

Да-да. По улицам спешили лишь одни энтузиасты, да и то, чтобы только поскорее добраться до теплого угла... Словом, молодежь... И еще один человек. Этот никуда не спешил, хотя и проклинал себя за характер, который привел его на мокрую улицу.

Впрочем, проклинать свой характер и даже подвигать от нестерпимой мысли, что характер этот — тряпка, вошло у промокшего человека в какую-то чуть ли не удобную привычку.

Фамилия его была — Непрушин. Петр Петрович Непрушин.

Непрушин, собственно, и не спешил, а просто шел и если уж и обгонял редкого прохожего, то только для того, чтобы согреться. В холодную, но сухую погоду это было бы вполне оправданно. Но в такой, как сегодня, промозглости сколько ни беги, не согреешься.

Идти домой Петру Петровичу не было совершенно никакого смысла. Там его никто не ждал, а если и ждал, то с руганью, неторопливой, нисколько не грозной, а, напротив, привычной и ленивой, как капля воды на обритую голову во время пытки. Или, что несколько интереснее, но и неприятнее — Цельнопустов, друг семьи, который уже давно брился лезвиями Непрушина, носил его тапочки и даже носки, сидел в единственном кресле перед телевизором, запросто выпивал заготовленную к празднику водку и что-то там еще такое делал... Присутствие его Непрушину было невыносимо, позорно, но Варвара — жена Непрушина — боготворила Цельнопустова и много лет подряд ставила его мужу в пример.

Непрушин то привыкал к такой жизни, то начинал робко и неуверенно с нею бороться; впрочем, до первого лишь окрика Варвары: «Где уж тебе!»

Летом и в начале осени можно было уходить в лес. Но куда пойти вот в такую мерзкую погоду?

К друзьям, если только их можно так назвать, он не любил ходить... Правильные и решительные, они посмеивались над его нелепым существованием, пусть добродушно, пусть без ехидства, но все же посмеивались.

Не лучше было и на работе, но там хоть можно было что-то делать, чертить, проверять кальки, соблюдать «единую систему конструкторской документации», спорить (только много ли тут наспоришь?) с нормоконтролером. На работе Непрушина считали средненьким, а если уж говорить честно, то и просто никудышненьким инженером-конструктором.

Да ладно... Черт с ними со всеми! Убежать бы куда-нибудь от этого нудного и холодного дождя.

Непрушин никогда не задумывался, почему так получилось. Получилось и получилось. Ниже среднестатистического уровня? Так ведь на то он и средний, чтобы были выше и ниже.

И маршруты-то ведь уже все были хожены-перехожены. По асфальтику, по асфальтику! В грязь переулков даже Петр Петрович не хотел лезть. Вот сейчас будет детский сад, за ним кинотеатр «Радуга» и рядом магазин «Театральный», где можно купить конфет или выпить молочный коктейль. Но коктейль — холодно. Хотя все же можно постоять в сухом месте... Можно и в кинотеатр, но смотреть кинофильмы Непрушин не любил. У киногероев все получалось. Ну, в боевиках — понятное дело. А вот в простых, обыкновенных-то? Все равно получалось! В начале каждого, конечно, конфликт. На работе начальство зажимает прогрессивные методы строительства или новые методы заточки сверл. Дома сын попадает в плохую компанию. Жена не разрешает задерживаться на работе... Но уже по умным глазам и

решительному выражению лица понятно, что главный герой все осилит. Помучают его, помучают, но все равно сдадутся.

Словом, не любил Непрушин ходить в кино. Постоять в очереди за билетами, если народ ломится в обе кассы, еще куда ни шло. Стоишь сначала в одной, а когда очередь подходит, задумчиво выходишь из нее и пристраиваешься во вторую. И так — сколько угодно. И деньги целы, и содержание кинофильма все равно узнаешь, и вроде бы на людях побыл, в обществе... человеческом.

Непрушин вышел на небольшую площадь перед кинотеатром и привычно, машинально бросил взгляд на афиши. В голубом зале «Радуги» шел кинофильм «Битва в токарном цехе», а в зеленом — «Петр Петрович Непрушин». Да, грустно, вздохнул Непрушин, на такие фильмы народ в кассы не лезет валом, да еще в такую погоду... Тут что-то сработало в его мозгу... Что же это? «Битва в токарном цехе»... Понятное дело! А здесь... «Петр Петрович Непрушин»? Нет, постойте! Как это: Петр Петрович Непрушин? Это я — Петр Петрович Непрушин! Петруша, если уж на то пошло... Непруша, то есть... Как это, как это?

Непрушин растерянно остановился перед афишей, потом чуть отошел, чтобы лучше рассмотреть ее. Нет уж, помилуйте. Как это: Непрушин, и вдруг на афише?! Цельнопустов придумал? Ах, Цельнопустов, гад, то есть! Мало ему, всем мало, так еще на афишу! Петр Петрович непривычно разгорячился, даже ручейки, стекающие со старенького черного берета за шиворот, перестал замечать.

Да что же это? Уж совсем житья нет, что ли?!

Он еще раз подозрительно исследовал неряшливую афишу. Вот и сеансы. 12.35, 14.10 и так далее. Студия! Студия даже есть! Ну надо же! Зеленым по серому: Марградская киностудия.

Так-так... Что же выходит? Выходит, что Марград-

ская студия поставила кинофильм «Петр Петрович Непрушин».

Фу ты, черт! — снова что-то сработало в голове Петра Петровича. Это же кинофильм! «Петр Петрович Непрушин» называется. Это не про него, а про какого-то обобщенного Петра Петровича Непрушина, который борется наверняка со всеми, а в конце фильма побеждает.

У Непрушина даже на душе полегчало. Все чуть было не опрокинулось, но тут же крепко стало на ноги. Петр Петрович ощутил холодные струйки, ползущие по спине, передернул плечами и вошел в кинотеатр.

Что-то пустовато было возле касс. Можно сказать, совсем пусто. В фойе, правда, кто-то ходил, но здесь, у входа, на Непрушина с двух сторон цепко узрились настороженные кассирши. Возьмет гражданин билет или не возьмет? Петр Петрович сначала прошелся, словно раздумывал, размышлял, решался, старательно не смотря в окошечки кассы голубого зала. Он не хотел подавать надежду, а потом грубо разрушать прекрасное здание мечты той кассирши.

Билетерша, женщина лет тридцати пяти, злая, неряшливо одетая, определенно сознающая всю бессмысленность своего сегодняшнего стояния возле врат киноискусства, подозрительно посмотрела на делающего возле касс третий круг гражданина. Посмотрела и вызывающе зевнула. Видела она всяких...

Название кинофильма Марградской киностудии все же интриговало. Да и разгуливать здесь — все равно что жевать бутерброд в зале филармонии... Не для прогулок этот «пяточок» возле двух настороженных амбразур. Непрушин решил.

— Один билет, — сказал он в зеленую амбразуру и протянул полтинник.

Кассирша швырнула монету в коробку из-под немецкой магнитофонной ленты, но билет не оторвала.

— Один, один, — повторил Непрушин.

Кассирша разверзла уста:

— На какой сеанс? Я что, гадать должна? Вас тут много!

— На этот, — сконфузился Непрушин. — На ближайший...

— Ближайший только что начался! А следующий в четырнадцать десять.

— На который начался...

Кассирша шлепнула билет на нижнюю доску амбразуры и сопроводила свой профессиональный жест словами:

— Здесь вам не бульвар, чтобы прогуливаться.

Но Непрушин ее уже не слушал, так как сеанс-то ведь уже начался, а впереди еще могли возникнуть осложнения. Он слегка помахал билетом перед закрытой стеклянной дверью, чтобы привлечь внимание. Билетерша все прекрасно видела, но дверь не открывала. Петр Петрович махнул билетом энергичнее. Обе кассирши с интересом наблюдали, что же будет дальше.

Человек, размахивающий билетом, являл собой фигуру жалкую и ненапористую. Билетерша приоткрыла дверь, сказала недовольно, но уже с какими-то примирительными нотками в голосе: «После третьего звонка воспрещается...», но Непрушина все-таки пропустила. И тот, торопясь и делая вид, что торопиться ему некуда, бросился в зеленый зрительный зал.

Темнота, на миг ослепившая его, рассеялась, и Петр Петрович, сев на первое попавшееся место, огляделся, заметив где-то впереди с десятков чуть задранных кверху голов, успокоился, поежился в волглой своей одежде и сосредоточенно уставился на экран. Киножурнал, конечно, уже кончился. Прошли и титры фильма. На белом с полосами швов полотне разворачивалась нехитрая завязка скучнейшей, судя по всему, интриги. Ее и интригой-то назвать было нельзя.

Непрушин пожалел, что приперся сюда, но тут же опомнился: ведь кинозал еще не худшее место в его несуразной жизни, по крайней мере тут не дует и не льет

за шиворот. А вдобавок ко всем благам можно еще посмотреть на себя со стороны, хотя, честно говоря, смотреть на это не особенно-то и приятно. Ну, мечется вот Петр Петрович по экрану, по жизни то есть своей экранной, делает глупость за глупостью. И даже не глупость, а так, что-то аморфное, безвольное, бесформенное, потому что даже для того, чтобы сделать глупость, нужно иметь хоть какой ни на есть характер-характеришко... А у того Петра Петровича-то намек на него даже никакого не было.

Тут и режиссеру, и киноартистам, и даже осветителям и статистам было ясно, не говоря уже о потенциальных зрителях, что сдержаться, не сделать какую-нибудь пакость тому Петру Петровичу было выше человеческих сил. Никакой возможности не было сдержаться! Вот все, кто мимоходом, даже и не подозревая об этом, кто сознательно, мучаясь содеянным или радуясь ему, и пакостили товарищу Непрушину. А тот ничего не понимал, и было совершенно ясно, что он именно не понимает, а не делает с тайными мыслями вид, будто ничего не понимает.

Впрочем, и пакостями-то действия людей назвать было нельзя. Ну, лишили премии, так он мог обжаловать, три дня на доске проект приказа висел! Начальник конструкторского бюро, может, и лишил его премии специально, потому что Непрушину она была положена, а кому-то там — нет. Но кто-то там ничего не мог обжаловать, а Непрушин мог. И тогда премия досталась бы и самому Непрушину, и кому-то там еще. И все было бы нормально. Так ведь не сделал Непрушин совершенно понятного и естественного дела, не сообразил или просто не захотел облегчить моральные страдания начальника, остался соринкой в глазу. А ведь ему даже намекали, и текст обжалования был заранее заготовлен. Но Петр Петрович только виновато разводил руками, нес в оправдание начальника какую-то ахинею. И ведь убедил-таки всех, что он крепко виноват, что премии его лишили

законно и даже мало ему такого наказания. На тут же созванном летучем собрании администрация объявила ему выговор с занесением в личное дело, само собой разумеется, с согласия месткома.

А ведь именно так и было в настоящей, не экранной, жизни Петра Петровича. До сих пор носил он в своем одуревшем от тычков и ударов сердце тот выговор и еще парочку более свежих. О премиях он узнавал, когда товарищи, спохватившись, приглашали его на стаканчик «сухаря» — сухого вина то есть. Но Петр Петрович чаще отказывался, так как даже пить совершенно не умел, пьянел, лишь взглянув на стакан, а отхлебнув, начинал самоуничижаться и падать на колени, «всех уважать» и просить прощения за свое происшедшее сорок лет назад рождение. Настроение он этим портил всем основательно, вплоть до нецензурных эпитетов со стороны слушателей и ударов кулаком в солнечное сплетение с воспитательными целями. Так что его и приглашали-то, чаще лишь делая вид в стопроцентной уверенности, что Непрушин откажется.

Все это было, было! Ну да ладно. Не с одним же с ним это происходит... Странно и тревожно задевало другое. Тот, экранный, Петр Петрович Непрушин как две капли воды походил на сидящего в зале. Всем, всем! И лицом, и фигурой, даже стареньким, давно не глаженным костюмом с дырками в карманах, куда часто проваливалась мелочь, осложняя этим до скандалов проезд в трамваях и троллейбусах; даже плащом, после покупки ни при каких обстоятельствах не желавшим расправлять свои залежалые складки; ботинками, один из которых всегда приходил в негодность, в то время как второй лишь приближался к этапу легкой поношенности.

Кинофильм сейчас доставлял Непрушину новое неудобство, какую-то дополнительную неуверенность, а жизнь ведь и так не радовала его! У Петра Петровича уже и мысль возникла: уйти, убежать от этого экранного двойника, привычно подставить шею своей невыносимой

обыденности и ординарности. Но ведь и идти-то было некуда! Снова в дождь, в грязь, в слякоть? Да и выпустят ли из зала? Вошел не вовремя, уходит, не досмотрев. Подозрительно и обращает внимание. Этого Непрушин боялся больше всего.

Так и сидел он, точно зная, что не увидит ничего нового, разве что посмотрит на себя со стороны.

События на экране разворачивались в вымышленном городе, в вымышленном конструкторском бюро. И фамилии героев были вымышлены. Цельнопустов, например, оказался Половиновым. Жена Варвара — Маргаритой. И похожи они были на своих прототипов не очень, хотя жесты, характеры и поступки схвачены просто здорово, правдиво.

Зрители, сидящие впереди, не уходили из зала лишь потому, что на улице было еще тоскливее, чем здесь. И, наверное, одному лишь Непрушину, единственному из всех потенциальных зрителей кинофильма, было интересно. Интересно — не то, впрочем, слово. Конечно, и интересно, но и стыдно, неуютно... противно. Вот его нелепую жизнь развернули перед людьми, а им и смотреть-то неохота. На что тут смотреть? Чему тут учиться? Да и отдохнуть на таком фильме невозможно.

Ясно, что кассовых сборов фильм не даст, а режиссеру в дальнейшем предложат снимать скучнейшую кинохронику. К скукотище у него явный талант.

Кинофильм кончился. Так ничего интересного и не произошло в жизни экранного Непрушина. Зал опустел мгновенно. Петр Петрович вышел под проливной дождь. И одна мысль вдруг закопошилась в его голове. Кто, кто играл роль заглавного героя? Кто согласился на эту смертную муку?

Непрушин обогнул угол кинотеатра и торопливо вбежал в холл. Нет, очереди в кассах сегодня не предвиделось. Нашарив в кармане мятый рубль, он ринулся к кассе зеленого зала. Вид его среди этого ленивого покоя

и нетронутой тишины был странен и нелеп. Куда, скажите, пожалуйста, рвется человек?

— Один билет! — с хрипотцой в голосе сказал он.

Видя такую поспешность, человек шесть-семь, только что вошедших и начавших было отряхиваться, не раздумывая, образовали очередь за Петром Петровичем. Кассирша синего зала даже просунула голову в окошечко, чтобы получше рассмотреть это чудо.

— На четырнадцать десять? — чуть испуганно спросила кассирша зеленого зала.

— Да! — коротко, но с некоторым нажимом ответил Непрушин, схватил билет, сдачу и бросился к билетерше.

Что его несло? Что несло его еще раз со стороны посмотреть на самого себя? Ведь только тоска и безнадежность были оставлены ему в удел...

Билетерша посмотрела на Непрушина с явным сочувствием.

— Не началось? — с испугом спросил Непрушин.

— Нет, — вежливо ответила женщина и немного приосанилась. Даже платье на ней стало сидеть опрятнее и красивее. — У нас после третьего звонка начало.

— Ага, — сказал Непрушин облегченно. — Это хорошо, что после третьего...

— Хорошо, — согласилась женщина и быстрым жестом поправила прическу. — Вам понравилось?

— Разве это может кому понравиться?

— Вчера вот на два сеанса вообще ни одного билета не продали.

— Бывает... Так, значит, после третьего?

А у кассы зеленого зала уже вытянулась цепочка человек в двадцать.

Билетерша, удивленная и даже как будто чем-то обрадованная, отрывала корешки билетов. Двери в зал распахнулись, и Непрушин, кивнув женщине, побежал занимать место. Титры, титры бы только не пропустить! Он нашел свое место посреди ряда прямо перед прохо-

дом. Никогда в жизни ему не доставались такие хорошие и удобные места. И ничья голова впереди мешать не будет.

Человек пятьдесят зрителей свободно разместились в пятисотместном зале. Свет начал меркнуть. Сначала показывали журнал «Сибирь на экране» за март месяц, линейку готовности техники к сезону, последние массовые лыжные кроссы, хор завода режущих инструментов.

А вот пошли и титры. Так. В главной роли... Кто же в главной роли? Кто в роли?! Петр Петрович Непрушин... и далее ничего, пропуск, многоточие! Маргариту Непрушину вот кто-то играет, и Половинова, Цельнопустова то есть в действительности. А самого Непрушина?! Что за фокус, растерянно подумал Петр Петрович, это же издевательство! Никого, видимо, и не интересует фамилия артиста. Всем все равно. А вот ему нет. Даже тут на Непрушина свалилась очередная нелепость.

Ну хорошо. Играй, играй, уже злорадно подумал Непрушин, посмотрим, что у тебя получится. А ничего путного у тебя не получится. Потому как — тряпка, размазня, ошибка природы. Убивать таких рохлей надо... при рождении... Сейчас вот Половинов, Цельнопустов то есть, первый раз придет к нему домой и как барин развалится в кресле. Играй, играй! Да я бы его попер, так что только пыль столбом. Уже тогда все ясно было, но неудобно, нетактично... А он носки мои носит, галстук... еще что-то... Нет, сейчас бы дал ему хорошенечко.

А Непрушин на экране словно прочел мысли Непрушина, сидящего в зале, схватил Половинова, то есть Цельнопустова, за шиворот, выволок из кресла и встряхнул.

— Ты чё? — удивился Поло... Цельнопустов.

— Это кресло для Варвары, — спокойно пояснил Непрушин.

— Для какой такой Варвары?! — завопил Пол... Цельнопустов. Это страх он нагонял на хозяина квар-

тиры. — Знать не знаю никакой Варвары! Маргаритой твою жену зовут!

— Для кого — Варвара, а для кого — Маргарита, — лениво сказала жена Непрушина, подводя брови черным карандашом.

— Нет, Варвара! — упорно повторил Непрушин. — А ты никакой не Половинов, а Цельнопустов! Цельнопустовым был, Цельнопустовым и останешься!

— За оскорбление знаешь чё бывает? — спросил Половинов-Цельнопустов.

— Знаю, — вдруг сник Непрушин. — Я не ответственности боюсь, я вас боюсь, подлости вашей, бессовестности боюсь.

— Да поддай ты ему как следует! — выкрикнули из зала.

— И никуда он жаловаться не пойдет! — пообещал кто-то еще. — Вот ведь скотина!

— Ты, Петруша, жизни-то ведь не знаешь, — лениво сказала Варвара-Маргарита. — Ты ведь не от мира сего... Другим жить не мешай...

— Да разве жизнь у вас?! — возопил Непрушин.

— А у тебя? — нехотя спросила Варвара-Марга...

— Нет у меня жизни, — согласился Непрушин.

— Нет, — подтвердила Варвара-Ма... — И не путайся под ногами у других... Ты прогуляться-то, Петруша, не хочешь ли?

— А! — с отчаянием сказал Непрушин. — Делайте что хотите. Только учтите, что никакие вы не Маргарита и Половинов, а Варвара и Цельнопустов. Это уж я точно знаю. — И ушел, даже не хлопнув дверью.

— Ну и дурак! — раздалось в зале. — Вот дурак!

Дурак, согласился Непрушин, всю жизнь дураком был. Ведь не встряхнул тогда Цельнопустова, не схватил его за шиворот, а даже спичку поднес, чтобы Цельнопустов прикурил свой неизвестно откуда берущийся «Филипп Морис». Цельнопустов тогда еще немного покуражился, словно не замечал, что огонь подбирается к

чуть вздрагивающим пальцам хозяина квартиры, мужа Варвары.

Вот как оно было на самом деле...

А тут кино!

Но... но ведь и в кино, на предыдущем сеансе, все было как в нелепой жизни Непрушина! Что же это?!. Кусок ленты пропустили? Так нет. Дубль, может, какой нечаянно вклеили? Петр Петрович настороженно уставился в экран.

Господи боже мой! Кинофильм чем-то изменился! Невозможно, а изменился. И Цельнопустова уже в основном называли Цельнопустовым, а не Половиновым. И если иногда и путались, то тут же извинялись. А сам Цельнопустов один раз даже крикнул на Варвару: «Никакая ты не Маргарита! Варвара ты обыкновенная!» На что, впрочем, Варвара нисколько не обиделась.

Ну и дела! Дела, да и только!

Что-то еще происходило на экране, но уже совсем не так, как на предыдущем сеансе.

Что-то закипало в Непрушине на экране, хотя и не прорывалось больше наружу. Что-то закипало и в Непрушине, сидящем в зале.

Зрители расходились слегка возбужденными. Обсуждали увиденное, пытались понять замысел режиссера.

— Модернизм, — говорил кто-то. — Сейчас модно ставить модернистские фильмы.

— А кто режиссер? Малиновский?

— Малиновский, наверное. Кто же еще? Или Иванов-Ивановский.

— Многое все же непонятно.

— Тут надо раза два посмотреть. Фолкнер ведь, к примеру, как отвечал тем, кто не понял его роман «Шум и ярость»? Читайте, мол, дорогие товарищи, второй раз. А если снова не поймете, то и третий. Вот так!

— И с именами какая-то путаница. То Маргарита, то Варвара.

— Не-ет. Это не путаница. Это прием такой. Она то Маргарита, когда с Половиновым...

— С Цельнопустовым...

— С Половиновым... То Варвара, когда с Непрушиным. Этим как бы раздвоение характера режиссер подчеркивает.

— Надо бы еще раз посмотреть. — Это сказал уже кто-то третий.

— А что... Погода мерзкая. По телевизору ничего интересного. Пошли?

— Пошли.

Ну уж нет, думал Непрушин, они ведь думают, что я полнейший идиот, что мне жизнь не в жизнь, если по морде не дадут, в душу не плюнут. Они ведь что? Они ведь безнаказанность свою чувствуют. Проглотит Непрушин, все проглотит! При нем что хочешь делай! Его в любую дыру сунуть можно, куда больше никто не полезет. Непрушин — сплошной комплекс неполноценности и вечной неосознанной вины! Да... Опустился, сдался, со всеми согласился... Да только не со всем. Не со всем! Есть еще искра божия в душе. Ведь больно ей, родимой, больно. Вечно, что ли, носить эту боль?!

Из желавших посмотреть кинофильм еще раз к кассе Непрушин добежал первым. Но его возбужденный бег, тучи разбрызгиваемых капель, странная спешка — все это утвердило еще колеблющихся в мысли, что надо торопиться. Торопиться! Там, у кассы, наверное, не протолкнешься!

Человек тридцать бросились за Непрушиным, хотя обогнать его никто не смог. Тут подошел трамвай. Дождь дождем, а сидеть людям дома в воскресенье не очень-то и хочется. Кто в гости, а кто и в кино! Ничего плохого нет в том, что человек в такую погоду захотел сходить в кино. Да если и не хотел, но видит, как толпа прет в кассу, едва успев выйти из зала... Да тут и думать нечего. Так просто в кассу не бросаются!

Трамвай полностью опустел, лишь девушка-водитель

с сожалением закрыла дверь. Работа! На последний сеанс разве успеть...

— А что? Хороший кинофильм? — спрашивали в толпе, мчавшейся с остановки.

— Во! Кинофильм — во!

Понятное дело. Если уж все так бегут, то кинофильм — во!

Возле кинотеатра образовалось маленькое столпотворение. В неположенном месте остановился троллейбус. Из кафетерия выскакивали, не успев допить молочный коктейль. Продрогшая группка возле винного отдела, ожидавшая открытия магазина, держалась дольше всех, но, так и не дождавшись скрипа двери, неуверенно двинулась к кинотеатру.

Кассу зеленого зала брали приступом.

Непрушин-то успел взять билет первым. Кассирша даже не спросила, на какой ему сеанс. И так все ясно. Вроде бы как своим человеком стал Непрушин в кинотеатре «Радуга».

Он и не видел, что там творилось у него за спиной. Он бросился к билетерше, взволнованной, почему-то радостной, кажется, даже ожидающей именно его. Он кипел, он бурлил, он увидел со стороны, что являл собою всю жизнь. Тоска собачья! Мúка зеленая! Жуть сорокалетняя!

— Понравилось? — обрадованно спросила билетерша.

— При чем тут: понравилось?! — не понял Непрушин. — Вы хоть знаете, за кого они меня принимали?

— За кого же? — испугалась женщина. Но испугалась как-то не так, не обыкновенно, а со значением. Знала она, знала, что гражданина, стоявшего перед ней, принимали за кого-то другого. По ошибке принимали. А он совсем другой! Он вот какой, хоть и взволнованный, а симпатичный, уставший, но решительный. Ясно, что он им всем покажет, кто он такой на самом деле! И в кино уже третий раз подряд идет.

— Они меня за... — Но договорить Непрушин не успел, потому что в двери повалили зрители, нетерпеливые, возбужденные. Времени до начала сеанса оставалось совсем мало, а у кассы вон какая давка!

Билетерша принялась за работу, а в двери все напирала, напирала. Тут и двум не справиться. Хорошо, что из комнаты с надписью «Администрация» на помощь выбежали две женщины, потом еще откуда-то две появились. Дело свое они знали, так что первая билетерша даже нашла время спросить еще раз:

— За кого же?

— За дурака, за человека, который все стерпит...

— Господи, — сказала женщина. — И давно?

— Сорок лет. Я вам расскажу...

Непрушин настойчиво потянул женщину в сторону. Та с готовностью отошла. И тут Петр Петрович неожиданно осознал, что он хочет выговориться, давным-давно хочет выговориться. Но не было на земле человека, который бы захотел его выслушать. Никому до него не было дела. Разве что вот этой незнакомой билетерше... А ведь он сам, сам, наверное, делал так, чтобы его не желали слушать. Ну что можно услышать от Непрушина? Жалобы на свою неудавшуюся жизнь, тоскливое описание ударов, подножек и предательств? Так ведь с ним очень трудно не поступать подло. Он ведь вроде как сам вызывает всех на такие действия. Уж не сам ли он делает других людей хуже, чем они есть на самом деле! Ну пусть некоторые носят *нечто* в своих душах, так ведь другие не дают развернуться, расцвести этому *нечто*. Не специально, не приказом, не давлением, а просто своим поведением, своим отношением к миру.

Вот такая мысль вдруг осенила Петра Петровича Непрушина.

— Знаете что? — сказал он. — Ничего я не буду вам рассказывать. Все увидите сами.

— На работе я, — слабо протестовала билетерша. — Да и видела уже.

— Это я устрою. Кто у вас администратор?

Женщина молча показала взглядом. Прозвенел третий звонок.

— Я извиняюсь, — сказал Непрушин администраторше. — Эта... м... м... Как вас зовут?

— Надя, — ответила билетерша.

— Надежда Сергеевна сейчас пойдет со мной смотреть кинофильм «Петр Петрович Непрушин».

— А вы кто такой? — грозно надвинулась на Непрушина администраторша.

— Я Петр Петрович Непрушин.

— Про артистов нас не предупреждали.

— Надежда Сергеевна...

— ...Ивановна, — поправила билетерша.

— Все равно. Надежде Ивановне необходимо посмотреть этот кинофильм.

— Если вы настаиваете, я не возражаю, — сдалась администраторша.

— Я настаиваю, — сказал Непрушин, удивляясь своему тону. — Прошу то есть.

Дверь в зал уже закрывали, но их пропустили. Свет начал гаснуть. Искать свое место в переполненном зале не имело смысла. Два свободных места оказалось в первом ряду с краю.

— И что это народ повалил? — тихонечно удивилась Надежда Ивановна.

Но Непрушина сейчас интересовало другое. Он жаждал увидеть, каким боком еще повернется его экранная жизнь.

И вот побежали титры.

«Петр Петрович Непрушин». А фамилии артиста нет.

«Половинов» зачеркнуто наискосок, а сверху буквами, написанными в явной спешке: «Цельнопустов». И снова нет фамилии артиста, а ведь была, только Непрушин уже не помнил ее.

Зачеркнуто и «Маргарита». И тем же торопливым

почерком исправлено на «Варвара». И снова без фамилии актрисы.

То же и с начальником КБ, и со многими другими.

По залу прошел шепоток. Все заметили странность в титрах.

Но вот начался и сам кинофильм.

Да-а... Непрушин на экране был жалок и чем-то даже омерзителен Непрушину, сидящему в зале.

Но это только в самом начале. Характер главного героя странно ломался. Он и сам удивлялся этому, удивлялись и окружающие. Другьям и знакомым было еще труднее, чем самому Петру Петровичу. Он хоть и страшился перемен, происходящих в нем, но, кажется, понимал, прозревал. А ведь другие-то десятилетиями привыкли видеть его мямлей и тряпкой, человеком, который ни при каких обстоятельствах не постоит за себя. И вдруг — на тебе! К примеру, с премией. Ведь раньше Непрушин стандартно и привычно проглатывал обиду, находя ей даже оправдание. А тут вдруг заартачился, да как-то непонятно заартачился. Нет, он не стал требовать себе законную премию. Он просто в нужный момент тихо и спокойно сказал начальнику КБ, в чем тут дело, дал точную характеристику происходящему, все расставил на свои места, ввел в краску чуть ли не с десяток человек. И выговор ему не смогли вынести. Собрание проголосовало против.

И уже становилось понятным, что Непрушин не просто изменился, бунтует, защищает свое Я; нет, о себе он, может, думал меньше прежнего, разве что о том, как он влияет на других. Вот и в сцене, когда одному изделию хотели присвоить государственный Знак качества, он вдруг вылез со своими мыслями и соображениями, а ведь его никто не просил, и сорвал все дело. Сорвал без крика, без какого-либо надрыва, а тихонечко, в двух десятках слов объяснив, что если в погоне за знаком делать, к примеру, тару из полированного дерева, то шифоньеры придется собирать из неструганных досок.

Сорвал Непрушин важное дело, да еще под аплодисменты комиссии, хотя теперь всем стало ясно, что план КБ по Знакам качества будет определенно завален. Ничего в КБ не нашли предложить комиссии взамен.

И на экране, и в зале Непрушину сочувствовали, симпатизировали. И тот, экранный Петр Петрович, кажется, черпал в этом сочувствии новые силы. Раза два Непрушин экранный внимательно посмотрел на Непрушина, сидящего в зале, так что зрители даже начали привставать с мест, чтобы увидеть, кого он там разглядывает.

В миг, в час, конечно, не переродишься. Экранный Непрушин иногда все же срывался на свое прежнее, особенно если ему противостояли уверенные наглецы.

И когда он чуть ли не в конце фильма пришел домой и увидел нахально развалившегося в кресле Цельнопустова, что-то оборвалось у него внутри. Нет, этого ничем не прошибешь. Так и будет он всю жизнь носить непрушинскую пижаму и носки, освежаться чужим одеколоном, пользоваться безопасной бритвой, никогда не вытирая ее после бритья.

— Отец, — сказал сын. Порядочный, надо заметить, пацан уже вырос. — Отец, почему он в твоей пижаме ходит?

— Пусть, — еле слышно ответил Непрушин. — Пусть. Не могу я с ним бороться. Сил нет.

— Давай, отец, спустим его с лестницы, — предложил сын.

— Нельзя. Засудит.

— Нельзя, — уверенно подтвердил Цельнопустов. — По судам затаскаю.

А Варвара добавила:

— И без пижамы проживешь...

Лениво, лениво сказала она это.

Непрушин на экране повернулся и вышел из квартиры.

— Ну уж нет! — закричал Непрушин в зале. Закри-

чал так громко, так протестующе и грозно, что в зале ахнули, а Цельнопустов на экране испуганно привстал.

Не помня себя от гнева и ненависти, Непрушин вскочил со своего места в первом ряду с самого края, и билетерша не успела его удержать, может, впрочем, и не хотела, рванулся по ступеням на сцену перед экраном, и с ходу, с лёту, с разбегу долбанул чуть пригнутой головой Цельнопустова в живот. Цельнопустов согнулся от боли и взревел благим матом.

— Так его и надо! — кричали в зале.

— Не будет ходить, куда не звали!

— Давай, Непрушин! Дави его, подлеца!

Но Непрушин не хотел убивать Цельнопустова. Да и успокоился он почему-то после своего удара.

— Давай, отец, за руки, — посоветовал сын.

— Давай, — согласился отец.

И они, подхватив обмякшего, что-то нечленораздельно мычавшего Цельнопустова под мышки, деловито и толково вывели незваного друга семьи на лестничную площадку, легонько придали ему не очень, впрочем, значительное ускорение и, даже не посмотрев, что там у них получилось, вернулись в квартиру.

— Как ты смел! — встретила их Варвара, обращаясь только к мужу. — Что ты значишь по сравнению с Цельнопустовым! Ты хоть представляешь, что он с тобой делает?!

— Ничего он не сделает, — сказал сын.

— Ты вот что, Варвара, ты это... как его... не нужна мне. А я тебе, кажется, давным-давно. Так что уходим мы с сыном. А Цельнопустов, когда очухается, пусть прописывается здесь на постоянное местожительство. Мы с сыном себе место в жизни найдем. Правда, сын?

— Правда, отец. Прощай, мать...

— Да как же это? — впервые за весь кинофильм заволновалась Варвара, даже вся лень с нее слетела. — Да как же... Жили бы вчетвером... Тихо-мирно...

— Хватит! — отрубил Непрушин.

В зале его бурно поддержали.

Непрушин оглянулся, посмотрел на то место, где он только что сидел. Его место было пусто. А рядом сидела билетерша и трогала платочком щеки.

Входная дверь квартиры со скрипом отворилась, и в комнату вошел начальник КБ, волоча за собой тело Цельнопустова. Момент очень походил на сцены из «Тита Андронника» Шекспира.

— Непрушин, — сказал начальник КБ с угрозой, — ты становишься поперек нашей дороги.

— Да-да, — подхватила Варвара. — Ненормальный он, ненормальный. Жили бы впятером... тихо... мирно...

Так они и стояли. Непрушин с сыном по одну сторону баррикады, принявшие твердое решение и уверенные в своей правоте, а Варвара, Цельнопустов, немного очухавшийся, и начальник КБ — по другую, морально разбитые, дискредитированные в глазах зрителей, но еще не сдавшиеся. Тут было ясно, что борьбы хватит еще серий на пять.

Но кинофильм был односерийным.

Зазвучала финальная тема музыкального сопровождения. Вот-вот должен был зажегся свет.

Непрушин уже почувствовал, как его закрывает огромная буква К; дернул сына за руку, и оба они вывалились на пыльную сцену, но не ушиблись. А те трое, наверное, так бы и растворились в белизне экрана, особенно Цельнопустов, в данный момент морально совершенно несостоятельный, но начальник КБ толкнул его из экрана, толкнул сильно, нерасчетливо, схватил за руку Варвару, дернул и ее. И они оба успели выскочить из экрана в самое последнее мгновение. Аппарат уже не стрекотал, а плафоны в потолке наливались светом.

Непрушин нагнулся и поднял Цельнопустова.

Свет в это время зажегся в полную силу.

Зал ревел и стонал от восторга. На сцену лезли за автографами. Из дальней двери пробивался директор

кинотеатра, которому только что сообщили, что после сеанса началась встреча с киноартистами. Откуда? Ну откуда встреча? Никто не предупреждал. Никаких наценок на билеты не было. И вообще...

Но на сцене действительно стояли артисты. Один так прямо в пижаме.

— Смотри, Непрушин, — кривя рот, зло прошептал начальник КБ. — Не на того ты напал!.. Да кланяйся же, идиот, кланяйся!

И сам премило поклонился. Поклонился и Непрушин, раз, другой. Цельнопустов при этом тоже как-то нелепо складывался пополам.

— Продолжения! — кричали в зале.

— Многосерийку!

— Сериал!

— Что делается, — пробормотал директор, пробиваясь к сцене. — Вчера ни одного человека, а сегодня — столпотворение. На два зала надо пустить... От имени и по поручению! — торжественно пожал он руки киноартистам. — Прошу прощения, не предупредили. Но встречу организуем. После выступления сразу прошу ко мне в кабинет.

Непрушин чувствовал в груди непонятное воодушевление.

— Вторую серию будем играть, — сказал он. — В голубом зале. Здесь — первая, а в голубом — вторая. Кончать с этим делом надо.

— Правильно, отец, — поддержал его сын.

— Сейчас сил нету, — запротестовал Цельнопустов. — Нечестно без передышки.

— Ничего, ничего. Отдохнешь, подлечишься. Мы тебя с середины второй серии. А вначале будет крупный разговор с начальником КБ.

На Варвару Непрушин даже не глядел.

— И еще вот что, — это относилось уже к директору. — Надежда Ивановна, билетерша вашего кинотеатра, тоже будет играть во второй серии. И не возра-

жайте, пожалуйста. Так требует логика развития кинофильма.

В зал уже рвались зрители следующего киносеанса.

Непрушин пристально оглядел ряды. Нет, быть киноартистом он не собирался. Довести только начатое дело до конца. Хватит ли сил? Ну да зрители, Надежда Ивановна.... помогут.

Ведь сорок, сорок лет убито! Выкинуто! Зачеркнуто!.. И никто особенно не заставлял, не вынуждал... Сам, сам, только сам. А много ли осталось впереди?

Около кинотеатра «Радуга» в этот промозглый, нудный вечер было очень многолюдно.

СПЕШУ НА СВИДАНИЕ

Я стоял в магазине электротоваров и раздумывал, что мне купить: ИВП или ИХП. ИВП — это портативный изменитель внешности, а ИХП — портативный изменитель характера. Изменитель характера стоил гораздо дороже, но не в деньгах было дело. Я считал, что характер у меня вполне сносный, а вот внешность... Хотя... Ведь считала же меня моя жена когда-то красивым парнем! А потом, наверное, привыкла или поняла, что это ей только казалось.

Словом, я купил ИВП, размером чуть больше пачки сигарет, положил его в карман пиджака и вышел из магазина. Кажется, я еще и сам не очень понимал, зачем он мне нужен. Не дома же пользоваться им? Нет. Просто во мне назревал какой-то внутренний протест, взрыв. Я еще не знал, что сделаю, но уже исподволь готовил себя к этому.

На улице шел снег, пушистый и легкий. Снежинки словно нехотя падали вниз. Я нажал кнопку портативного изменителя внешности и пожалел, что рядом нет зеркала, чтобы посмотреться в него. Мимо прошел Кондратьев из нашего отдела. Он был уже немного навесе-

ле, хотя после окончания работы прошло всего сорок минут. В таком состоянии он привязывался ко всем своим знакомым, чтобы они составили ему компанию для продолжения уже начатого им занятия. И по тому, что он даже не узнал меня, я убедился, что внешность моя подверглась значительному изменению. Никаких неприятных ощущений, как и говорилось в паспорте приборчика, я не испытывал.

Подошел троллейбус. Народу в нем было мало, и я сел на свободное сиденье у окна. Голова тупо болела от всевозможных совещаний и планерок в нашем СКБ. А придешь домой, что тебя там ждет? Нужно сходить купить картошки, подмести пол, просмотреть газеты и журналы и засесть за телевизор. Жена будет готовить ужин. Потом и она на минуту присядет к телевизору, спросит, что там в газетах пишут, а сама даже не выслушает ответа. Да я и не отвечал на такие вопросы уже давно. Говорить нам не о чем. Мы настолько привыкли друг к другу, что даже не замечаем один другого.

И вот тут-то мне и захотелось сделать что-нибудь не так. Не пойти, например, домой, а пригласить женщину, сидящую рядом со мной, в кино или ресторан. Влюбиться в нее, стоять вечерами под ее окнами, ждать встреч. Жене ведь все равно. Лишь бы деньги домой приносил да не приходил пьяный. Она ведь не расстроится, если даже и узнает. А что?! Сделаю!

Я понимал, что никто со мной ни в кино, ни тем более в ресторан не пойдет. В лучшем случае воспримут как шутку, а в худшем — начнут звать милиционера. Да будь что будет! Я резко повернулся к женщине, сидящей рядом, и сказал:

— Послушайте! Хотите, я приглашу вас в ресторан? Ей-богу, ничего плохого в этом нет.

Женщина удивленно посмотрела на меня, и я узнал свою жену. Это было так неожиданно, что я на несколько секунд онемел. Но отступить было поздно, и я

решил доиграть свою роль до конца. Тем более что изменитель внешности сделал меня неузнаваемым.

— Или, может быть, вас дома муж ждет? — спросил я немного язвительно.

— Нет, — спокойно сказала она. — Никто меня не ждет. Моему мужу все равно.

— Тогда я вас приглашаю в ресторан.

— Сразу в ресторан? — рассмеялась она. — Нет. В кино было бы еще можно. А вы сразу в ресторан.

— Ну, тогда пойдемте в кино. Только вы не подумайте, что я донжуан какой. Просто домой идти не хочется.

— Я понимаю, — сказала моя жена. — Мне тоже не хочется. Придешь — дома тишина, тоскливо...

— Так не ходите!

— Нет, нельзя. Нужно ужин приготовить. Ведь, кроме мужа, у меня еще дочь. В первый класс уже ходит... Извините, — сказала женщина. — Мне выходить на следующей остановке. До свидания.

— Я провожу вас! — закричал я на весь троллейбус.

— Не нужно. Еще увидит кто-нибудь и передаст вашей жене.

— Но с вами так легко было разговаривать... и интересно.

Моя жена как-то странно улыбнулась, но в это время троллейбус остановился, и она вышла. А я бросился следом, извиняясь перед теми, кого нечаянно толкнул. Я догнал ее и крикнул:

— Подождите! Я пойду с вами, тем более что нам по пути.

— Вы говорите это нарочно, — сказала она.

— Нет, нет... Скажите хоть, как ваше имя?

— Вероника.

— А меня зовут Алексеем.

Она была в короткой шубке и черных сапожках, с пушистым шарфом на голове. Ей отчего-то вдруг стало

весело, и лишь раза два она задумывалась на мгновение, и на переносице появлялись морщинки. Она несла хозяйственную сумку, и я чуть ли не силой отобрал ее. Мы дошли до табачного магазина.

— Все. Дальше меня провожать не нужно. Следующий дом — мой. До свиданья, Алексей.

— Вероника, неужели я вас больше не увижу? Ну, назначьте мне свидание! Я буду ждать вас завтра возле кинотеатра в шесть часов вечера.

— Нет, Алексей. Ничего из этого не выйдет.

— А я все равно вас буду ждать! До свидания!

Я отдал Веронике сумку, и она быстро ушла. А я завернул в табачный магазин, купил сигарет и двинулся домой. Возле дома я немного постоял и только потом вошел в подъезд, предварительно выключив свой измнитель внешности.

Жена встретила меня стереотипной фразой:

— Пришел?

— Пришел, Вероника, — ответил я, и, когда чуть позже справился насчет ужина, она ответила так же стереотипно:

— Нету ничего. Ходишь бог знает где да еще обеды спрашиваешь.

— Ах, опять ты свое начала. В столовую буду ходить, если тебе жалко.

— Ладно, — примирительно сказала Вероника. — Сходи-ка лучше за картошкой, а я пока мясо поставлю варить. Я сама недавно пришла.

— Ленка на улице бегают? — строго спросил я.

— На улице.

Я взял сетку и пошел в магазин. Потом подметал пол, хлебал борщ, читая книгу, просматривал газеты, сидел у телевизора. Дочка наша уже легла спать. Вероника кончила свои домашние работы, устало опустилась на диван и спросила:

— Что там в газетах пишут?

Я, как обычно, не ответил, да она и не ждала от меня ответа. А я вдруг сказал:

— Вероника, завтра я задержусь. У меня срочное дело.

— Что еще за дело? — безразлично спросила жена.

— Да так. С человеком одним надо встретиться.

— Мне тоже надо, — вдруг сказала она.

— Странно, ты же никуда обычно вечером не ходишь...

— Ты тоже обычно сидишь вечером, уткнувшись в телевизор.

— Да я ничего. Надо так надо. Только вот как Ленка одна дома будет?

— Ой, да большая она уже! Обед на газовой плите сама разогревает.

— Ну хорошо. А во сколько ты вернешься?

— Не знаю точно. Может, в семь, может, позже.

Вопреки своим правилам, я выгладил брюки. Вероника смотрела на меня удивленно.

На следующий день без пятнадцати шесть я был уже около кинотеатра. Верный изменитель внешности, конечно, спокойно лежал в кармане. Я не очень-то верил, что Вероника придет на свидание. Мне и хотелось, чтобы она пришла, потому что я знал, она будет не такой, как дома, и в то же время я был немного оскорблен, задет, что моя жена ходит на свидание с кем-то другим. Ведь для нее я сейчас был, конечно, другим. И вот я стоял и ждал.

Она все-таки пришла. Чуть раньше назначенного срока.

Как истинный влюбленный, я бросился к ней навстречу.

— Здравствуйте, Вероника! Я все боялся, что вы не придете.

— Я просто случайно шла мимо и увидела вас, — ответила она, стараясь казаться рассеянной и безраз-

личной. Но я-то знал, что случайно в этом районе города она не может оказаться.

— А вот в кино я вас пригласить не могу, — сказал я. — Все билеты уже проданы. Если вы не будете против, то завтра я обязательно достану билеты. Соглашайтесь...

— Не знаю, что и сказать, — ответила Вероника. — Я так давно не была в кино. Но дома-то что без меня будут делать?

— А разве ваш муж не приглашает вас в кино, театр?

— Это ему и в голову не приходит.

— Вот скотина, — искренне сказал я.

— Вы действительно так думаете? — спросила Вероника.

— Да. Я так думаю.

— Тогда я принимаю ваше предложение. А что мы будем делать сегодня?

— Сегодня? На улице тепло. Можно просто побродить по Университетской роще, — сказал я. — И еще. Разрешите мне, пожалуйста, взять вас под руку.

— А вы такой же, как и все, — сказала моя жена, но взять под руку разрешила.

Мы долго гуляли по узеньким тропинкам Университетской рощи. Погода, что ли, тут виновата или лунный свет и искры на снегу? Но мне с Вероникой было удивительно хорошо. Она рассказала про свою школу, где преподавала историю, про учеников и товарищей, про директора и про подготовку к смотру художественной самодеятельности. Все в ее словах было интересным для меня. А говорила она увлекательно. Она была прирожденным рассказчиком.

Я слегка прижал ее локоть к себе. Она вся напряглась, вырвала руку и сказала:

— Алексей, ведите себя благоразумно.

И мне стало стыдно, словно я пытался соблазнить чужую жену. А ведь сейчас мне так хотелось обнять ее

за плечи и стоять, чуть-чуть покачиваясь, уткнувшись лицом в ее платок, и ничего не говорить, молчать.

— Вероника, ради бога, извините меня, — сказал я. — Со мной что-то произошло. И мне так хочется обнять вас...

Вероника холодно посмотрела на меня и сказала:

— Почему бы вам это не проделывать со своей женой?

— Почему? — задумчиво повторил я. — Если бы она этого хотела.

— Значит, только потому, что ваша жена не хочет ваших объятий, вы и пригласили меня сюда?

Я испугался. А вдруг она сейчас уйдет и никогда не будет больше этой ночи, этих деревьев, ее тихого голоса, скрипа шагов. Ничего больше не будет.

— Вероника, — сказал я. — Мне хорошо с вами. И моя жена тут ни при чем. Не уходите. Пусть этот вечер будет счастливым.

— Моему мужу тоже никогда не приходит в голову обнять меня, — вдруг сказала она. И я чуть не сел в снег.

Она протянула мне руку, и мы побежали, как когда-то, лет десять назад, прямо по целине, проваливаясь чуть ли не по пояс, и даже упали в сугроб и долго барахтались, пытаясь выбраться. А когда наконец нашли аллею, то были все в снегу, как дед-мороз и снегурочка. Я отряхнул ее, но снег попал ей за воротник, и она смешно съежилась, полуоткрыв рот. Губы ее были совсем рядом, в трех сантиметрах от моего лица. И глаза у нее были закрыты, но я не осмелился поцеловать ее. Я боялся, что она рассердится и прогонит меня.

Возвращались мы, взявшись за руки, как мальчишка и девчонка. Я проводил ее до подъезда. Мы стояли еще минут пять, потом она сказала:

— Я замерзла. Уходите, Алексей.

— Завтра в шесть. Там же. Не забудьте, Вероника, — сказал я.

Она кивнула и убежала в подъезд. А я постоял еще немного, потом дошел до табачного магазина, купил там сигарет и вернулся домой. Перед дверями на лестничной клетке вытащил свой изменитель внешности, выключил его. И так мне захотелось швырнуть его куда-нибудь подальше или просто растоптать! Но почему Вероника дома со мной не такая, какой была сегодня в Университетской роще? Все из-за этого идиотского изменителя внешности. Но я не выбросил и не растоптал его. Пусть хоть ей будет хорошо.

Когда я зашел в квартиру, Вероника что-то пела на кухне, но сразу же смолкла, увидев меня. Она уже переделалась в старенький халатик и домашние туфли. И вообще она стала обычной, какой я привык ее видеть всегда. Я тоже переделался, напялив свое вылинявшее трико, висевшее на мне мешком, и заглянул на кухню.

— Еще ничего не готово, — сказала Вероника машинально.

Я взялся за газеты. Прибежала с улицы Ленка и тоже спросила ужин. Вероника рассердилась и крикнула мне, чтобы я сыграл с дочерью в шашки. Мы сыграли три партии, причем все три я проиграл. Я никогда не мог постичь премудрости этих шашек. Потом мы сели ужинать, и жена спросила:

— Что нового на работе?

— А-а, — сморщился я. — Все по-старому. А у тебя?

— Что в школе может быть нового? — ответила она.

И я подумал: действительно, ну что там может быть нового и интересного? За ужином, как обычно, нас развлекала Ленка. У нее был неистощимый запас историй, но ее иногда нужно было поддерживать, поддакивать, вставлять вопросы, удивленно вскидывать брови, а мне так хотелось плюхнуться в кресло перед телевизором.

После ужина жена сказала:

— Я завтра после работы задержусь часов до де-

вяти. Ты бы помог на кухне. А то завтра некогда будет...

— Да? — удивленно сказал я, и на мгновение сладко сжалось сердце: неужели и завтра возле кинотеатра она будет такой же чудесной, удивительной женщиной, как сегодня в Университетской роще. — А мне что же, дома прикажете сидеть?

Я заметил, что она вдруг испугалась, а потом сказала сухо и неприязненно:

— Можешь раз и посидеть.

— Не могу, завтра много работы.

— Так ты поможешь мне?

Еще бы я не помог! Да я бы все сделал, чтобы увидеть ее завтра у кинотеатра. Вероника распределила обязанности, и мы быстро управились с делами.

И снова на следующий день я ждал ее возле кинотеатра. Она пришла в хорошем настроении. У меня чуть ноги не подкосились, когда я увидел ее. Да и сам, я это чувствовал, стал не таким сутулым и серым, как дома. Я тоже хотел быть красивым, хотел нравиться ей.

Я даже не запомнил, какой кинофильм показывали в тот вечер. Мы сидели в темном зрительном зале. Кто-то украдкой щелкал орехи, кто-то хрустел оберткой шоколада, некоторые вслух комментировали события, происходящие на экране, кто-то сдержанно храпел, а перед нами сидела парочка и целовалась в открытую. А я думал только о том, как бы мне осмелиться и взять ее ладонь в свою.

Я осторожно протянул руку и нашел ее пальцы. Я чуть-чуть, едва заметно погладил их. Вероника вздрогнула. Тогда я взял ее руку в свою, и она позволила мне это. Потом она повернула ладонь вверх и сжала мои пальцы.

Как я любил ее сейчас! Почему ее рука, которую я видел тысячи раз, сейчас привела меня в трепет? И ее едва заметный в темноте профиль, такой знакомый и такой необычный сейчас... Она вдруг погладила мою

руку и прижалась к плечу. А я был счастлив. События, происходящие на экране, потеряли для меня всякий интерес. Я сидел и смотрел на ее лицо. Я любил ее.

Из кинотеатра мы вышли оба притихшие. Надо было что-то сказать. А что? Вам понравился кинофильм? Нет. Таких вопросов я задавать был не намерен. Я просто обнял ее за плечи. Она попыталась вырваться, но только один раз. И когда я еще крепче прижал ее к себе, она повернула ко мне лицо и сказала как-то тихо, нерешительно, словно оправдываясь:

— Глупая я...

— Нет, — сказал я. — Ты чудесная. И если твой муж тебя не любит, то он просто дурак.

— Алеша, не будем говорить об этом. Скажи лучше мне что-нибудь хорошее.

— Вероника, моя милая. Все слова глупые. Разве скажешь, что творится у меня в душе. Как сказать, чтобы ты поверила? Ведь я люблю тебя.

— Я знаю, Алеша. Но все равно говори. Говори.

— Странность какая-то происходит. Ведь я вижу тебя всего третий раз, а уже не утерпел и объяснился в любви. Все в тебе какое-то необыкновенное. И слова, и лицо, и глаза, и ресницы, и мысли. Иногда мне кажется, что я знаю тебя много-много лет. А потом опомнюсь — да нет же, всего три дня как знакомы. Ну кто знает, как приходит любовь? У меня и жена, и дочь. А я вот хожу с тобой. И хотелось бы мне быть рядом с тобой всю жизнь. И каждый день мне было бы интересно с тобой. Ну скажи, ты хочешь, чтобы я любил тебя?

— Хочу, — сказала Вероника. — Мне кажется, я всю жизнь ждала этих дней. Ну зачем жить, когда тебя никто не любит?.. Мне будто только что двадцать лет исполнилось... А вдруг все это сегодня и кончится? Я уже привыкла ко всему. И к тому, что меня муж не любит, и к работе, и к домашним делам. Это не тяготит, но и радости не приносит. А сейчас все взорвалось.

Я приду домой и буду плакать. Ты такой ласковый и добрый. Я чувствую, что ты любишь меня. Неужели это пройдет? Мне так хорошо с тобой, что лучше бы я тебя не встречала. Нелогично, правда?

— Правда. Только ну ее к черту, эту логику. С тобой хоть на край света.

— Мне когда-то это же говорил мой муж. Десять лет с тех пор прошло. И край этот оказался так близко, что ему и одного шага не надо делать. Не надо идти.

Я развернул ее к себе. Ну конечно! Она плакала.

— Не плачь, Вероника. Это потому, что тебя муж не любит?

— Я тебя люблю, Алеша. Не надо мне ни мужа, ни кого другого. Я тебя люблю. Не отпускай меня... И мне тоже кажется, что я знаю тебя давным-давно... Ну, поцелуй же меня!

Мы стояли посреди тротуара и целовались. Мне было тридцать четыре года, а ей — тридцать два. Шел мягкий снег. И фонари на столбах огромными конусами света выхватывали этот снегопад из темноты. А мимо шли взрослые люди и всякие юнцы, молоденькие девушки и думали, наверное, про нас черт знает что.

— Отпусти, — сказала Вероника. — Я вся задохнулась.

— Я понесу тебя на руках, — сказал я.

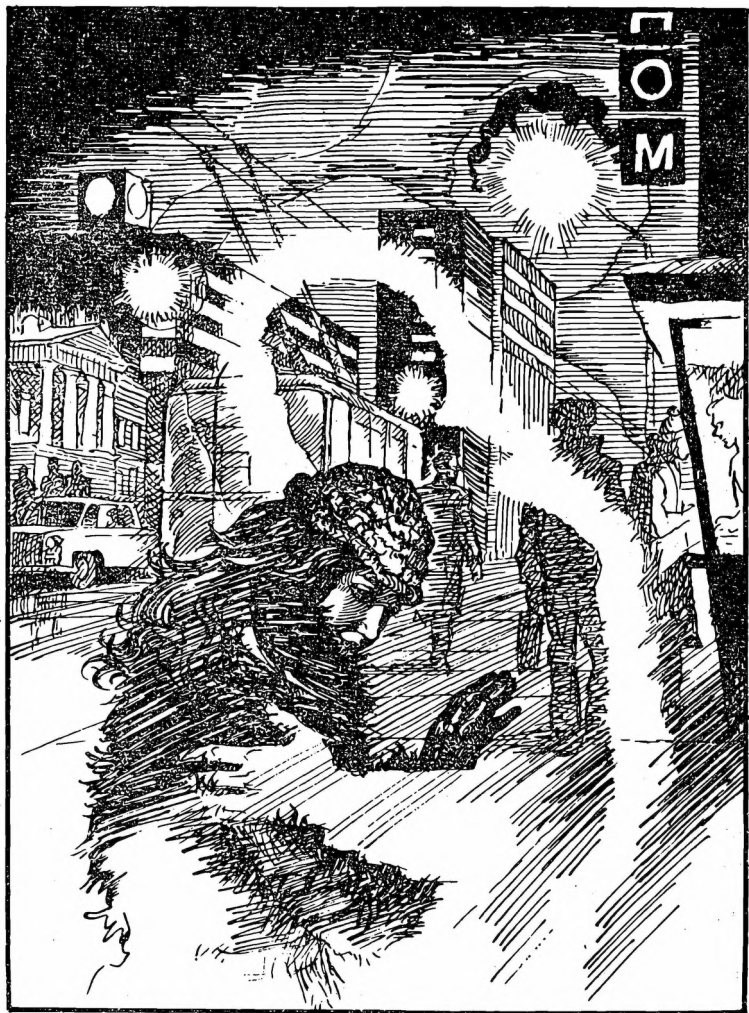
— Не дури.

Но я все-таки поднял ее на руки, прошел два шага, поскользнулся и упал. Вероника засмеялась, она не сердилась на меня.

— Эх, Алеша. Лет десять назад нужно было носить на руках.

— Ай-яй-яй! — сказал какой-то прохожий. Это потому, что мы все сидели на снегу.

— Извините, — рассмеялся я. — Сейчас поднимемся. — Мы поднялись и пошли дальше. И через каждые десять шагов я останавливался и целовал ее в губы,

в щеки, в замерзший нос и ресницы. Она не противилась. Она хотела этого.

Так мы дошли до нашего подъезда.

— Алеша, уходи, — сказала моя жена. — Мне все-таки нужно домой. Муж придет, сразу есть захочет. Да и Леночка одна... Уходи.

— Нет, я не отпущу тебя. Мне плохо без тебя. Я же умру без тебя.

— Ну хорошо. Еще пять минут.

Мы простояли полчаса. И мне никогда не было так хорошо. Может быть, только тогда, когда я поцеловал ее в первый раз. Мы познакомились Первого мая. А через неделю я поцеловал ее. И она не отшлепала меня по щекам, не прогнала, не сделала вид, что я обидел ее. И тогда мы простояли до утра, и слов было сказано мало, только самые нужные. Да и некогда было говорить. Потом мы поженились. И вот прошло уже столько лет...

— Ты замерз? — спросила Вероника.

— Нет, нет. Я несколько не замерз.

— Пошли в подъезд. Здесь столько прохожих.

В подъезде было темно, какая-то парочка метнулась вверх. Здесь было тепло, но все равно я распахнул пальто, расстегнул ее шубу и прижал Веронику к себе. Она то принималась плакать, и тогда я целовал ее мокрые глаза, и она успокаивалась, то вдруг начинала гладить своими теплыми ладонями мое лицо, и я боялся шелохнуться, чтобы не спугнуть ее нервные пальцы.

Потом она резко вырвалась и сказала:

— Все. Уходи.

— Где я завтра увижу тебя?

— Алеша, ты действительно еще хочешь видеть меня? Я тебе не надоела?

— Что ты говоришь?! — замахал я на нее руками. — Как только в голову-то тебе это пришло?

— Давай встретимся в Лагерном саду, — сказала моя жена. — Завтра суббота. Леночка уйдет во вторую смену в школу. Давай в двенадцать.

— Спасибо, милая.

— Ну а теперь иди. Тебя, наверное, дома ждут... Иди, иди...

Она убежала, и я снова вышел на улицу и направился к табачному магазину. Но на этот раз он был уже закрыт.

Прохожие удивленно смотрели на меня. А мне и самому сейчас казалось, что я похож на ходячий эталон счастья.

Я выключил изменитель внешности и открыл дверь квартиры. Тишина. Леночка уже спала. Я включил свет. Из кухни вышла Вероника. В стареньком халатике, какая-то маленькая, с заплаканными глазами.

— Ты где это бродишь до полуночи? — спросила она меня.

Вот она какая спокойная. А ведь только что целовала меня в подъезде. Нет. Любить мужа, очевидно, нет смысла. Меня как обухом по голове стукнули. Ведь она и целовала и любила не меня, а того, другого Алешку. На меня она и взглянуть ласково не хочет. Я почувствовал, как снова ссутулилась моя спина, и я стал серым-серым, скучным-прескучным.

Я нехотя сказал:

— На работе задержался. Испытания заели...

— Испытания заели! — вдруг крикнула жена. — А на лице у тебя тоже испытания?!

— Что, что у меня на лице? — испугался я.

— Посмотрись в зеркало!

Я так и сделал. Все лицо у меня было покрыто следами губной помады. Да-а... Исцеловали меня крепко.

— Господи, ну что же делать? — Вероника чуть не плакала. — Ну зачем ты говоришь, что был на работе? У тебя ведь женщина есть! Зачем ты так?

Все ясно. Все эти три дня она, конечно, не узнавала меня, теперь мне не оправдаться. И я взорвался:

— Послушай, дорогая. Ведь это же твоя помада! Ты не узнала меня, потому что я купил изменитель внешности. Ты меня не любишь. Это я, я тебя люблю! Три дня счастья — это, наверное, очень много для меня.

— Какой еще изменитель внешности? — удивленно спросила она.

— Вот такой. — Я достал из кармана пластмассовую коробочку. — Вот я перед тобой обычный, давно надоевший, скучный, некрасивый. А вот я нажимаю кнопку и становлюсь красавцем, которого ты сегодня и целовала в подъезде. Теперь поняла?

— Поняла, — засмеялась она. — Ты посмотришь в зеркало.

— Нечего мне смотреться. Все и так известно.

Но она все-таки настояла, и я взглянул в зеркало. На меня смотрело все то же лицо, мое собственное. Изменитель внешности был неисправен.

— И ты все время знала, что я — это я?

— Конечно, знала. Удивилась только сначала, что это с тобой произошло... Алешка, так, значит, счастье еще будет?

— Будет, Вероника. Есть уже.

— Ага! Значит, сначала вы ходите весь вечер где-то, а потом целуетесь! — Это Ленка появилась в дверях спальни комнаты. Она была в ночной рубашке и босиком.

— Лена, марш спать! — скомандовал я.

— Ага! Я спать, а вы тут целоваться будете!

— Ну ладно, — сдался я. — Давайте пить чай. А потом устроим танцы.

Мы занялись приготовлением чая. И всем было хорошо и весело.

— Кого это мы спугнули в подъезде? — спросил я у Вероники.

— Они целовались? — строго спросила Леночка.
— Кажется, да, — замялся я.
— Тогда это были Медведевы.
— Медведевы? — удивилась Вероника. Да и я не поверил:

— Им же ведь уже по сорок лет!
— Ну и что же, — сказала Леночка. — Если они любят друг друга.

Мы с Вероникой понимающе переглянулись.

А на другой день я вскрыл злополучный изменитель внешности. Этого можно было и не делать, достаточно было взглянуть на паспорт приборчика. Он был выпущен тридцатого ноября. А уж я-то знал, что выпускают некоторые заводы тридцатого ноября.

Потом Леночка ушла в школу, а мы с Вероникой отправились в Лагерный сад. Мы очень спешили на свидание друг с другом.

ДВА ВЗГЛЯДА

На скамейке Лагерного сада сидел человек средних лет и курил сигарету. Человек чувствовал себя уютно, чему немало способствовала солнечная и теплая погода начинающегося бабьего лета. По аллеям и дорожкам сада неспешно прогуливались люди. Да и то сказать... Куда здесь было спешить? Разве что к обрыву, который когда-то опасно срезал берег Маны, а с недавнего времени стал объектом раскопок и стесываний согласно генеральному плану городского архитектора. В скором времени обрыв должен был превратиться в плавно спускающиеся к реке террасы, облицованные гранитом.

Человека звали Петром Ивановичем. Работал он старшим преподавателем кафедры аналитической хи-

мии в политехническом институте, что отстоял от Лагерного сада всего на каких-нибудь сто метров. У Петра Ивановича было «окно» между двумя занятиями. Домой идти не хотелось, да, по правде говоря, его никто и не ждал там в такое время. Вот он и сидел, рассеянно глядя в заречье, разноцветьем уходящее в какую-то беспредельность туманно-сиреневого цвета с чуть заметным золотистым оттенком.

Особые заботы не отягощали его умиротворенную сейчас душу. Предстоящее занятие не вызывало тревог. А обыденные дела унеслись куда-то прочь, словно дав своему хозяину возможность полтора часа побыть наедине с природой. На уединение здесь, конечно, рассчитывать не приходилось. Но вид проходящих мимо людей не раздражал. Напротив, все казались милыми и добрыми, удивительно молодыми и интересными. Словно ласковость какая-то спускалась на людей в Лагерном саду. И бабушки с детскими колясками, в которых преспокойно спали их внуки и внучки, выглядели не старушками, а лишь чуть пожилыми женщинами, все девушки были сказочно красивыми, парни сильными и, конечно же, возвышенными душой, дети веселыми, но не шумными.

«Хорошо-то как, — подумал Петр Иванович. — И правильно. Жизнь должна быть солнечной и красивой. Вернее, в жизни может быть всякое. Но все же хорошо, когда она такая счастливая».

Петр Иванович загасил сигарету и откинулся на спинку скамейки. Все, все сейчас было хорошо. А если впереди и маячили какие-то трудности и неприятности, то ведь на то он и человек, чтобы их преодолевать, бороться, не хныкать, а действовать. Золотое марево застлало глаза, и музыка гордо умирающего леса, цветов и трав переполнила его существо, захлестнула и на невидимых, невесомых крыльях вознесла в вышину неба. Петр Иванович сидел с закрытыми глазами. Он знал, что этих полутора часов ему теперь хватит даже на про-

тивную слякоть октября. Мысли, какие-то общие, не конкретные, но важные и необходимые, скользили в его голове. Так в нем создавалась какая-то психологическая установка на ближайшее будущее.

И вдруг словно черная тень перечеркнула спокойное течение мыслей.

Что-то случилось...

Петр Иванович открыл глаза и выпрямил спину, огляделся по сторонам. Ничего вокруг не изменилось. Так же теплыми лучами светило полуденное солнце и что-то шептал ветерок с реки, запутавшийся в шелестящих ветвях берез. Все те же бабушки, что и минуту назад, катили в разноцветных колясках своих внучат, все те же девушки и парни беспечно прогуливались по дорожкам. И все же что-то изменилось.

Настроение...

Почему-то исчезла легкость в душе. И сияние золотого леса уже не казалось чудом, а лишь последним усилием умирающей природы, безнадежным и словно бы лживым.

Перемена в настроении была неожиданной и неприятной. Все предыдущее уже начало казаться пустой фантазией, самовнушением, простой припиской к действительности, которая на самом деле обыденна и примитивна. Петр Иванович попытался вернуть прежнее настроение, что ему и удалось, но лишь на секунду, не более. И тем оглушительнее показалась снова наступившая безжалостная пустота вокруг. Мимо прошла старуха, еле переставляя ноги, рывками двигая перед собой коляску, в которой надрывался в плаче ребенок. Девушка, злая и некрасивая в своей злости, кричала на парня. А тот лениво и отсутствующе теребил противную бороденку, совсем не идущую ему. Ребятишки затеяли возню, очень уж похожую на обыкновенную драку.

Мир рассыпался на глазах.

Да что же это, удивился Петр Иванович. Конечно, подумал он, я смотрю на все не так, как другие. Я вижу не так. Но ведь это и естественно. Нет двух одинаковых взглядов на окружающее. Есть сходные, похожие, но не абсолютно же! Я населяю мир своими образами, но ведь не могу же я сделать злую девушку доброй, а с трудом бредущую старуху вполне еще приятной женщиной.

Испуг проходил. Что-то возвращалось. Что-то прежнее, светлое и радостное. И тот парень с уродливой бородкой вдруг схватил свою девушку под мышки, что-то шепнул ей, причем, когда он говорил, бородка очень даже шла ему, и закружил девушку на месте. И с каждым оборотом улетучивалась злость девушки и делались красивее черты ее лица, уже радостного и счастливого. А глядя на них, и старушка зашагала бодрее, стала даже чуть выше ростом, ребенок в коляске перестал заливаться плачем, а ребяташки уже не дрались, а с пронзительным криком неслись к кустам. Кричали они от восторга, потому что кому-то из них пришла в голову интересная мысль о новой, наверняка никому ранее не известной игре.

Мир восставал из праха. Но Петр Иванович чувствовал, как все напряглось в его душе, как ему приходилось насильно удерживать чуть было не погибшее настроение. А мысль о необходимости усилий убивала сами усилия, напрасно растрчивала силы.

К студентам идти было еще рано. Но и сидеть здесь уже не имело смысла. Петр Иванович нагнулся было за портфелем, с тем чтобы уйти из Лагерного сада как можно скорее и даже не глядя по сторонам. Это, конечно, явилось бы маленьким поражением. Но ведь и вся жизнь состоит из поражений и побед. Стоит ли обращать внимание на происходящее вокруг. Достаточно и того, что студенты снова не подготовятся к занятиям, и нужно будет думать, что делать, чтобы два часа не пропали даром.

— Разрешите присесть, — раздалось рядом с ним.

Петр Иванович вздрогнул и поднял голову. На скамейку, впрочем, и не дожидаясь разрешения, уже сел молодой человек, стройный, с очень красивым лицом, одетый просто, но с какой-то неуловимой на первый взгляд претензией на изящество.

— Пожалуйста, — растерянно ответил Петр Иванович, так и не нагнувшись за портфелем, стоявшим на асфальте рядом со скамейкой.

Молодой человек просвистел что-то веселое и насмешливое.

— Сдыхает природа-мать, — внезапно сказал он с какой-то ленью в голосе, так не вязавшейся с его только что звучавшим бравурным свистом. — И ладно.

Он не обращался непосредственно к Петру Ивановичу, но тот счел необходимым возразить странному молодому человеку:

— Почему же сдыхает? Природа увядает. И происходит это всегда с великим достоинством.

— Только дерево, умирая, благоухает, — процитировал молодой человек.

— Да, это так, — не нашелся что ответить еще Петр Иванович.

— Бред собачий, — уверенно произнес молодой человек.

— Отчего же бред? — спросил Петр Иванович и чуть было не вздрогнул еще раз, встретившись с глазами незнакомца.

Да только незнакомца ли? Ведь и в первый раз он вздрогнул не от того, что вопрос прозвучал внезапно. Нет. Голос был знаком. Удивительно знаком. Но среди приятелей Петра Ивановича, голоса которых врезались бы ему в память, таких молодых не было. Друзья старели вместе с ним. И еще этот взгляд, гнетущий, тяжелый, подавляющий, так не идущий к элегантному виду самого незнакомца. Нет, не незнакомца...

Отгадка была где-то уже совсем рядом. Несомненно, что и тот узнал его или делал попытки вспомнить, где же они встречались. Причем не случайно, а часто, напоминающе.

— Постойте-ка! — воскликнул молодой человек. — Уж не Ветругин ли ваша фамилия?

— Ветругин, — подтвердил Петр Иванович, и что-то оборвалось в его сердце. Он вспомнил. Вернее, не вспомнил, потому что он никогда не знал этого молодого человека, он знал его отца. Давно, лет двадцать назад. И радости ни от этого знакомства, ни от этой встречи не было. — А вы — Расковцев...

— Расковцев, Расковцев, — подтвердил молодой человек.

— Удивительно, — пробормотал Петр Иванович.

— Это уж точно. Удивительно, как вы похожи на своего сына. Мы с ним одно время были хорошо знакомы, учились в университете.

— У меня нет сына, — сказал Петр Иванович.

— Как же! — воскликнул Расковцев. — Петька. Мы же с ним в одной группе учились. Вы же Ветругин? Иван... э-э... Отчество ваше не помню. Вернее, и не знал никогда.

— Петька... Петр Иванович — это я и есть, — сказал Ветругин.

— Но ведь не может же быть, чтобы и фамилия совпадала, и лицо. Согласитесь... Да ведь и вам моя фамилия знакома!

— Извините, — пробормотал Ветругин, — мне нужно идти. — Но даже не сделал попытки встать. Уйти было необходимо и в то же время никак нельзя. А в чем тут дело, он еще не понимал. Двадцать лет, вдруг дошло до него.

— Двадцать лет! — пораженно воскликнул он. — Вы говорите, что учились с неким Ветругиным в университете. Где же это было?

— Здесь, в Усть-Манске. И действительно двадцать лет назад.

— Это я двадцать лет назад учился в университете, — твердо сказал Петр Иванович.

— Вы?! — расхохотался молодой человек. — Вы... вы двадцать лет назад учились в университете?! — Он задышался от смеха. — Но ведь на очное отделение принимают до тридцати пяти, а вам двадцать лет назад было уже, наверное, за сорок. Вы что-то путаете, папаша!

Сердце у Петра Ивановича сдавило безжалостно и больно. Уйти, скорее уйти. Но мысль, зарождавшаяся, еще не оформившаяся даже в догадку, удержала его.

— Мне тогда было двадцать лет, — просто сказал он.

— Двадцать?! — удивился молодой человек. — Двадцать... Что же это получается? Выходит, что это я с тобой учился!

— Евгений, — не то спросил, не то сказал утвердительно Петр Иванович.

— Петька! — вскричал молодой человек. — Петька! Ну ты сдал, сдал... Куришь, пьешь, прожигаешь жизнь! Спортсом не занимаешься!

— Женька, — тихо сказал Ветругин. — А мне показалось, что ты — это твой сын.

— Сын, сын, есть и сын, — подтвердил Расковцев. — Пьет, негодяй. На себя не похож. Восемнадцать лет, а уже развалина.

— Отчего же так? — искренне огорчился Петр Иванович.

— Я, видишь ли, тому причиной. Во взглядах на окружающий нас мир мы расходимся. Поэтому, живя со мной в одной квартире, он не пить не может. А пусть уходит!

— Как же это так? В восемнадцать лет...

— И ушел ведь уже, негодяй. На глаза не показывается. Пить, говорят, бросил. Передавали мне его высшую мечту: никогда не встречаться с отцом. Вот ведь воспитала школа! Семья, скажешь, куда смотрела? А туда и смотрела! Ленка-то... Помнишь Ленку?

— Нет, — едва слышно ответил Петр Иванович.

— Ну, да она появлялась у нас в общежитии... Не помнишь, что ли? Склероз? С биолого-почвенного. Хохотунья была...

— Хохотунью помню...

— Поженились мы. Через пять лет умерла. И никакой болезни не нашли. Медицина! Сам не будешь здоров, врачи не вылечат!

Петр Иванович пристально взглянул на Расковцева. Да... Женьке врачи не нужны. Это уж точно. Молод и вызывающе здоров. Расковцев перехватил взгляд. Что-то на мгновение смешалось в нем, какой-то импульс неуверенности выдали его глаза. Но он тотчас же овладел собой и долго не отводил своего тяжелого взгляда. Петру Ивановичу стало страшно. И уже чувствовал он, как сникает, надламывается, стареет, словно время понеслось вскачь.

— Ты чего, Петька, — не выдержал Расковцев. — Ты это... Врачи не вылечат, если сам не будешь здоров.

Петр Иванович молчал.

— Странный у тебя взгляд, — все же смешался Расковцев, — словно любишь ты меня всей душой, словно силу мне какую отдаешь. Да ведь только мне ничего от тебя не надо. Я и без тебя силен. Я, если хочешь знать, и не болею даже никогда. Я себя держу в норме. Да что с тобой, Петька?!

— Значит, умерла Елена? — только и спросил Ветругин.

— Сам не будешь здоров, не вылечат. Ничего не помогло.

— Не помогло, значит? — переспросил Петр Иванович. Он уже не смотрел в глаза Расковцеву, глядел

мимо его лица, так, рассеянно, ни на чем сознательно не останавливаясь, но видя многое. Все тот же гордо увядающий лес, незнакомых, но очень симпатичных ему людей, свет в их настроении, легкость движений, понятное дружелюбие. Или не видел, а чувствовал? И даже не чувствовал, а хотел, чтобы так и было в этот чудесный и чуть было не испорченный осенний день. Но он чувствовал и другое. Стон деревьев за спиной, раздраженный разговор, слов которого невозможно было разобрать, крик заходящегося в плаче ребенка. И туда, за его спину смотрел Расковцев.

— Эх, люди, — донеслось до Петра Ивановича. — Слизняки, моралисты! Жизнь в силе, а они ее хотят лаской взять. Разговоры, дебаты, дискуссии, любовь, дружба до гроба, каждый человек — Человек. — Расковцев сделал на последнем слове ударение. — На уме-то у людей грязь, дрянь! Да я любого насквозь вижу. Я все нутро его чувствую. Яви он его миру, так на него как на прокаженного смотреть будут. А так он идет, и в морду ему не смей!.. Да что в морду? Морду-то он оботрет, умоет. Снова чистым станет. А вот в душу ему, в душу! Душу-то не ототрешь! Не-ет, не ототрешь...

Петр Иванович посмотрел Расковцеву в глаза. И не хотелось этого делать, и было зачем-то нужно. Расковцев вильнул было взглядом, но выдержал, рассмеялся даже, сказал:

— Да нет, Петька, ты не думай ничего такого. Я в души людям не плюю. Я на них просто... Живут и пусть живут. Мне-то что? Они меня не спрашивали, так что и мне дела нет до них. Ну уж ты-то, по глазам видно, людей, человечков то есть, любишь. Любишь, любишь! Не отказывайся. Ты на этом уже и религию себе построил, и богу-то своему молишься. А если кто шарахнет тебя, так у тебя и объяснение, оправдание готово. Потому как человек человеку брат и все такое прочее...

— Закрой, Женя, глаза, — попросил Петр Иванович.

— Что закрыть?

— Глаза, говорю, закрой.

— Ишь ты! Я закрой, а ты мне по морде и след твой простыл.

— Ты, Женя, руки мне свяжи... Для страховки...

— Хе-хе... Нет, Петька, ты не ударишь. Не ударишь, не ударишь! Ты сам себя ударить позволишь, а уж другого ни за какие коврижки.

— Закрой, — попросил еще раз Петр Иванович.

— А мне на тебя смотреть хочется. Ты меня ободряешь. Ведь сил уже нет иногда смотреть вокруг. Тошно. А ты вот словно омолодил меня. Приятно и правильно.

— Закрой, закрой, — шепотом сказал Петр Иванович. — А сам слушай. У тебя слух тонкий, я знаю.

— Чудишь, Петька, — недоверчиво сказал Расковцев. — Ну, если уж ты очень просишь, — и на мгновение закрыл глаза.

На мгновение словно что-то вздохнуло облегченно в душе Петра Ивановича, но Расковцев уже открыл свои глаза.

— Ну и что?

— Мало. Ты закрой и слушай.

Расковцев было замаялся, но подчинился.

Ветругин смотрел в молодое лицо своего бывшего друга, но сам весь сосредоточился на слухе и именно на звуках, которые раздавались за его спиной. Там что-то менялось. Ребенок ли замолчал, лес ли перестал стонать... Или еще что... Но там все менялось. Менялось! Уходила тоска, уходило недовольное, злое, этим и несчастное. Расковцев было шевельнул веками, но Петр Иванович шепнул: «Слушай», и тот снова подчинился. И недовольно сложенные губы его расплылись в улыбку.

И тут все кончилось. Расковцев открыл глаза и пристально уставился на Петра Ивановича.

— Слышал? — спросил Ветругин.

— Что я слышал?

— Вот именно. Что ты слышал?

— Лес шумел, смеялся кто-то... не помню еще что.

— А сейчас?

— Шумит. Что ему не шуметь. Сдыхать будешь, так поневоле зашумишь, заорешь, взвоешь.

— И все?

— Ты это брось, Петька. Конечно, с закрытыми глазами минор, идиллия, да только ведь с закрытыми глазами век не проживешь. Жизнь нужно бдить зорко. Нет уж, пусть другие на нее глаза закрывают, а меня так просто не возьмешь.

— А ты когда-нибудь раньше закрывал глаза? Просил кто-нибудь тебя об этом?

Расковцев посмотрел на Ветругина подозрительно.

— Закрывал. Лена просила. Она, когда умирала, я, само собой, рядом сидел. Смотрю, смотрю на нее, а она и скажет: «Закрой глаза». Не отвернись, а именно: закрой глаза. Закрывал. Тут вроде последней воли, отказать нельзя.

— Значит, просила она тебя?

— Просила, ну и что? Тебе-то что до этого?

— Ничего, — пожал плечами Петр Иванович. — Еще кто из твоих знакомых или друзей, родственников умер или рано состарился?

— А! Все старятся. Мрут как мухи! И чего людям не живется? На работе и в подъезде «последние прощания» уже надоели. Хоть увольняйся и съезжай с квартиры. Кругом одни старики и старухи. Язва какая-то моровая. Мы вот с тобой одноклассники, а разве кто поверит? Тебе все шестьдесят, если не больше, а мне так тридцать дают. Никто и не верит, что мне уже сорок.

— Тебе сейчас даже двадцать можно дать.

— Двадцать? Ну, двадцать не внушает доверия. А к тридцати и я, и все другие уже привыкли.

— Я пошутил. Ты, Женья, выглядишь ровно на тридцать.

— Это уж точно, — довольно расхохотался Расковцев. — А зачем все-таки просил меня глаза закрыть? Взгляда не выдержишь? Все люди так. Ты на него посмотрел, а он аж весь съежился, посерел, морщинами покрылся, волосы поседели. Мразь на душе у людей, вот они и не любят, когда на них в упор смотришь. И ты не любишь...

— Ты смотри, Женья, смотри и рассказывай. Про себя говори, про друзей, знакомых. Мне это интересно. И я на тебя смотреть буду. И здорово-то как! Нашлись на земле два человека, которые друг другу в глаза смотрят и взгляда не отводят.

— Да ты всерьез, что ли?

— Совершенно всерьез. Кто там у нас еще в группе-то учился?

— В группе? Леонидов. Работал я с ним с годок. Вообще-то я там дольше работал. А вот он со мной с годок.

— Умер?

— Сердце не выдержало.

— Еще кого видел? С кем работал? Ты говори. Интересно...

Расковцев начал рассказывать, но Ветругин плохо его слушал. То есть он, конечно, слушал, но в то же время думал о своем. Смятение, догадка, доказательство... Ведь Расковцев своим взглядом убивал людей. Не мгновенно, это бросилось бы глаза. Медленно, сам того не сознавая. Или сознавая? Нет, скорее всего невольно. Но от этого не легче. Что же делать? Связать? Обманом увести в милицию? Вот вам, дорогие товарищи сотрудники милиции, убийца. Своим взглядом он убивает людей! Нелепость. Свести его к светилам медицинского мира? Во-первых, не пойдет, а во-вторых, как исследовать эту

способность? Где аппаратура, соответствующая случаю? Да и на время эксперимента он ведь может и задавить в себе эту способность, скрыть ее.

А в груди что-то разрасталось болью.

— ...вот я и говорю, спортом-то он ведь почти и не занимался. Все некогда, все работа, все люди...

Убить его. Слово-то какое! Ведь убить зло, но все равно — убить! Тут самое простое и понятное — не справлюсь. Но хоть руку подниму. Руку подниму на зло, а для других — на человека. На глазах у детей, у молодых людей, на глазах у людей просто. А как им понять? Как им объяснить? Зло уничтожить злом! Или добротой? Ах, как это сложно. На добро отвечать добром — это понятно. А на зло злом? Бороться со злом его же оружием? Да не становишься ли ты сам при этом по другую сторону роковой черты? В бою — понятно, хоть и страшно. Страшно не страхом, а душевной болью. Там запальчивость, там вера, там правда. А здесь? Когда зло незаметно, когда невозможно показать его людям явно. Когда при одном только намеке чудовищем в глазах других окажешься сам...

— Ну и взгляд у тебя, Петька...

...но и оставить все так нельзя. Что же делать? Следить за ним? Не спускать глаз? Но ведь зло тем и выигрывает, что добро в честной борьбе с ним отдает ему свою силу. А само зло так не поступает. Оно совершеннее, оно более прииспособлено, оно вправе пользоваться всеми запрещенными приемами, а добро только честностью. Оно не может перенять подлые приемы борьбы, иначе превратится в свою противоположность...

— Я перестану рассказывать, если ты будешь на меня так смотреть!

— Нет-нет, продолжай, Женья.

— У меня же все в душе переворачивается от твоего взгляда!

В этом и слабость добра. Когда наступит полная победа? И наступит ли? Все же наступит, иначе зачем бороться. Добро доброе. И не потому ли оно иногда терпит поражение, что все же преступает черту и зло, как феникс, возникает из противостоящего ему добра. Так что же ему остается? Что же остается добру?..

— Ты, Петька, думаешь, что я не понимаю, не чувствую!

Что остается добру? Чему оно может приказывать?.. Боль, боль, боль... На кого оно имеет права?.. Невероятная боль... Только себе... Такой боли и не бывает... Только себе! Добро, оно в себе и для других... Что же это... боль... Значит, можно пожертвовать только собой... Только честно, чтобы зло само превратилось в добро... Черта с два! Черта с два оно превратится! Черта с... два... Как это... бо...

— Больно, Петька! Что ты со мной делаешь?!

Зло, послушай боль, боль добра. Добро, оно хрупкое, оно нежное, его сломать — пара пустяков, ну раз плюнуть. Оно для других красиво. А внутри-то ведь оно — сама боль!

— Пе-е-е!!!

Оно ведь какое!.. Оно ведь все отдает, оставляя себе только боль. А если все вокруг — добро...

— Нет, Петька, нет! Не от этого умерла Лена. Не от этого!

У добра есть тихая, спокойная, благородная работа... Есть и проще... несложная... Трудная... Есть и невыносимо трудная... Ах, как больно... Но если мгновение! Если на раздумья только миг! И миг кончается...

— Она просила меня не смотреть на нее. Я знал и не знал... Я и сейчас знаю и не знаю... Так это правда?!

— Правда, — через силу прошептал Петр Иванович.

— Не верю. Никогда не поверю. Не могу поверить... Не вынесу... Да и не хочу! Никогда не захочу!

А ведь был выход... Просто уйти... Всего хорошего, Женья... Может, еще и встретимся... Боль... последняя... конечная... никогда уже не будет боли.

Свет и тьма...

Когда к Лагерному саду подкатила «скорая», возле скамеечки уже собралась обычная толпа. Переговаривались, шептались, вздыхали. Но никому не пришло в голову заплакать. Жаль, конечно. Но ведь бывает. Умер вот старичок... Сердце, что поделаешь. Стремительный век.

Лишь один человек вел себя странно. Молодой, атлетически сложенный, он все время жмурился, хотя и стоял спиной к солнцу, закрывал глаза ладонью, старательно не смотрел на людей, и от этого казалось, что глаза его блудливо бегают. Но он действительно не хотел смотреть на людей, разве что на Петра Ивановича... Но Петр Иванович уже не мог почувствовать его взгляда.

Занятия у студентов одной группы политехнического института в этот день были сорваны по неизвестной причине. Лишь на другой день узнали, в чем дело. Заведующему кафедрой пришлось срочно ломать расписание. И почти каждый говорил: «Ну надо же так... Ни с того ни с сего... Никогда ни на что не жаловался. Выглядел молодцом...»

А в Марграде, в одной из образцово-показательных школ преподавателю химии на уроке сильно обожгло глаза. Что-то не то он смешал во время опыта. Что-то не то он там сделал. Что-то не то...

И никакой видимой связи не было между этими двумя событиями: смертью в Лагерном саду и несчастным случаем в школе. Разве что... Ветругин и Расковцев учились в Усть-Манском университете. Так ведь это когда было...

ИЮНЬ

Ночь...

Распахнутое окно и звезды.

Мысли, одна тяжелее другой, лезут в голову. Что-то не ладится в мастерской Красоты, где работаю я. От споров и доказательств пухнет голова. Криков и советов много. Еще больше предостережений. Да, красота все же возникает. И в городах, и на улицах, и в квартирах. Но красота постепенно исчезает из лесов и с полей, рек и озер.

Мир стремительно меняется. И мы не успеваем за ним. Мы спешим и делаем ошибки. Мы творим новую красоту и уничтожаем ту, что существовала веками и тысячелетиями. Нам некогда осмыслить последствия наших дел, мы больше заняты сиюминутным, чем вечным. Да и что нам вечность! Смена, декада, месяц, квартал волнуют нас больше.

Что Красота? Полезности! Норма. Стандарт...

Как понять Красоту? Можно ли ее понять? Нужно ли?

Не спится мне. Нетерпение, ожидание, трепет...

И вдруг я чувствую, как что-то грустное и зовущее начинает стучать во мне, раздвигая смутно белеющий оконный проем, приближая неуловимые, маленькие, мигающие светлячки неба и наполняя меня странным ощущением, названия которому я не могу придумать. Я только чувствую и принимаю его, как неизбежное и радостное, как неожиданные цветы в осеннюю слякоть.

Кто-то зовет меня, еще не зная, откликнусь ли я, услышу ли.

Кто-то зовет меня, и грусть закрадывается в его сердце от моей глухоты.

И тогда я вспоминаю, что такое со мной уже было. Кто-то звал меня, а я отгонял от себя этот крик мыслями о завтрашнем дне, в котором будут и деловые встре-

чи, и поездки, завтрак и обед, время для шутливых бесед с друзьями и еще множество мелких, но необходимых действий и дел.

В дни, разложенные по минутам, как расписание пригородных электричек, иногда врывается этот зов, ненавязчивый, словно пробуящий осторожным движением ноги тонкий, предательский весенний лед ручья. А я отгонял его, точно он был насекомым, случайно залетевшим в окно. И не было во мне мыслей и желаний прислушаться к тому, что шепчут мне на ухо. И только по ночам, когда все затихало, погружаясь в сны, я слышал чуть отчетливее. И это сминало стереотип моего поведения, словно дружески предлагало руку.

Смутная еще мысль-догадка возникает во мне. Она как воздух, присутствующий всегда, но сознательно не ощущаемый. И нужно глубоко задержать дыхание, чтобы почувствовать его.

Кто-то зовет меня, и я пробую разобраться. Кто же он? Но малейшая попытка применить логику к ощущению, которое я испытываю, приводит к тому, что все возвращается на свои привычные, первоначальные места. Нет, мне не понять этого, потому что, пытаясь разобраться, я невольно отвергаю, отдаляю его от себя, отпугиваю раз и навсегда заданной определенностью, в которой нет места непонятному.

Хорошо! Я согласен. Я не буду допытываться, что да почему. Пусть сегодня будет нарушено равновесие обыденности и порядка.

И тут я сам начинаю понимать, что это я неосознанно и давно зову кого-то, далекого, непонятного мне, как непонятен я сам себе.

Да, это так. Каждый раз, когда наступает ночь, я сам зову кого-то, живущего в чужом, незнакомом мне мире! И я хочу взглянуть на другое.

Я стучусь в дверь, не замечая, что стучатся и с другой стороны.

Я, кажется, уже представляю себе его. Нет, не лицо,

не фигуру. Я даже не знаю, есть ли у него лицо в том смысле, которое люди в это слово вкладывают. Он может быть и человеком, и сгустком кипящей при миллионах градусов материи. Не это важно. Я представляю себе его чувства и мысли, возникающие из этих чувств. Он, как и я, рвется куда-то за пределы отведенного ему круга, ограниченного законами природы. Вернее, только познанными им и мной законами природы. Мне понятны его грусть и отчаяние при мысли, что он не может увидеть что-то, скрытое от него рядом или за тысячи световых лет. Его грусть — моя грусть. Он понятен мне в своих чувствах, я согласен с ним, потому что он и есть я, только не здесь, на Земле, а где-то...

И тогда я осторожно, чтобы не испугать неведомое, встаю, и порыв свежего ночного ветра, пахнувшего необычным и странным, упруго бьется в мое тело, мгновение рвет мягкие шторы, превращая их в паруса, и затихает. Я воспринимаю это как согласие, как начало раскрывающегося секрета.

Я принимаю ночь со всеми ее тайнами.

Я сдергиваю со стула брюки и рубашку, шарю в темноте коридора, отыскивая туфли. Вот и все. Я готов. Я знаю и не знаю, куда мне идти. Знаю, потому что ни секунды не раздумываю над следующим шагом. И не знаю, потому что иду не сам, что-то ведет меня.

Стараясь не шуметь, спускаюсь я по лестнице, выхожу из дома. Тишина... И вдруг короткий и резкий взрыв шагов. Это я спугнул девчонку и ее парня. Они отбегают ровно на столько, сколько могут выдержать без поцелуя, шагов на пять. Мне нужно пройти мимо них. И они снова убегают, на этот раз на три шага. И больше уже не срываются с места, когда я прохожу мимо них, только парень загораживает девушку своей спиной. Чудак!

Ночь глубока, но коротка. Всего часа полтора отведено ей сегодня. У подъезда темно, не видно даже асфальта. И только когда я сворачиваю за угол дома, мяг-

кий свет уличных фонарей начинает создавать смешные, пересекающиеся, как в калейдоскопе, тени столбов и деревьев. И моя тень, сначала чуть поотстав, стремительно обгоняет меня, вытягивается и плавно исчезает, с тем чтобы вновь возникнуть позади и начать свой волнообразный циклический бег. Прямолинейная и пустая перспектива улицы сообщает мне, что это и есть дорога туда. Но пустота и безмолвие здесь только кажущиеся. Я начинаю различать листья тополей, их шепот и тихое прерывистое дыхание. Чтобы не мешать им, я выхожу на середину улицы, точно зная, что шорох шин автомобилей меня сейчас не беспокоит.

Дорога, ограниченная двумя рядами сходящихся впереди огней, ведет в бесконечность. Я это знаю, так же как знаю, что бесконечность начинается там, где эти огни сходятся друг с другом и со звездами.

Я иду, сдерживая себя, потому что мне хочется бежать. Но топот спешащих подошв сейчас невыносим. И поэтому я просто иду, смотря вверх и перед собой. Я пытаюсь разыскать в небе свою звезду и нахожу ее, хотя не могу объяснить, почему это именно моя звезда. Я многого не могу объяснить в эту ночь. Из ближайшего парка на меня налетает запах трав и цветов. А трава по обочинам дороги иногда сверкает каплями драгоценных камней, сохранившимися от вечернего, теплого и короткого дождя. Где-то за спиной выбивают мелодию городские куранты, по которым нельзя загадывать годы оставшейся жизни, потому что они научены вызывать только до двенадцати.

Чей-то зов и грусть в моей душе все сильнее, все нестерпимее. Ночь с ее таинственностью и мнимым покоем закручивает меня в свои мягкие, легкие крылья, поднимает и бросает вперед, создавая ощущение полета. И чей-то далекий крик обрывает волшебство. Но я уже не боюсь, что все пройдет.

Стволы деревьев, выхваченные из темноты светом фонарей, отступают за мою спину, а темные спящие гро-

мадины зданий медленно, словно нехотя, надвигаются на меня и затем неожиданно расступаются, разрешая увидеть следующие за ними. Бегущие огни спешат мне навстречу, стремительно растекаясь в длину и исчезая, так что из темноты выступают провода, переплетенные, как паутина гигантского насекомого, но не страшного, а лишь замысловатого и интересного.

Улица делается все шире, расправляя свой асфальт в какое-то странное подобие крыла, замершего, неподвижного и в то же время несущегося вперед со скоростью его мысли. И все окружающее меня странно меняется, трансформируясь в причудливый мир его образов.

И вот я мчусь сквозь пространство, населенное пустотой и звездами, и рассматриваю прихотливую игру красок, развивающуюся по какому-то непонятному мне сценарию. Сочетания этих красок никогда не видены мной, так же как и характер их изменения. Огромные спирали разноцветного пламени окружают меня, втягивают в свой вихрь, ласково касаются моего лица и тела, но не обжигают, а лишь приносят ощущение радости. И тогда краешком сознания я замечаю, что представляю собой уже не то существо, которое было минутой или десятилетием раньше. Что-то изменилось во мне. Столкновение красок, огня, гравитационных и электромагнитных полей и еще чего-то, что мне никогда не понять, втягивает меня в воронку, которая кончается где-то в центре звезды, звездного скопления или галактики. И мне тепло от этих миллионов градусов. А тело послушно и стремительно переносится из красного в голубое, зеленое, желтое и, наконец, туда, где нет цвета в человеческом понимании этого слова, но зато есть в каком-то другом.

Здесь хорошо, и я могу остаться, но ведь есть что-то еще, кроме этой бушующей красоты, тепла и красок без цвета и названия.

Я выбираю направление и стремительно выношусь

на поверхность океана, кипящего вокруг меня. Потом эта поверхность плавно отстает от движения моего тела, метнувшегося в пустоту, в прохладу и искристость несущихся в десятках световых лет звезд, маленьких смешных точек, одна из которых только что сжимала меня в своих объятиях. Ощущение свободы наполняет меня. Я могу мчаться куда угодно, могу согнать впереди себя клубы космической пыли и спрессовать ее в небольшой, какой-нибудь миллион километров в диаметре, шар, а потом зажечь его, превратив в еще одну звезду.

И он, он мчится рядом со мной! Непохожий на меня, странный, огромный! Он мчится рядом, чтобы показать мне все, что знает и сам. А вот и я становлюсь похожим на него, и нет мне ни конца, ни края, и ветер пустоты обвеивает меня.

Если захочу, я могу увидеть рождение Сверхновой или почувствовать гравитационный коллапс. Я могу вернуться на миллиард лет назад и даже увидеть самое начало, сингулярность Вселенной, когда из неизвестного мне состояния материи возникло все, когда еще не существовало ни Пространства, ни Времени, когда формы бытия материи были совершенно другими. Я могу увидеть то, что никогда не увидит ни один человек. Одно движение — и я уже в будущем. Только и его не понять, разве что почувствовать, что оно прекрасно и сложно.

Световые годы, закрученные в спираль и вытянутые в идеальную прямую, остаются позади, а я все впитываю в себя, стараясь все запомнить, понять. Но последнее мне редко удается. И тогда я прихожу вот к какой мысли:

Ведь это контакт!

Контакт!

Контакт с совершенно другим миром, другой цивилизацией, или как ее еще там назвать. И я ничего не пойму в том, что он мне показывает, потому что для этого я должен быть им самим. И он это знает? Или только догадывается вместе со мной? Значит, все напрасно?

Контакт не удался. Я не могу впитать их информацию, он не может передать ее Земле. Она пропадет навечно, разбившись о мое непонимание.

Нет, не то, говорит он мне.

Нет, не то, говорю я ему.

Дело совсем в другом!

Мы слишком разные. И мне никогда не понять его. Да мне и не нужны его знания. Так же как и ему — мои. Ну что я могу предложить ему? Теорему о прямоугольном треугольнике, которая в его мире не имеет смысла, или принцип движения реактивного космического корабля, который ему не нужен? И его законы неприемлемы в моем мире. Люди никогда не смогут нестись в пространстве со скоростью сотен световых лет в секунду, да еще испытывать при этом счастливое ощущение полета. Людям не ощутить приятное тепло, находясь в самом центре огромной звезды. Для этого людям нужно стать теми существами.

Так, значит, получается вот что. Контакт на уровне передачи знаний между нашими мирами невозможен. Почему же люди всегда ждали такого контакта? Может быть, потому, что такая встреча неминуемо подтолкнула бы обе цивилизации на пути небывалого научного прогресса? А не приведет ли это к гибели мира людей? Смогут ли они использовать эти знания себе во благо?

Но ведь возможен еще один путь. Путь без передачи научных знаний. Без взаимного потока сугубо научной информации.

Это путь чувств! Я не могу понять его, но я могу почувствовать, что он такое. Я не могу нестись в пространстве с его скоростью, но с его помощью я могу представить себе это, могу почувствовать. Ведь почувствовал же я красоту Вселенной, красоту мира, красоту начала, развития и конца, прелесть пустоты и тепло звезд, музыку гравитационных полей и шелест потоков нейтрино.

И этого вполне достаточно. Я уже стал другим. Я не тот, что был вчера. И из-за этого что-то новое появится на Земле. Цветок ли, поэма, математическая формула или корабль, улыбка или чистая слеза, мысль или простое понимание.

Да один ли я? Нас должно быть много, совершенно обыкновенных существ. И движет нами не только красота Вселенной, но и скромная красота Земли, красота своего города или реки, любимой девушки или интересной книги, красота и фантастика человеческих чувств, мыслей и отношений.

И как бы они, две или миллион цивилизаций, ни были далеки и непохожи друг на друга, как бы они значительно ни разошлись в техническом и научном отношении, одно у них есть общее — ощущение красоты.

Так пусть же первый контакт будет на уровне ощущения красоты, как это произошло сегодня ночью со мной!

Ты, огромный и непонятный, не имеющий со мной ничего общего, то ли сгусток энергии, то ли живое существо из белков и аминокислот, спасибо тебе!

Я видел красоту твоего мира!

А завтра я покажу тебе красоту Земли.

Я знаю, ты хочешь, ты ждешь этого.

Я буду встречать тебя. Приходи!

Я встречу тебя на той же дороге, где встретил меня сегодня ты.

И мы пойдем.

И увидим и ту смешную девчонку, которая прятала свое лицо на груди у парня, и освещенные перекрестки улиц, и цветы, для которых даже не хватает названий, и реки, и города, и горы, и океаны, и пустыни. Все, что я видел сам; все, что я когда-нибудь увижу; и все, что я так никогда и не успею увидеть! Потому что на Земле прекрасного и таинственного не меньше, чем в твоей Вселенной.

У нас есть и боль, и грязь, и слезы, и смерть. Да, все

это есть и в количествах, на много порядков больших, чем положено, отпущено нам самой природой. Человек стал настолько могущественным, что уже способен уничтожить себя и свой мир. И даже не в адском пламени, а просто тихой и спокойной своей деятельностью без оглядки. Но мы существуем. И мы уже начали работать во славу грядущей Красоты своего мира. Нам не увидеть его.

Но пусть его увидят другие, которые придут после нас. Увидишь его и ты!

Приходи!

И, может быть, я, показав тебе обыкновенный, не приметный полевой цветок, сам увижу на небе вспышку Сверхновой или звездный дождь. Я ведь не знаю, что произойдет с тобой после виденного на Земле. Но я уверен, что ты способен ощутить и нашу красоту.

Приходи.

Я жду.

И вот я снова в конце шоссе, где начинается паутина проводов. А воздух свеж и влажен, хотя и не было дождя этой ночью. И громады зданий послушно расступаются передо мной, когда я иду по улице. И небо все светлее и светлее.

Прощай, ночь!

Сегодня я стал другим.

Прощай, самая короткая ночь в году!

Я тороплюсь в свою маленькую мастерскую, в мастерскую Красоты.

О КНИГАХ В. КОЛУПАЕВА

Первый сборник повестей и рассказов Виктора Колупаева «Случится же с человеком такое!» вышел в «Молодой гвардии» в 1972 году. «Читатель встретит здесь невероятный мир, где наука и искусство поменялись местами; ребятишек, от имени человечества дающих кров и приют пришельцам из космоса; космонавта, чья любовь к родной Земле заставила ожить мертвую планету; героя еще одного рассказа — человека, обреченного на безвестность, но продолжающего вдохновенно творить» — так представлял журнал «Уральский следопыт» читателям сборник молодого автора.

В «Книжном обозрении» за 19 октября 1979 года в статье «Прозрение Артемия Мальцева» В. Борисов из Абакана писал:

«Поначалу новая книга Виктора Колупаева «Фирменный поезд «Фомич» (М., «Молодая гвардия», 1979) читается легко. Фантазия автора сразу же захватывает читателя и бросает его в круговерть причудливых событий, происходящих с героями повести. Пришельцы, параллельные миры, путешествия во времени — все эти знакомые атрибуты научной фантастики внушают мысль, что все описанное далеко от реальности, от наших сегодняшних забот и проблем, и наивный читатель настраивается на развлекательное чтение, снисходительно покачивая головой по поводу перипетий, разыгрывающихся в фирменном поезде «Фомич».

Однако проходит некоторое время, и, несмотря на обилие новых фантастических сюрпризов, читатель вдруг обнаруживает, что пассажиры поезда «Фомич» в общем-то обычные наши современники, каких и сам он, читатель, не раз встречал в реальных поездах, а в некоторых персонажах проглядывают и его, читателя, черты. А немного погодя становится ясно, что и проблемы, волнующие пассажиров странного поезда, созвучны нашим проблемам, что вся эта фантазмагория понадобилась автору лишь для того, чтобы четко выделить тот круг социальных задач, которые стоят перед современным обществом.

Увеличительное стекло фантастики позволило Виктору Колупаеву детально рассмотреть некоторые отрицательные явления нашей действительности. Что помогает существованию и распространению

«вирусов» вещизма, мещанства, стяжательства? Наше собственное безволие, равнодушие ко всякого рода мелким антиобщественным явлениям.

К чести Артемия Мальцева, он, как и большинство героев повести, принимает верное решение в трудный час и не теряет лучших человеческих качеств, даже рискуя собственной жизнью. Фирменный поезд «Фомич» благополучно прибывает в Марград, и мы верим, что его пассажиры найдут в себе силы и в дальнейшем оставаться непримиримыми к любым проявлениям аморальности и антигуманизма».

СОДЕРЖАНИЕ

Молчание	5
Любовь к Земле	16
Две летящих стрелы	51
Седьмая модель	61
Исключение	89
Улыбка	115
Мама!	140
Разноцветное счастье	147
Печатающий механизм	182
Фильм на экране одного кинотеатра	191
Спешу на свидание	212
Два взгляда	227
Июнь	242
 О книгах В. Колупаева	 251

Колупаев В. Д.

К 61 Седьмая модель. — М. : Мол. гвардия, 1985. — 253 с., ил. — (Б-ка сов. фантастики).

85 к. 100 000 экз.

В книгу включены рассказы и повести сибирского фантаста, посвященные психологии научного поиска, социальным последствиям научных открытий.

К 4702010200—107 144—85
078(02)—85

ББК 84Р7
Р2

ИБ № 4462

Виктор Дмитриевич Колупаев

СЕДЬМАЯ МОДЕЛЬ

Редактор Т. Журавлева

Рецензент Л. Михайлова

Художники Г. Бойко, И. Шалито

Художественный редактор Б. Федотов

Технический редактор Г. Прохорова

Корректоры И. Ларина, Е. Дмитриева

Сдано в набор 28.09.84. Подписано к печати 11.03.85. А02176.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 11,2. Усл. кр.-отт. 11,55.
Учетно-изд. л. 11,6. Тираж 100 000 экз. Цена 85 коп. Заказ 1438.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцеская, 21.

**В 1985 ГОДУ
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
ВЫХОДЯТ В СВЕТ
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЕ КНИГИ:**

**Гуревич Г. И.
В зените.**

**Гуляковский Е. Я.
Долгий восход на Энне.**

**Биленкин Д. А.
Лицо в толпе.**

**Лапин Б. Ф.
Первый шаг.**

**Назаров В. И.
Зеленые двери земли.**

**Никитин Ю. А.
Далекий светлый терем.**

**Шайхов Х. В.
В тот необычный день.**

**Щербаков В. И.
Чаша бурь.**

85 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

